

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023 Том 6 № 4

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий отделом, Ближнего и Постсоветского Востока, главный редактор журнала «Ближний и Постсоветский Восток», Москва, Российская Федерация

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Арчана Упадхай, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстане Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), директор Информационно-аналитического центра «Евразия-Поволжье», Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, профессор кафедры Международные финансы и инвестиции Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, декан факультета практической дипломатии Дипломатической академии Республики Узбекистан, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Майтдинова Гузель Майтдиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-таджикского славянского университета (РТСУ), директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской академии архитектуры и строительства, Душанбе, Республика Таджикистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник Российской Федерации Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии по геополитике, Президент Eurocontinent (Брюссель, Бельгия), доцент Университета Лион III, университета Жана Мулена (Лион), профессор геополитики в ISSEP (Лион), Французская Республика

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ); главный редактор «Журнала политических исследований» Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Журнал включен в список ВАК РФ от 22 октября 2021 г.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2023 г., следующий:

№ 6 2023	Номер не тематический	до 01.09.2023 г.
№ 7 2023	Номер не тематический	до 01.10.2023 г.
№ 8 2023	Номер не тематический	до 01.11.2023 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2023

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2023 VOLUME 6 No. 4

<http://> <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljev@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko

PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina

Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik

Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Archana Upadhyay, PhD in Political Sciences, Professor, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Avatkov Vladimir Alekseevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Head of the Department, Middle and Post-Soviet East, Chief Editor of the journal "Near and Post-Soviet East", Moscow, Russian Federation

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Dean of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History,

Political Science and Law for Scientific Work of the Moscow State Regional University (MSOU); Editor-in-Chief of the "Journal of Political Studies" Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Leading Researcher at the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of of the Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maitdinova Guzel Maitdinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy (RTSU), Director of the Centre for Geopolitical Studies of the RTSU, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economics, Professor of the MFI Department of the University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, Dean of the Faculty of Practical Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Wolde Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Thomann Pierre-Emmanuel, PhD in Geopolitics, President of Eurocontinent (Brussels, Belgium), Associate Professor at Lyon III University, Jean Moulin University (Lyon), Professor of Geopolitics at ISSEP (Lyon), French Republic

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

The journal is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of October 22, 2021.

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

The official website of the magazine: <https://www.postussr.org>

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2023 will deal with the following issues:

№ 6 2023	Non-thematic issue	Until 01.09.2023 г.
№ 7 2023	Non-thematic issue	Until 01.10.2023 г.
№ 8 2023	Non-thematic issue	Until 01.11.2023 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website. <https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

КОНЦЕПЦИИ

Аватков В.А., Кудряшова Д.А. Общeturецкая и общеевропейская идея: сходства и различия370

Самкаев И.М. Цивилизационная теория в науке международных отношений: противостояние Востока и Запада.....378

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНЦИИ

Буторов А.С., Дегтерев Д.А., Савичева Е.М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: новая база данных РУДН по международным отношениям388

Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны.....401

Велиев Р.Р., Велиев А.Р. Политические процессы на Южном Кавказе: Азербайджан-Иран.....412

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей426

Рахимов К.Х., Супотаева Д.Р. Деятельность религиозного движения «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане437

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Косов А.П. Эволюция образа США в общественном мнении России в XXI веке.....445

Золотарев Ф.Е. Сетевой анализ внешних связей у субнациональных акторов России.....457

ПРОБА ПЕРА

Дин Синьи. Мотивации государственной языковой политики в сфере русского языка в России472

РЕЦЕНЗИЯ

Наумова А.Ю. Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 5: Кыргызстановедение / Под науч. ред Пивовора Е.И. Москва: Издательство РГГУ, 2022. 305 с.....484

Contents

CONCEPTS

- Avatkov V.A., Kudryashova D.A.** Common Turkish and Pan-European idea: similarities and differences.....370
- Igor M. Samkaev.** Civilizational theory in the science of international relations: confrontation be-tween East and West.....378

SOUTH CAUCASUS IN CONDITIONS OF GLOBAL TURBULENCE

- Butorov A.S., Degterev D.A., Savicheva E.M.** Regional security in the South Caucasus: a new PFUR database on international relations.....388
- Aghazada M.M.** The geopolitical situation in the South Caucasus after the Second Karabakh War.....401
- Veliev R.R., Veliev A.R.** Political processes in the South Caucasus: Azerbaijan-Iran.....412

REGIONAL SECURITY ISSUES

- Knyazev A.A., Gulam N.Ya.** The Ethnopolitical Situation in Afghanistan: External Influences and the Involvement of Neighboring Countries426
- Rakhimov K.Kh., Supotaeva D.R.** Religious movement activity Tablighi Jamaat in Kyrgyzstan.....437

FOREIGN POLICY OF RUSSIA

- Kosov A.P.** Evolution of the Image of the United States in Russian Public Opinion in the 21st Century.....445
- Zolotarev F.E.** Social Network Analysis for Subnational Units' External Relations of Russia.....457

FIRST STEPS

- Ding Xinyi.** Motivations of the Russian language policy in the Russian Federation472

REVIEW

- Anastasia Yu. Naumova** Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies. Issue 5: Kyrgyzstanology / Under scientific. ed by Pivovara E.I. Moscow: Publishing House of the Russian State University, 2022. 305 S.....484

КОНЦЕПЦИИ / CONCEPTS

Научная статья / Research article

Общетурецкая и общеевропейская идея: сходства и различия

В. А. Аватков

ИНИОН РАН, Москва, Россия

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>; e-mail: v.avatkov@gmail.com

Д. А. Кудряшова

АНО «Востис», Москва, Россия

e-mail: kudryashova.daria1003@mail.ru

Аннотация. Цель исследования - выявить общие и отличительные черты двух интеграционных идей - общеевропейской и общетурецкой - легших в основу Европейского союза и Организации тюркских государств. В статье были проанализированы основные инструменты «мягкой силы», реализуемые в рамках идейных концепций, а для исследования результативности идейных моделей выбраны три сферы: культурная, научно-образовательная и экономико-политическая. Сравнение по обозначенным критериям продемонстрировало основное различие между общеевропейской и общетурецкой идеями. В двух моделях интеграция неразрывно связана с понятием идентичности, а точнее, наднациональной идентичности. Однако ключевое различие заключается в подходах к её построению. В Европе наднациональная идентичность строится в соответствии с зонтичным подходом, в рамках которого создается единая надидентичность, находящая отклик в идейных концептах отдельных стран и объединяющая их. Турция, в свою очередь, распространяет свою интеграционную идею, базирующуюся на принципах гнездовой идентичности, подразумевающей подстраивание тюркских концептов в турецкие логики и отождествление с турецкими ценностями. В связи с этим, Турецкая Республика продвигает инициативу выработать в рамках ОТГ единый тюркский язык на базе турецкого. Схожими чертами двух интеграционных моделей являются разнородность стран-участниц и актороцентричность. В качестве отличий была выявлена асимметричная взаимозависимость стран ОТГ в силу главенствующего положения Турции, стремление турок размыть тюркскую идентичность постсоветских государств, при желании европейцев сохранить уникальность каждой отдельной взятой страны. При подготовке материала были использованы: исторический, системный, описательно-сравнительный методы и сравнение.

Ключевые слова: наднациональная идентичность, ЕС, ОТГ, интеграционные модели, постсоветское пространство, общеевропейская идея, общетурецкая идея, пантюркизм.

Для цитирования: Аватков В. А., Кудряшова Д. А. Общетурецкая и общеевропейская идея: сходства и различия // Постсоветские исследования. 2023;4(6):370-377.

Common Turkish and Pan-European idea: similarities and differences

Vladimir A. Avatkov

INION RAN, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>; e-mail: v.avatkov@gmail.com

Daria A. Kudryashova

ANO «Vostis», Moscow, Russia

E-mail: kudryashova.daria1003@mail.ru

Annotation. The purpose of the study is to identify common and distinctive features of two integration ideas - pan-European and all-Turkish - that formed the basis of the European Union and the Organization of Turkic States. The article analyzed the main tools of "soft power" implemented

within the framework of ideological concepts, and three spheres were chosen to study the effectiveness of ideological models: cultural, scientific and educational, and economic and political. The comparison according to the indicated criteria demonstrated the main difference between the pan-European and general Turkish ideas. In the two models, integration is inextricably linked with the concept of identity, or rather, supranational identity. However, the key difference lies in the approaches to its construction. In Europe, supranational identity is built in accordance with an umbrella approach, within the framework of which a single supra-identity is created that resonates with the ideological concepts of individual countries and unites them. Turkey, in turn, is spreading its integration idea based on the principles of nest identity, implying the adaptation of Turkic concepts to Turkish logics and identification with Turkish values. In this regard, the Republic of Turkey is promoting the initiative to develop a single Turkic language based on Turkish within the framework of the OTG. Similar features of the two integration models are heterogeneity of the participating countries and actorcentricity. As differences, the asymmetric interdependence of the OTG countries was revealed due to the dominant position of Turkey, the desire of the Turks to blur the Turkic identity of the post-Soviet states, with the desire of Europeans to preserve the uniqueness of each individual country. When preparing the material, the following methods were used: historical, systematic, descriptive and comparative methods and comparison.

Key words: supranational identity, EU, OTG, integration models, post-Soviet space, pan-European idea, common Turkish idea, pan-Turkism.

For citation: Vladimir A. Avatkov, Daria A. Kudryashova Common Turkish and Pan-European idea: similarities and differences // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;4(6):370-377. (In Russ.).

Формирующийся многополярный мир характеризуется активным появлением и ростом новых центров силы. Политический вес и устойчивость на международной арене сегодня набирают не только отдельные участники, но и их объединения - интеграционные организации. В мире существуют разные типы интеграционных моделей – начиная от исключительно экономических, заканчивая теми, в чью ответственности входят все сферы жизни человека вплоть до культуры и образования. Одной из наиболее успешных интеграционных идей считается общеевропейская, которая лежит в основе Европейского союза - самой масштабной по количеству и степени интеграции участников организации. В то же время на мировой шахматной доске большими шагами через две клетки ходит Организация тюркских государств – относительно молодая, но вместе с тем амбициозная и поддающая большие надежды интеграционная модель, основанная на общетуецкой идее.

Цель данного исследования — изучить результативность моделей интеграции на примере Европейского союза и Организации тюркских государств. Изучение общих и отличных черт в таких сферах, как культура,

образование и экономика, позволит провести сравнительный анализ двух интеграционных моделей и концепций: общеевропейской и общетуецкой.

Предпосылки формирования общеевропейской и общетуецкой интеграционной модели

Запрос на общеевропейскую интеграционную модель возник как ответная реакция на американский план Маршалла, который хоть и предоставлял финансовую помощь всем странам, понесшим ущерб вследствие разрушительной Второй мировой войны, но вместе с тем позволял США осуществлять контроль над выдаваемыми средствами и тем самым вмешиваться в европейскую политику.

Общеевропейская идея нашла свое отражение в концепции «Европа регионов» и была обусловлена рядом причин. Прежде всего, потребностью региона в построении и сохранении долгосрочного мира ради восстановления разрушенных экономик Европы. Во многом поддерживать мир предполагалось за счет наднационального контроля над политикой нацистской Германии.

Кроме того, сплочение Европы было продиктовано окончанием американской

программы финансирования в рамках «Плана Маршалла», после чего европейцы могли надеяться только на собственные силы.

Наконец, биполярная система, сформировавшаяся после Второй мировой войны, исключала Европу как сильного самостоятельного актора международных отношений и центра притяжения, вокруг которого могли объединяться региональные державы. Так, общеевропейская идея стала символом восстановления не только экономических, но и геополитических позиций региона на мировой арене.

Интеграция по турецким лекалам сформировалась, в отличие от европейской, не на пике мощи Советского Союза, а лишь после того, как он перестал существовать как субъект международных отношений. Пока мир не мог поверить в случившееся, Турция увидела в распаде СССР окно возможностей для усиления своего влияния на Постсоветском пространстве, стала первым государством [Дружиловский 2005:], признавшим независимые республики и запустила процессы «мягкой силы» в отношении государств Центральной Азии, Южного Кавказа, а также тюркоязычных субъектов Российской Федерации для формирования протурецкого лобби внутри государств.

К тому моменту в Турции уже прослеживался интерес к этнокультурному объединению тюрков мира, получивший свое воплощение в концепции «пантюркизма». Родство общин было вполне жизнеспособной идеей для присутствия в регионе и удачно сглаживало отсутствие у Анкары ресурсной базы как у будущего центра силы [Аватков, Сбитнева 2022: 293].

Для сравнения двух интеграционных моделей и выявления схожих и различных черт у общеевропейской и общетурецкой идей были выбраны три плоскости интеграции: культурная, научно-образовательная и политико-экономическая.

Культурная идентичность в рамках ОТГ и ЕС

В качестве базовой идеологемы интеграции турецкой модели была выбрана культура и общая вековая история – за неимением иных оснований Турецкой Республики естественным путем сблизиться с постсоветскими республиками. Историческая близость, между тем, считается мощным объединяющим элементом данной интеграционной модели, превосходящим по своей силе компоненты других интеграционных союзов.

По этой причине институты «мягкой силы» Анкары, в числе которых Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА), Фонд имени юнуса Эмре, транслировали в качестве основной своей цели сохранение наследия общетюркской идентичности¹

В действительности же Турция лоббирует свои интересы за счет формирования образа предводителя и защитника тюркских народов, создание которого – заслуга вышеупомянутых механизмов «мягкой силы».

По большей части в вышеупомянутых организациях состоит стандартный набор государств: Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан при том, что большинство процессов курируется именно Турцией, а пресловутая общетюркская идентичность подгоняется под турецкие стандарты.

И пока Турция постепенно подводит тюркские «показатели» под один знаменатель, в Европе идут по пути сочетания и сосуществования всех европейских культур в рамках единой надевропейской идентичности. Это решение нашло свое отражение в девизе интеграционного объединения «единство в многообразии».

Европейская наднациональность формируется, в первую очередь, в

¹ Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан от 24 мая 1995 г. № 737 «Об утверждении Договора о структуре и принципах функционирования ТЮРКСОЯ» // Информационно-

правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/>

культурной плоскости путём распространения «европейской идеи» и чувства принадлежности к Европе. Так, граждане ЕС считают себя важнейшим элементом единой Европы, задача которой сохранить уникальность каждой европейской страны, вывести на первый план общеевропейское культурное наследие, повысить чувство сопричастности к нему, при этом уважая национальные и религиозные особенности отдельных государств.

Сложность реализации подобного интеграционного концепта заключается, во-первых, в сосуществовании этнонациональной и наднациональной идентичности, при том, что обе идеи должны быть понятны и разделяемы европейцами и внутри отдельно взятой страны и в пределах всего Европейского союза. Для конструирования идейно-ценностного концепта запускаются проекты, среди которых Культурные столицы Европы, Европейские дни наследия и Европейский знак наследия. Отклик среди населения получила так называемая политика памяти, в рамках которой была создана сетевая платформа EUROPEANA для материалов по европейскому культурному и историческому наследию - в ней уже хранится коллекция, посвященная Первой мировой войне¹ и миграционным вызовам², и открыт Дом европейской истории, призванный формировать общеевропейское сознание³.

Немаловажным остается тот факт, что Евросоюз как интеграционное объединение, согласно Договору о ЕС, лишь софинансирует различные межнациональные проекты, а в остальном сфера культуры является компетенцией национальных государств. Лиссабонский договор 2007 г. лишь подтверждает, что культурная политика остается в границах

компетенции стран-членов при дополнительных функциях со стороны ЕС.⁴

Научно-образовательная деятельность как аспект формирования идентичности в ОТГ и ЕС

В сфере образования планомерное распространение турецкого влияния происходит за счет формирования специализированных учреждений и внедрения турецких стандартов. В настоящее время по турецким образовательным стандартам работают некоторые университеты в Казахстане (им. Ходжи Ахмеда Ясави), Киргизии (университет Манас), лицеи в Азербайджане, а Тюркская академия и министерства образования стран Тюркского совета разрабатывают учебники по общей истории тюркских народов для средних школ стран-участниц ОТГ.

Вместе с тем постсоветские государства «тюркского мира» медленно, но, верно, отказываются от кириллицы в пользу латинского алфавита: Азербайджан, Туркмения, Узбекистан и Казахстан уже перешли на латиницу, аналогичные дискуссии стали все чаще возникать в Киргизии⁵, и это – только начало. Сейчас Турция активно продвигает инициативу создания единого общетюркского языка, за основу которого предлагается взять турецкий. Недавнее решение стран-членов ОТГ о формировании Комиссии по созданию единого тюркского алфавита геополитически обоснованно, поскольку это составной элемент формирования единой туркоцентричной системы.

Научно-образовательная сфера стала одним из столпов построения и наднациональной европейской идентичности. Научные программы, как и программы обмена студентов, считаются чуть ли не самым успешным инструментом европейской «мягкой силы». Концепция «Европейского научного пространства»

¹ Europeana 1914-1918 // URL: <https://www.europeana.eu/portal/en/collections/world-war-i>.

² Europeana. Migration // URL: <https://www.europeana.eu/portal/en/collections/migration>

³ Questions and Answers about the House of European

History // URL: https://historia-europa.ep.eu/sites/default/files/assets/qa_en_2017.pdf.

⁴ Лиссабонский договор 2007 г. // URL: <https://eulaw.ru/treaties/lisbon/>

⁵ Евразия. Эксперт «Кыргызстан перейдет на латиницу вслед за Казахстаном?» // URL: <https://eurasia.expert/kyrgyzstan-pereydet-na-latinituvsled-za-kazakhstanom/> (дата обращения: 23.01.2023)

стала краеугольным камнем Лиссабонской стратегии ЕС 2000 года и включена в европейскую повестку дня до сих пор¹, а «Горизонт 2020» представляет собой крупнейшую научно-исследовательскую и инновационную программу ЕС с бюджетом почти 80 миллиардов евро.

Образовательная программа ERASMUS является важным элементом построения наднациональной идентичности за счет сотрудничества национальных и наднациональных политических структур для унификации системы образования [Бикерниесе 2019: 26] и, в связи с этим предстает неким символом «европейской идеи», одной из основных ассоциаций. Согласно опросу, проведенному социологической службой «Евробарометр» в 2018 г., программы студенческого обмена «Эразмус» заняли почетное третье место в категории «самые положительные результаты деятельности ЕС» сразу после «свободы перемещения людей, товаров и услуг» и «поддержания мира между странами – членами ЕС»².

Экономико-политическая сфера как связующий элемент наднациональной идентичности двух интеграционных моделей

Экономическая составляющая считается фундаментом Евросоюза. Шенгенские соглашения, предусматривающие отмену визового контроля на внутренних границах большинства стран ЕС, стали «мотором европейской интеграции», которая, согласно Лиссабонскому договору, лежит в основе деятельности Евросоюза.

Формирование единого внутреннего рынка ЕС – межгосударственного пространства, в котором не существует внутренних границ, упразднило импортно-экспортные пошлины и создало все условия для свободного перемещения товаров без

каких-либо препятствий, что способствует непрерывному и сбалансированному росту государств и более тесным связям между членами объединения.

Однако для получения выгод от тех же упраздненных границ, участницы Еврозоны, к примеру, обязаны выполнять определенные обязательства, далеко не всегда отвечающие национальным интересам государств [Кондратов 2010: 119-120]. И хотя членство в ЕС подразумевает, что все страны-участницы осуществляют единую валютную политику, призванную усиливать как общеевропейскую интеграцию, так и национальные экономики, только 15 из 27 стран-участниц Европейского Союза состоят в зоне евро.³

Граждан ЕС пытаются сделать частью политического процесса за счет референдумов, а выборы в Европейский парламент некоторые называют своеобразным индикатором наднациональной идентичности европейских граждан [Арапина 2013]. Несмотря на усилия европейских лидеров, политическая целостность союза, по мнению ряда исследователей, является номинальной и декларируется зачастую лишь на уровне элит [Колянов 2019: 78], поскольку за всё время существования союз не переставал функционировать преимущественно как экономический альянс.

ОТГ, как относительно молодая интеграционная модель, только начала развивать экономическую составляющую. Согласно «Видению Тюркского мира – 2040»⁴, стратегической и первостепенной целью членов ОТГ является создание свободной экономической зоны, обеспечивающей беспрепятственный товарооборот между странами.

2023 год был объявлен годом «расцвета тюркской цивилизации»⁵ - на последнем

¹ Council of the European Union Conclusions on the definition of a “2020 Vision for the European Research Area” // Brussels, 1 and 2 December 2008. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/intm/104434.pdf

² Public Opinion in the European Union: Standart Eurobarometer 90. // European Commission. November 2018. URL: https://ec.europa.eu/malta/sites/malta/files/eb90_final_en.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

³ Право Европейского Союза // URL: <https://eulaw.ru/translation/dogovor-ob-upravlenii-v-zone-evro/>

⁴ Andolu Ajansi «Исторический поворотный момент: «Концепция тюркского мира до 2040 года»» // URL: <https://inlnk.ru/20M5eE> (дата обращения: 19.01.2023)

⁵ Andolu Ajansi «Саммит в Самарканде: новая страница в сотрудничестве тюркских государств» // URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/саммит-в->

саммите глав ОТГ в Самарканде страны-участницы приняли решение об учреждении Тюркского инвестиционного фонда размером в 500 млн.долларов, а также анонсировали решение создать единую транспортную систему в рамках ОТГ.

Система транспортных каналов является геополитически взаимовыгодной инициативой: страны Постсоветского пространства получают выход на внешние рынки за счет географического положения Турции; Анкара в контексте идеологии «хаба» использует ресурсы внешних игроков, например, нефть и газ, для собственного развития, взамен на транзитные услуги; инфраструктурные проекты становятся очередной интеграционной нитью для более тесного сближения Турции и тюркских государств Постсоветского пространства.

Сегодня эта идея успешно реализуется за счет уже функционирующих энергетических и инфраструктурных проектов (Трансанатолийский газопровод (TANAP), нефтепровод «Баку—Тбилиси—Джейхан», Южно-Кавказский газопровод «Баку—Тбилиси—Эрзурум», Срединный коридор.

Тем не менее, не смотря на большое количество инициатив, рассчитанных на рост экономик стран-участниц, экономические показатели в рамках ОТГ пока что говорят только о начальном этапе строительства туркцoцентричной системы. Президент Узбекистана не стал скрывать, что торговля между участниками ОТГ составляет лишь 4% от внешнеторгового оборота¹. Однако начало плотному экономическому сотрудничеству уже положено, и Анкара ловко оплетает страны Центральной Азии, укрепляет связи на долгосрочную перспективу.

ОТГ и ЕС: расстановка приоритетов

Создание Евросоюза было продиктовано стремлением противостоять экономической экспансии США после Второй мировой войны. Как итог, Евросоюз создавался на базе единого экономического пространства с

введением общей валюты, отсутствием паспортно-визового контроля, свободным движением капитала и трудовых ресурсов, в то время как ОТГ возник благодаря турецкой концепции пантюркизма, направленной на расширение влияния государства на мировой арене за счет государств Центральной Азии.

Проанализировав предпосылки создания двух интеграционных моделей, ЕС и ОТГ, исследовав идейные концепты вышеупомянутых объединений, можно сделать следующие выводы.

В рамках идейных концепций и ОТГ и Европейского союза интеграция как явление невозможна без определения наднациональной идентичности. Только в случае ЕС страны-участницы отождествляют себя с целым регионом, а члены ОТГ встраиваются в турецкую картину мира.

Однако общeturецкая идея развивается по принципу гнездовой идентичности (nested identities) [Бикернице 2019: 25], в рамках которой все маленькие сообщества (постсоветские государства) являются частью более крупного сообщества (турецкого) и идентифицируют себя с ним, а вот общеевропейская идея развивается согласно «зонтичному» подходу (umbrella approach) [Бикернице 2019: 25], предполагающему создание общей идеи, которая бы соответствовала всем национальным идентичностям и при этом объединяла их.

Разнородность стран-участниц можно считать общей чертой двух интеграционных моделей, поскольку страны, несмотря на общеевропейское право, единые экономические стандарты, имеют отличные внешнеполитические и экономические интересы, национальные законодательства и механизмы регулирования. К созданию ОТГ страны-участницы подошли с разными целями и интересами. Так Азербайджан изначально склонялся к сближению с Турцией [Аватков 2021: 169], в то время как Казахстан и Узбекистан планировали создать собственный путь развития.

самарканде-новая-страница-в-сотрудничестве-тюркских-государств/2734383#

¹ Rambler.news «Президент Узбекистана предложил ежегодно проводить экономические форумы тюркских стран» // URL:

<https://news.rambler.ru/conflicts/49666672-prezident-uzbekistana-predlozhil-ezhegodno-provodit-ekonomicheskie-forumy-tyurkskih-stran/> (дата обращения:23.01.2023)

В качестве еще одной общей черты можно назвать актороцентричность двух моделей – в ОТГ роль первой скрипки играет Турецкая Республика, в то время как локомотивами Евросоюза были и пока еще остаются Германия и Франция, постоянно борющиеся за первое место на европейском пьедестале.

Европейскую идею от турецкой отличает, в том числе, сохранение языков всех стран участниц, в то время как Турецкая Республика активно лоббирует создание единого тюркского языка на основе турецкого. И пока Анкара размывает общетюркские культурные и исторические особенности и замещает их турецкими логиками, Европа обыгрывает сосуществование множества европейских культур под одной крышей.

В отличие от ЕС, ОТГ характеризуется асимметричной взаимозависимостью между странами-участницами: в силу главенствующего положения Турции взаимодействие остальных государств между собой не отличается интенсивностью.

Что касается перспектив развития двух интеграционных структур, то ОТГ прогнозируют качественное развитие на фоне глобальных изменений в системе международных отношений и роста Турции

как самостоятельного центра силы, активно участвующего в международных политических процессах. А у ЕС на фоне последних кризисов, есть, вероятно, лишь два пути развития: союз продолжает выполнять функции наднациональной организации либо перестает существовать, поскольку противоречия, обозначившиеся на фоне всех вызовов последних лет, слишком сильны.

На основе сравнения двух интеграционных моделей - Евросоюза и Организации тюркских государств - можно сделать вывод, что интеграционная модель Турции, основанная на концепции пантюркизма, является более успешной. За счет небольшого количества участников интеграция получается более всеобъемлющей, охватывает все уровни взаимодействия: от формирования единого языка на основе турецкого вплоть до совместных инфраструктурных проектов. Вместе с тем, стоит сказать, что главное отличие заключается в походах к формированию идентичности в рамках интеграции — Европа стремится объединить множество разноплановых европейских концептов, в то время как Турция выбрала простой путь встраивания тюркских идеологем в систему турецких ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В. А., Сбитнева А. И.* «Новый национализм Турецкой Республики» // Вестник РУДН. 2022. №2. Т. 24. С. 291–302
- Аватков В.А.* «Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет» // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №5. Т. 14. С. 162-176.
- Аратина С.В.* «Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты)» // АШПИ. 2013 URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2232>
- Бикернице А.* Образование как фактор конструирования наднациональной идентичности (на примере Европейского союза) // Общество: Политика, Экономика, Право. 2019. №6. С. 24-29
- Дружиловский С. Б.* «Турция: привычка управлять» // Россия в глобальной политике. 2005. №6. С. 48-61
- Колянов А.Ю.* «Европейская идентичность сегодня: мысль или ощущение?» // Социология. 2019. №5. С. 76-87
- Кондратов Д. И.* «Валютная политика в Еврозоне и ее влияние на динамику промышленного производства» // Проблемы прогнозирования. 2010. №3. С. 119-130

REFERENCES

- Avatkov V. A., Sbitneva A. I.* «Novyi natsionalizm Turetskoi Respubliki» // Vestnik RUDN. 2022. No 2. vol. 24. S. 291–302
- Avatkov V.A.* «Postsovetskoe prostranstvo i Turtsiya: itogi 30 let» // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2021. No 5. vol. 14. С. 162-176.

- Arapina S.V.* «Evropeiskaya identichnost': teoriya i praktika (nekotorye aspekty) // AShPI. 2013
URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2232>
- Bikernietse A.* Obrazovanie kak faktor konstruirovaniya nadnatsional'noi identichnosti (na primere Evropeiskogo soyuza) // Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo. 2019. No 6. S. 24-29
- Druzhilovskii S. B.* «Turtsiya: privychka upravlyat'» // Rossiya v global'noi politike. 2005. No 6. S. 48-61
- Kolyanov A. Yu.* «Evropeiskaya identichnost' segodnya: mysl' ili oshchushchenie?» // Sotsiologiya. 2019. No 5. S. 76-87
- Kondratov D. I.* «Valyutnaya politika v Evrozone i ee vliyanie na dinamiku promyshlennogo proizvodstva» // Problemy prognozirovaniya. 2010. No 3. S. 119-130

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аватков Владимир Алексеевич, д.п.н., доцент, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник. Москва, Россия. (Email: v.avatkov@gmail.com).

Кудряшова Дарья Андреевна, специалист по связям с общественностью Центра востоковедных исследований и межкультурных коммуникаций АНО «Востис». Москва, Россия. (E-mail: kudryashova.daria1003@mail.ru)

Vladimir A. Avatkov, Dr. Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Near and Post-Soviet East of the INION RAS, leading researcher. Moscow, Russia. (E-mail: v.avatkov@gmail.com).

Daria A. Kudryashova, Public Relations specialist of the Center for Oriental Studies and Intercultural Communications of the ANO «Vostis». Moscow, Russia. (E-mail: kudryashova.daria1003@mail.ru)

Цивилизационная теория в науке международных отношений: противостояние Востока и Запада

И. М. Самкаев

Почетный консул Республики Корея в городе Тюмени, г. Тюмень, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-4944>; e-mail: sim2062.92@gmail.com

Аннотация: Концепт «цивилизация» появился достаточно давно – в XVIII в. – и до сих пор остается актуальным. Если проследить эволюцию данного понятия, то оно начинается с А. Фергюсона, Г.Т. Бокля, Л.Г. Моргана, которые определили будущие контуры понимания цивилизации как таковой, и концептуализируется уже в рамках самостоятельных теорий Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Тойнби, французской школой Анналов (Ф. Броделем, Л. Февром) и социологией (Э. Дюркгеймом). В науке международных отношений данный подход утвердил С. Хантингтон, говоривший о будущем столкновении цивилизаций и возвышении Азии, что сейчас видно любому исследователю невооруженным глазом. Ключевой для цивилизационной теории выступает дихотомия Восток–Запад, популяризатором которой, безусловно, можно назвать Ф. Фукуяму. Он выступал с противоположной позиции, нежели С. Хантингтон, и полагал, что конец истории наступит с полномасштабным распространением по всему миру идеи либеральной демократии. Человечество уже познало Иракскую (2003–2011 гг.) и Афганскую (2001–2021 гг.) войны, инициированные США и не приведшие к установлению там тех самых демократических режимов. Это еще больше подтверждает правоту позиции ученых, придерживающихся цивилизационной парадигмы. Актуальность тематики статьи несомненна, поскольку сегодня мировая система находится в турбулентности, происходит множество различных вооруженных конфликтов между цивилизациями, Западом и Востоком. А религиозные движения, радикально ориентированные, даже с экстремистской направленностью, становятся популярными на Востоке ввиду неразвитой сферы образования и отставании по целому ряду отраслей экономики. Такая исследовательская рамка перспективна ввиду достаточной обоснованности цивилизационной теории и ее применимости в практике современных международных отношений.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационная теория, цивилизационный подход, Восток и Запад, Данилевский, Хантингтон, Фукуяма.

Для цитирования: Самкаев И. М. Цивилизационная теория в науке международных отношений: противостояние Востока и Запада // Постсоветские исследования. 2023;4(6):378-387

Civilizational theory in the science of international relations: confrontation between East and West

Igor M. Samkaev

Honorary Consul of the Republic of Korea in the city of Tyumen, Tyumen, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-4944>; e-mail: sim2062.92@gmail.com

Summary: The concept of "civilization" appeared quite a long time ago - in the 18th century. - and still remains relevant. If we trace the evolution of this concept, then it begins with A. Ferguson, G.T. Boklya, L.G. Morgan, who determined the future contours of the understanding of civilization as such and is already conceptualized within the framework of independent theories of N.Ya. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee, the French Annales school (F. Braudel, L. Febvre) and sociology (E. Durkheim). In the science of international relations, this approach was approved by S. Huntington, who spoke about the future clash of civilizations and the rise of Asia, which is now visible to any researcher with the naked eye. The key to civilizational theory is the East-West dichotomy, whose popularizer, of course, can be called F. Fukuyama. He spoke from the opposite position than S. Huntington and believed that the end of history would come with the full-scale spread of the idea

of liberal democracy throughout the world. Mankind has already known the Iraqi (2003–2011) and Afghan (2001–2021) wars initiated by the United States and did not lead to the establishment of those same democratic regimes there. This further confirms the correctness of the position of scientists who adhere to the civilizational paradigm. The relevance of the topic of the article is undeniable, since today the world system is in turbulence, there are many different armed conflicts between civilizations, the West and the East. And religious movements, radically oriented, even with an extremist orientation, are becoming popular in the East due to the underdeveloped education sector and the lag in a number of economic sectors. Such a research framework is promising due to the sufficient validity of civilizational theory and its applicability in the practice of modern international relations.

Keywords: civilization, civilizational theory, civilizational approach, East and West, Danilevsky, Huntington, Fukuyama.

For citation: Igor M. Samkaev. Civilizational theory in the science of international relations: confrontation between East and West // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):378-387. (In Russ.).

В современных международных отношениях цивилизационные различия проявляются во все большей степени. На Ближнем Востоке к власти в государствах приходят радикальные исламисты, Китай со своей философской системой становится доминантой в экономике, Южная Корея все более интегрируется в западное общество, Япония в националистическом аспекте обособляет себя от остального мира, Россия хочет построить свою суверенную экономику и политическую систему. США всячески пытаются противостоять бурному развитию как азиатских стран, так и Евразии в целом. 2022 год для всего мира стал роковым, когда интересы США и России столкнулись на территории Украины и вылились в военный конфликт. Одной из его причин стало непонимание американским истеблишментом, развивающимся в русле англо-саксонской цивилизации, интересов России как защитницы народов постсоветского пространства от различного рода угнетения. Стоит сказать, что такую роль Россия выполняет уже на протяжении многих веков своей истории, и для российских исследователей этот факт вовсе не является удивительным.

С нашей точки зрения, коренное непонимание границ своих цивилизаций, попытки установления гегемонии одной цивилизации над другой, необходимо переосмыслить в теоретическом русле: вновь обратиться к концепту «цивилизация» в теории международных отношений; посмотреть на проблему противостояния Востока и Запада, а так же их диалога; рассмотреть особенности

Востока как цивилизации и места России в цивилизационной системе координат, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Понятие «цивилизации» и теория международного права. Интерес к цивилизации как философскому концепту существует в гуманитарных науках достаточно давно. Еще в XVIII в. появились первые упоминания о цивилизациях, и были они связаны с литературными представлениями о вежливости, приличии [Келле 2008: 356]. Тогда же шотландский философ А. Фергюсон разработал историческую схему эволюции мира, впоследствии воспринятую немецким мыслителем Ф. Энгельсом: дикость – варварство – цивилизация. Он начал с рассмотрения первобытного общества, находящегося на стадии отсутствия собственности как таковой. По его словам, «то, что собственность — явление прогрессивное, должно быть совершенно очевидно» [Фергюсон 2000: 139]. Именно это позволяет выделить первоначальные признаки человеческой цивилизации, и отличить «дикаря» от «варвара». Стоит вспомнить, что варвары – народы, населяющие европейский континент, – заложили основы права и морали.

Он писал, что есть народы, которые занимаются охотой, не знают понятия «собственности» и не имеют развитую систему государственного аппарата, а есть народы, которые уже отчетливо социально дифференцируются на богатых и бедных. Такие различия между народами приводят к появлению двух понятий: «дикарь — человек, не знающий собственности, и варвар — человек, для

которого собственность является главным объектом забот» [Фергюсон 2000: 138–139]. Указанные различия между дикостью и варварством, в сущности, позволяют понять, чем же может быть цивилизация. Описывая основные характеристики современных ему европейских обществ, он подчеркивал, что «таковы, пожалуй, главные черты, снискавшие некоторым современным нациям славу цивилизованных и культурных» [Фергюсон 2000: 286]. Таким образом, философ, еще не давая определение понятию «цивилизация», отделял дикарские и варварские общества от европейских.

В XIX в. британский историк Г. Т. Бокль говорил о цивилизациях то, что все ступени человеческого развития отличались друг от друга определенными представлениями, мировоззрением, которые отражались в философии, праве, религии [Бокль 2000: 29]. «Успехи цивилизации ведут явным образом к подкреплению нашего верования в существование во всем порядка, метода и закона» [Бокль 2000: 24]. «В Азии цивилизация всегда ограничивалась тем обширным пространством, где плодородная наносная почва обеспечивала человеку ту степень богатства, без которой не может начаться умственное развитие» [Бокль 2000: 43]. Получается, что цивилизация в целом строится на определенных принципах, благодаря которым можно разграничить цивилизованный и нецивилованный миры.

Американский этнограф Л. Г. Морган зафиксировал логическую последовательность стадий эволюции человеческой семьи от дикости, через варварство, к цивилизации [Морган 1935: 5], тем самым показав, что движение к цивилизации является закономерным историческим процессом. Его идеи развил уже Ф. Энгельс, дав обстоятельную классификацию эпох: дикость — это присвоение уже готовых продуктов природы при помощи искусственно созданного инструментария; варварство — развитие скотоводства и земледелия и нацеленность человека на интенсификацию производства природных продуктов; цивилизация — это, прежде всего, пик промышленного производства и искусства [Энгельс 1937: 37].

Переломный момент в понимании цивилизаций наступил, когда научное сообщество

стало рассматривать исторический процесс не как единый для всего мира, а как локальный. Ученые стали утверждать, что различные части планеты развиваются по своей логике и различным закономерностям. Такой подход, прежде всего, основывался на концепте культуры, получившем широкое распространение в литературоведении и исторической науке. В итоге возникло такое понятие, как «локальная цивилизация», означающее «часть человечества», проживающую «в пространстве и во времени суперэтнуса», объединенную «комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации» [Морозов 2014: 76].

Безусловно, особая заслуга в развитии так называемого цивилизационного подхода не только в России, но и во всем мире, принадлежит русскому культурологу Н. Я. Данилевскому. Ключевым понятием для него был «культурно-исторический тип», который он понимал так: «формы исторической жизни человечества, ... формы растительного и животного мира, ... формы человеческого искусства ..., формы языков», а так же «проявление самого духа, стремящегося осуществить типы добра, истины и красоты», различаются по «культурно-историческим типам» [Данилевский 1991: 85]. В общем он все цивилизации по хронологии разбил на двенадцать культурно-исторических типов: египетский, китайский, «ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский, или древне-семитический», индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, «ново-семитический, или арабийский», «германо-романский, или европейский», мексиканский и перуанский [Данилевский 1991: 88]. Обобщив все это, он пришел к выводу, что цивилизации как проявления «духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип» в результате влияния внешних факторов становятся тем более разнообразными, чем интереснее становятся народности, которые входят в конкретный «культурно-исторический тип» [Данилевский 1991: 101].

Отличие от Н. Я. Данилевского, немецкий философ жизни О. Шпенглер совершенно противоположно понимал феномен цивилизации — в негативном аспекте, как конец всего. «У каждой культуры есть своя

собственная цивилизация», «цивилизация — неизбежная судьба культуры» [Шпенглер 1998: 163]. В своей работе «Закат Европы» он даже сделал сравнительную таблицу разных культур, среди которых он выделил индийскую, египетскую, античную, китайскую, арабскую и западную [Шпенглер 1998: 189–200]. «Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они — завершение; они следуют за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение ... Они — конец, без права обжалования, но они же в силу внутренней необходимости всегда оказывались реальностью» [Шпенглер 1998: 163–164].

Английскому историку А. Д. Тойнби удалось глубже проникнуть в специфику цивилизационного устройства мира, и он уже выделил двадцать один тип обществ: египетское + андское, китайское + минойское + шумерское + майяское, сирийское, индское + хеттское + эллинское, западное, православное христианское (в России) + дальневосточное (в Корее и Японии), православное христианское (основное) + дальневосточное (основное), иранское, арабское + индуистское, мексиканское, юкатанское, вавилонское [Тойнби 2010: 85]. Такие общества по факту предстают мыслительными полями для исследователя и образуют род, в который входят 21 общество, причем одного вида, называемые «цивилизациями» в отличие от «примитивных обществ» [Тойнби 2010: 85]. Также он говорил о том, что тезис о «единстве цивилизаций», появившийся в связи с распространяющимся экономическим влиянием Запада, ложный, поскольку каждая цивилизация является уникальной. И вопреки известному термину «ориентализм», дальневосточная цивилизация в Японии и Корее будет отличаться от китайской [Тойнби 2010: 87–89].

Французская историческая школа «Анналов» не осталась в стороне от вопросов цивилизации, и ряд ее видных представителей писали по этой теме. Так Ф. Бродель считал, что «культура — это цивилизация, которая не достигла своей зрелости, своего социального оптимума и не обеспечила своего роста» [Бродель 1986: 116]. «Когда же цивилизации

сталкиваются друг с другом, происходят драмы, и современный мир еще не освободился от них. Так, какая-то одна цивилизация может одержать верх над какой-то другой» [Бродель 1986: 117]. Л. Февр продолжил эту канву понимания цивилизации, связанную с ее последующей гибелью. Но, в отличие от скептиков, он предполагал возникновение новых цивилизаций на месте старых. «Наша цивилизация, которую мы продолжали называть Цивилизацией с большой буквы, обречена на гибель. ... Наша цивилизация должна умереть насильственной смертью. Нужно было понять, что за цивилизация установится завтра в новом мире, который уже зарождается в плавильном горне истории» [Февр 1991: 40–41]. «Ибо та или иная цивилизация может погибнуть. Но Цивилизация как таковая — бессмертна. Она — воплощение присущего людям порыва к самопреодолению, трамплин для нового взлета» [Февр 1991: 40–41].

Их соотечественник, французский социолог Э. Дюркгейм предполагал, что прогресс цивилизаций связан именно с распространением разделения труда. Это явление, безусловно, логичное, рациональное, что связано с безнравственной сущностью цивилизации как таковой. Поэтому ценность последней будет непосредственно зависеть от конкретных потребностей общества [Дюркгейм 1996: 56–61]. «Следовательно, цивилизация, поскольку в ней нет ничего, что содержало бы этот критерий нравственности, морально индифферентна. Поэтому, если бы разделение труда не создавало ничего другого, кроме самой возможности цивилизации, оно бы участвовало в формировании той же нравственной нейтральности» [Дюркгейм 1996: 60]. Если подходить с теоретической точки зрения, то цивилизация как социологический конструкт не связана ни с моралью, ни с нравственностью. Она лишь показывает применяемы в том или ином обществе набор культурных инструментов для продуцирования определенных паттернов поведения в политике и иных социальных практиках.

На заре XX в. категория «цивилизация» получила свое новое переопределение благодаря американскому политологу С. Хантингтону, который цивилизацию понимал как

«наивысшую культурную» общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации» [Хантингтон 2003: 51]. Основным выводом его состоит в том, что в мире сегодня существует много цивилизаций, между которыми происходит противоборство. Влияние Запада постепенно будет снижаться, и, наоборот, азиатские цивилизации будут наращивать свою экономическую и политическую мощь [Хантингтон 2003: 15–16]. «Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций» [Хантингтон 2003: 16]. Он выделил восемь базовых цивилизаций – синская (китайская), японская, индуистская, исламская, православная, западная, латиноамериканская, «африканская (возможно) цивилизация» [Хантингтон 2003: 54–60]. Стоит сказать, что к китайской цивилизации он, безусловно, относит культуры Вьетнама и Кореи, а также стран Юго-Восточной Азии.

Обозначенные выше определения «цивилизации» и ее классификации, постулирующие множественность политических миров, заставляют автора задуматься над правильностью унификации миропорядка, предлагаемого Западом. Дело в том, что Восток, в том числе страны Северо-Восточной Азии, коренным образом отличаются от европейских держав. Об этом уже на протяжении нескольких веков пишут как европейские, так и азиатские мыслители. Однако наличие проблемы «Восток-Запад», задающей глубокую дифференциацию между цивилизациями, требует концептуализации с позиции науки международных отношений и обозначения того, что между Востоком и Западом срочно необходим диалог культур, иначе это может привести к необратимым последствиям в мир-системе.

Противостояние «Востока» и «Запада». В рамках цивилизационного подхода актуальным уже на протяжении многих веков является противостояние Востока и Запада. Причем концепт «Восток-Запад» возник на стыке эпох Модерна и Постмодерна, а конкретно в начале XX в. Началось все с

работы О. Шпенглера «Закат Европы», который как раз через понятие цивилизации показал противостояние разных обществ. Его интересовала, прежде всего, культура родной ему Европы, о которой он беспокоился, которая виделась ему «единственной на земле», находящаяся в стадии завершения «во всех ее еще не законченных стадиях» [Шпенглер 1998: 34]. Несмотря на то, что европейская цивилизация в XX в. достигла пика своего могущества в различных направлениях, О. Шпенглер, видимо, чувствовал, что глубокий, неосоздаваемый кризис уже близко.

А. Д. Тойнби был ярким критиком европоцентризма при рассмотрении исторического процесса. В «Постижении истории» он писал, что западная цивилизация в привычном нам виде погибнет окончательно [Тойнби 2010: 433]. Энциклопедическим примером падения цивилизации выступает падение могущественного Рима. Историк Т. Моммзен очень красочно описал римскую цивилизацию: «были многие народы, умевшие так же побеждать и завоевывать, как римляне; но ни один из них не умел подобно римскому закрепить вновь приобретенную землю в поте своего лица и вторично завоевывать плугом то, что было завоевано копьем... если римляне, проигрывавшие немало сражений, почти никогда не делали при заключении мира территориальных уступок, то они были этим обязаны упорной привязанности крестьян к их полям и к их собственности» [Моммзен 1936: 201]. Римская империя на тот период она была самой продвинутой цивилизацией, но, тем не менее, ее судьба была предрешена.

Интересный подход к противостоянию Востока и Запада у американского политолога Ф. Фукуямы. Он пишет, что конец истории будет связан с распространением либеральной демократии западного образца, которая установит определенные образцы для правительств по всему миру. С его позиции конец истории – это не окончание истории совсем, а возникновение совершенно нового мирового порядка, которого до этого еще не существовало. «Этот триумф Запада, – писал Фукуяма, – триумф западной идеи проявляется прежде всего в полном истощении некогда жизнеспособных альтернатив западному либерализму. Наблюдаемое ныне – это, возможно, не просто окончание холодной войны

или завершение какого-то периода всемирной истории, но конец истории как таковой; иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе» [Фукуяма 1990: 84]. На сегодняшний день можно констатировать, что западный мир находится в кризисе, и набирающий обороты Восток его теснит с непревзойденной силой (желаниям Ф. Фукуямы не суждено осуществиться).

В этом же ключе справедливо писал С. Хантингтон: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям... Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире» [Хантингтон 1994: 33]. И, действительно, сегодня в мире как раз и происходит то противостояние цивилизаций, о чем писал мыслитель.

При этом между культурами Востока и Запада существует исторически сложившийся диалог. Цивилизации, имеющие различия в культурных традициях, нацелены на сближение в понимании своих глобальных ориентиров [Сайко 2006: 13–14]. На диалогический характер отношений между цивилизациями указывал Ф. Бродель, когда говорил о заимствованиях одними цивилизациями идей других цивилизаций [Ахиезер 1992: 38]. Однако даже диалогу свойственны кризисные явления, проявляющиеся, в частности, в актах международного терроризма [Ахиезер 1992: 39–40]. Здесь же можно говорить и о кризисе ценностного характера, который возник между США и Китаем: экономический потенциал «азиатского тигра» катастрофически пугает американского гегемона. Предполагаем, что данный конфликт, в том числе в отношении территории острова Тайвань,

будет только усугубляться ввиду однополярного видения международных отношений со стороны США.

Однако диалог между цивилизациями не только возможен, но и жизненно необходим. А.С. Ахиезер выделил несколько проблем выстраивания диалога между цивилизациями. Во-первых, это возможности перевода значимых ценностных понятий с одного языка на другой. В связи с тем, что любой естественный язык обусловлен культурой, здесь большую роль будет играть интерпретация. Во-вторых, любой диалог основан на дуальности самой культуры, поскольку последняя синкретична (нерасчлененная), единая. По факту это все выражается в амбивалентности культуры – в противопоставлении бинарных оппозиций, выступающих абсолютными крайностями (например, добро и зло). Между оппозициями как раз и выстраивается диалог цивилизаций, в процессе которого разные культуры пытаются найти между собой точки соприкосновения. Дело в том, что многие культуры развиваются в парадигме различия «мы – они», «свои – чужие», что выступает сутью «политического по К. Шмитту. В-третьих, диалог представляет собой динамичную систему, которая развивается по ряду факторов: каждая дуальная оппозиция должна приводить к культурному синтезу разнородных идей и созданию нового мировоззренческого полюса; диалог сам по себе неравновесен как явление и вызван стремлением одной стороны выйти из состояния дискомфорта, которое возникает между цивилизациями; участники диалога должны быть мотивированы на выстраивание отношений между собой; диалог имеет циклический характер и может стремиться к разрушению и затем к возрождению двусторонних отношений [Ахиезер 1992: 40–50].

Диалог возможен тогда, когда у государств есть стремление к развитию, прогрессу, в ходе которого является совершенно естественным культурный раскол в обществе. И интерпретационная сущность диалога между цивилизациями позволяет преодолеть проблему раскола. В. Библер указывает на важность диалога разных логик, в которых и развиваются цивилизации [Библер 1997]. В данном случае есть логика Востока,

инверсии, когда существует заикленность на традиции, находящейся вне времени, и ее неизменном воспроизводстве. Логика Запада, наоборот же, медиация, состоит в нацеленности общества на творческий поиск нового, развития, чтобы преодолеть противоречия старой действительности. Поскольку же идеальная модель инверсии видится в невозможности диалога между цивилизациями, то медиация выступает хорошим инструментом для развития межцивилизационных отношений. Аналогично же статика цивилизаций Востока противостоит динамике цивилизаций Запада, т. е. по сути можно говорить о наличии двух суперцивилизаций – «традиционной» и «либерально-модернистской» [Ахиезер 2006: 51–61]. В данном аспекте видится противостояние России и Запада, который никак не может признать существование «русского мира» как значимого феномена в мировой политике.

Особенности Востока как цивилизации видятся в его инаковости, проявляющейся как в культурном единстве, так и многообразии. Сегодня западная культура находится под гнетом зарождающейся гегемонии Востока, что видно в возвышении Китая и стран Северо-Восточной Азии. Можно точно констатировать, что мир сегодня расколот на Восток и Запад, которые развиваются в двух противоположных парадигмах – европоцентризм и востокоцентризм. Если первый утверждает доминирование западных ценностей в построении общества, государства и международных отношений, то второй делает акцент на многообразии различных культур и цивилизаций, которые сами выбирают для себя ценностные ориентиры. Представляется, что второй подход является более демократичным и позволяет в рамках современного миропорядка и международного права строить государства с учетом национальных культурных особенностей.

Отличительные черты восточных обществ, по нашему мнению, состоят в следующем: существует представление именно о правах индивида только по отношению к другому индивиду, ведь права индивида к государству отсутствовали (были случаи, когда люди писали петиции вану в Корее); стабильность политической структуры; гипертрофированная роль государства и религии в

управлении (особенности поземельных отношений – собственность на землю как на территорию с подвластным населением и как объект хозяйства крестьян); доминирование государства в общественных отношениях; принцип уравнительной справедливости; центральное регулирование экономики и государственная монополия. Эти признаки явно отличают восточное общество от классического европейского, которое существовало в рамках совершенно другой философской системы координат.

Корея является типичным примером восточного общества. Прежде всего, она относится к конфуцианскому культурному ареалу, но с теми особенностями, что познала в полной мере западную культуру. В 668 г. Корея была объединена под властью Силла благодаря Танскому Китаю. Для корейской политической культуры это имело такие последствия, что с VII в. и до 1948 г. Корея была единой страной. Из всех государств конфуцианского региона Корея оказалась более тесно связана с Китаем по идеологии, системе управления, письменности, литературе, философии. Объединение Кореи под влиянием Китая привело к усилению синоцентризма – идеологии, согласно которой Китай находится в центре цивилизованного мира на полуострове, а Корея выступает младшим братом «Срединного государства». В международных отношениях с Китаем установились Садэ («служение старшему»), а с Японией Кёрин (Корея видела себя старшим братом Японии).

Что, безусловно, определяет Корею в ориенталистском ключе, так это исторические особенности становления ее государственности. Ван был верховным собственником на землю и правителем, а государство выступало главным распределителем земель, так как система кормлений была вплоть до XVI в. и собственнические отношения были развито слабо. Политическое действие не было отделено от ритуала, была строгая иерархичность общественных отношений и государственной системы. В обществе существовала низкая социальная мобильность, патриархальный семейный уклад, коллективизм, регионализм (дискриминация по региону), религиозность (культ предков), отсутствие равенства в обществе. Однако

современная Корея вполне сочетает в себе традиционное и современное. Ведь в середине XX в. формируется новый тип политической культуры, направленный на инкорпорацию западных ценностей массовой культуры. В Корее формируется новая политическая культура посредством изживания элементов традиционного общества. Это происходило в колониальный период (1910–1945 гг.) и в момент образования Республики Корея. После освобождения от Японии формируются горизонтальные связи, так называемая гражданская политическая культура.

Россия, аналогично, как и Корея, является особой цивилизацией, сочетающей в себе черты как Запада, так и Востока. На протяжении многих веков Россия взаимодействовала с восточными цивилизациями (конфуцианской, исламской, индуистской), поэтому неслучайно, помимо православия, в России существовали ислам и буддизм. Был накоплен огромный опыт взаимодействия между различными народами, проживающими на окраинах Российской империи, и конфессиями. Из-за такого межцивилизационного взаимодействия и возник в свое время спор о путях развития России – между западниками и славянофилами. Однако стоит подчеркнуть, что российская цивилизационная матрица является более эклектичной, вобравшей в себя различные культурные паттерны, в отличие от конфуцианской цивилизации, которая является строгой и последовательной. Поэтому сегодня видны противоречия в мировоззренческом русле, которые проявляются в совместном существовании абсолютно противоречащих друг другу концепций: национального государства и федерации. Срединное же положение России между Европой и Азией привело к диффузии взглядов европейского просвещения с ориентализмом.

Россия, безусловно, представляет собою отдельную цивилизацию, на развитие

которой повлияли различные культуры и Востока, и Запада. В данном случае позиция России в отношении Востока как ключевого глобального тренда кажется абсолютно верной, поскольку еще ЮНЕСКО была обозначена позиция, что культура проявляется во всемерном взаимодействии разных стран. Россия следует планомерно данному курсу, что отразил в своей статье Президент РФ В.В. Путин, сказав о желании России развивать многосторонние проекты, одним из которых является «энергетическое кольцо» – Россия, Китай, Япония и Республика Корея [Путин 2015]. Безусловно, что акцент российской внешней политики на Азиатско-Тихоокеанском регионе обоснован на концепте Восток-Запад и диалоговой системе развития международных отношений.

Итак, цивилизационный подход в международных отношениях видится чрезвычайно важным ввиду усложняющейся мировой конъюнктуры. Рассмотренные подходы к концепту «цивилизация» только подтверждают то, что западоцентризм в международных отношениях сегодня не позволяет решать международные конфликты, а наоборот усугубляет ситуацию. Дело в том, что мировоззренческий конфликт Запада и Востока до сих пор не решен, и только цивилизационный подход позволит спрогнозировать развитие международной обстановки с целью минимизации рисков при решении различных конфликтов. Цивилизационная специфика Востока позволяет взглянуть на Корею и Россию как на особые цивилизации, развивающиеся в своем темпе. В данном случае Россия и Корея являются яркими примерами того, как государство может в себе сочетать западные и восточные ориентиры. В этом, безусловно, видится сходство между государствами, что позволяет сделать вывод о хороших перспективах для международного сотрудничества даже в условиях глобальных санкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С.* Возможен ли диалог цивилизаций? // Цивилизации. Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций / Ин-т всеобщ. истории РАН, отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. С. 38–64.
- Библер В.* На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.

- Бокль Г.Т.* История цивилизации в Англии. Т. 1. М.: Мысль, 2000. 461 с.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
- Келле В.Ж.* Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2). С. 356–374.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. До битвы при Пидне. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1936. 524 с.
- Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. 2-е изд., стер. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 350 с.
- Морозов Н.М.* Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Изд-во «Практика», 2014. 401 с.
- Путин В.В.* АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития. 17 ноября 2015 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/50706>
- Сайко Э.В.* Проблемное поле диалога как феномена социального мира // Цивилизации. Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций / Ин-т всеобщ. истории РАН, отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. С. 9–38.
- Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
- Февр Л.* Бои за историю. М.: Издательство «Наука», 1991. 629 с.
- Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 392 с.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003. 603 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. 663 с.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. М.: Партиздат, 1937. 176 с.

REFERENCES

- Akhiezer A.S.* Is a dialogue of civilizations possible? // Civilizations. Issue. 7. Dialogue of cultures and civilizations / Inst. History of the Russian Academy of Sciences, responsible. ed. A.O. Chubaryan. M.: Nauka, 2006. С. 38–64.
- Bibler V.* On the verge of the logic of culture: A book of selected essays. M.: Russian Phenomenological Society, 1997. 440 p.
- Bokl G.T.* History of Civilization in England. Т. 1. М.: Thought, 2000. 461 p.
- Braudel F.* Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII centuries. Volume 1. Structures of everyday life. Possible and impossible. M.: Progress, 1986. 622 p.
- Danilevsky N.Ya.* Russia and Europe. M.: Book, 1991. 574 p.
- Durkheim E.* On the division of social labor. M.: Kanon, 1996. 432 p.
- Kelle V.Zh.* Civilizational Approach and Problems of the Formation of the Theory of the Historical Process // Questions of Social Theory. 2008. Volume II. Issue. 1(2). pp. 356–374.
- Mommsen T.* History of Rome. Т. 1. Before the Battle of Pydna. M.: State. social-economic publishing house, 1936. 524 p.
- Morgan L.G.* Ancient society, or a study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization. 2nd ed., ster. L.: Publishing House of the Institute of Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 1935. 350 p.
- Morozov N.M.* Conceptualization of historical knowledge about Russian civilization at the turn of the 20th–21st centuries. Kemerovo: Praktika Publishing House, 2014. 401 p.
- Putin V.V.* АПЕС: towards open, equal cooperation in the interests of development. November 17, 2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/50706>

- Saiko E.V.* Problematic field of dialogue as a phenomenon of the social world // *Civilizations. Issue. 7. Dialogue of cultures and civilizations / Inst. History of the Russian Academy of Sciences, responsible. ed. A.O. Chu-baryan. M.: Nauka, 2006. С. 9–38.*
- Toynbee A. J.* *Comprehension of history. M.: Iris-Press, 2010. 640 p.*
- Febvr L.* *Fights for history. Moscow: Nauka Publishing House, 1991. 629 p.*
- Ferguson A.* *Experience in the history of civil society. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 392 p.*
- Fukuyama F.* *The End of History? // Questions of Philosophy. 1990. No. 3. S. 84–118.*
- Huntington S.* *A clash of civilizations? // Polis. 1994. No. 1. S. 33–48.*
- Huntington S.* *Clash of Civilizations. Moscow: AST Publishing House, 2003. 603 p.*
- Spengler O.* *Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality. M.: Thought, 1998. 663 p.*
- Engels F.* *The origin of the family, private property and the state: In connection with the studies of L. G. Morgan. M.: Partizdat, 1937. 176 p.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Самкаев Игорь Мирвахисович, к.э.н.,
Почетный консул Республики Корея в городе
Тюмени с консульским округом (Тюменская,
Курганская, Свердловская и Челябинская об-
ласти, ХМАО – Югра и ЯНАО), Тюмень,
Россия. (E-mail: sim2062.92@gmail.com)

Igor M. Samkaev, Phd of Economic Sci-
ences, Honorary Consul of the Republic of Ko-
rea in the city of Tyumen with a consular district
(Tyumen, Kurgan, Sverdlovsk and Chelyabinsk
regions, Khanty-Mansi Autonomous Okrug -
Yugra and YaNAO), Tyumen, Russia. (E-mail:
sim2062.92@gmail.com)

**ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНЦИИ /
SOUTH CAUCASUS IN CONDITIONS OF GLOBAL TURBULENCE**

Научная статья / Research article

**Региональная безопасность на Южном Кавказе: новая база данных РУДН
по международным отношениям**

А. С. Буторов

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0796-6695>; e-mail: butorov-as@rudn.ru

Д. А. Дегтерев

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
МГИМО МИД России, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>; e-mail: degterev-da@rudn.ru

Е. М. Савичева

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8617-3508>; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Аннотация: В данной статье представлена новая, пятая по счету информационная база данных кафедры теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН «Региональная безопасность на Южном Кавказе: концептуальные основы». Она состоит из доктринальных документов стран региона, в т.ч. частично признанных Абхазии и Южной Осетии, анализа многосторонних региональных инициатив в области безопасности; из основных двусторонних соглашений, деклараций, меморандумов (13 пар государств), а также из мирных соглашений и протоколов переговоров по урегулированию трех региональных конфликтов – в Нагорном Карабахе, в Абхазии и Южной Осетии. Большое внимание в статье уделяется определению рамок рассматриваемого региона, в т.ч. с позиций концепции региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Вейвера, а также динамики конфликтов по границам региона (включая сирийский и иракский, курдскую проблему и проч.). В статье показано, на основе каких предыдущих аналитических разработок кафедры ТИМО РУДН была создана новая база данных, в т.ч. дана оценка программе ситанализов по международной безопасности, флагманской монографии и базе данных «Внешняя политика стран СНГ», другим прикладным количественным исследованиям постсоветского пространства. Приводится обоснование выбора акторов и других единиц анализа в новой базе данных, представлен ее функционал и возможности. Особое внимание уделяется исследованию мирных соглашений по Южному Кавказу на основе данных ООН, Уппсальского и Эдинбургского университетов. В заключении сделан вывод о необходимости более комплексного исследования всего многообразия межгосударственных отношений на Южном Кавказе для повышения их плотности и снижения влияния внешних игроков в регионе.

Ключевые слова: прикладной анализ, базы данных, Южный Кавказ, региональная безопасность, доктрины, Карабах, Абхазия, Осетия, конфликты, СНГ.

Для цитирования: Буторов А. С., Дегтерев Д. А., Савичева Е. М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: новая база данных РУДН по международным отношениям // Постсоветские исследования. 2023;4(6):388-400.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-514-07001 «Геополитические вызовы как фактор дестабилизации и угрозы региональной безопасности на Южном Кавказе».

Regional security in the South Caucasus: new RUDN database on international relations

Alexey S. Butorov

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0796-6695>; e-mail: butorov-as@rudn.ru

Denis A. Degterev

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia;

MGIMO-University, MFA of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>; e-mail: degterev-da@rudn.ru

Elena M. Savicheva

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8617-3508>; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Abstract: The authors present a new, the fifth in a row, information database of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia - "Regional security in the South Caucasus: conceptual foundations". The database includes doctrinal documents of the region countries, incl. partially recognized Abkhazia and South Ossetia, analysis of multilateral regional security initiatives; main bilateral agreements, declarations and memorandums (for 13 pairs of states), as well as basic peace agreements and protocols of negotiations on the settlement of three regional conflicts - Nagorno-Karabakh, Abkhazia and South Ossetia. Much attention is paid to the definition of the scope of the region under consideration, incl. from the standpoint of the concept of regional security complexes by B. Buzan and O. Weaver, as well as the dynamics of conflicts along the borders of the region (including the Syrian and Iraqi conflicts, the Kurdish problem, etc.). The paper shows on the basis of which previous analytical developments of the Department of Theory and History of International Relations a new database was created, incl. the vast program of situational analyzes on international security, the flagship monograph and the database "Foreign policy of the CIS countries", and other applied quantitative studies of the post-Soviet space. The rationale for the choice of actors and other units of analysis in the new database is given, its functionality and capabilities are presented as well. Particular attention is paid to the study of peace agreements in the South Caucasus based on data from the UN, Uppsala and Edinburgh universities. In conclusion, the need for a more comprehensive study of the entire variety of relations in the South Caucasus in order to increase their density and reduce the influence of external players in the region is formulated.

Key words: applied analysis, databases, South Caucasus, regional security, doctrines, Karabakh, Abkhazia, Ossetia, conflicts, CIS.

For citation: Alexey S. Butorov, Denis A. Degterev, Elena M. Savicheva. Regional security in the South Caucasus: a new PFUR database on international relations // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):388-400. (In Russ.).

Acknowledgments: The paper was prepared within the framework of the RFBR grant No. 21-514-07001 «Geopolitical challenges as a factor of destabilization and a threat to regional security in the South Caucasus».

В начале февраля 2023 г. на юго-востоке Турции и в Сирии произошло мощное землетрясение в результате столкновения двух литосферных плит – Анатолийской и Аравийской. В результате природных катаклизмов погибли десятки тысяч людей.

Но человеческие трагедии в данном регионе происходят не только из-за последствий стихийных бедствий. В мировой политике регион также находится «на стыке литосферных плит», а именно НАТО и ШОС,

формирующих соответственно, ядро западного и незападного блоков.

В самом деле, Турция – страна-член НАТО, имеющая, однако статус партнера по диалогу ШОС с 2013 г. и все больше «дрейфующая» в сторону незападного мира. Ее восточный сосед – Иран – с сентября 2021 г. находится на пути к полноправному членству в ШОС. Северный сосед – Россия – формирует ядро ШОС; в то время как три республики Закавказья – Армения, Грузия и Азербайджан в той или иной степени пытаются лавировать между разными центрами силы [Баланс сил 2021: 169-190]. В свою очередь, внешние центры силы, выстраивая свою политику в регионе, сохраняют статус-кво, либо пытаются его изменить [Курылев, Галоян, Смолик, Бредихин 2018].

«Геополитический разлом» лишь усугубляет, переводит в политическую плоскость и зачастую – в открытое противостояние противоречия и разногласия между народами, живущими по соседству веками. Речь идет об армянах, турках и азербайджанцах; грузинах, осетинах и абхазах. Чуть севернее проживают горские народы Северного Кавказа; а южнее дают о себе знать «незалеченные раны» сирийского и иракского кризисов. Требуется особый методологический инструментарий с тем, чтобы распутать клубок интересов и противоречий, сложившихся в регионе [Некоторые аспекты анализа 2014]. Таковым стала новая база данных кафедры теории и истории международных отношений РУДН, размещенная на Экспертном портале РУДН по международным отношениям (<https://ir.rudn.ru/ru/>) под названием «Региональная безопасность на Южном Кавказе: концептуальные основы». В данной статье представлен функционал данной базы, а также основные методологические сложности, с которыми столкнулись ее разработчики.

Границы исследования

При анализе региональной безопасности важной методологической проблемой является выделение границ исследуемого

региона. Дело в том, что плотность международного взаимодействия чрезвычайно высока – в настоящее время все страны мира тесно связаны трансграничными отношениями бизнеса, НКО и пр., иными словами «*все со всем связано*». Соответственно, любая декомпозиция ведет к тому, что целый «пучок» данных взаимозависимостей «режется по живому», что противоречит организмической концепции живых систем (*система международных отношений как живой организм*) [Дегтерев 2021: 86-89]. Таким образом, при анализе необходимо выделить в отдельный комплекс тех акторов мировой политики, плотность отношений которых с внешним миром существенно ниже плотности их отношений друг с другом.

Возможным преодолением данной методологической проблемы является концепция региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Вейвера, которые выделяют регионы на основе устойчивых моделей дружбы или вражды. Страны заинтересованы в событиях именно в своем регионе (т.е. плотность трансрегиональных контактов значительно меньше), поскольку они не могут проецировать свою силу за пределы региона, и именно данный регион содержит значительные угрозы и возможности для страны [Buzan, Waever 2003].

На момент написания своей работы (20 лет назад!) Б. Бузан и О. Вейвер относили Кавказ к большому постсоветскому РКБ, который сформирован благодаря наличию великой державы (РФ – как правопреемницы СССР)¹. Этнические споры и противоречия в республиках Северного Кавказа (севернее исследуемого региона) в целом урегулированы в 1990-е – начале 2000-х гг. При этом Южный Кавказ располагался на границе с соседним Ближневосточным РКБ стандартного типа – т.е. сформированного в результате соперничества, баланса сил и модели союзов между основными державами в регионе [Савичева 2014; Баланс сил 2021: 229-249]. С тех пор, как представляется, ситуация несколько трансформировалась по

¹ Сами авторы впоследствии неоднократно подчеркивали, что они рассматривали РКБ исключительно на дату написания монографии.

мере повышения влияния Турции, потенциал которой постепенно выходит за рамки региональной державы [Ирхин, Москаленко 2021]. И хотя Б. Бузан и О. Вейвер теоретически выделяли РКБ, которые могут формировать региональные державы, по факту в начале XXI века они не указали конкретные примеры таких регионов.

Несколько южнее региона Южного Кавказа имеет место сирийский конфликт – до сих пор целые части территории Сирии (особенно по границе с Турцией) не контролируются центральными властями. Сирийский конфликт обострил проблему самоопределения курдов – в Турции, Сирии [Геворгян 2019], а также в Ираке. В последнем случае – эволюция данной проблемы связана с динамикой другого конфликта – иракской войны, начатой в 2003 г. Западные границы данного региона примыкают к Черноморскому региону со своей подсистемой связей и системой конкуренции великих и региональных держав [Ирхин, Москаленко 2021б]. Например, логистика военного присутствия РФ в Сирии завязана на черноморские порты России. В более широком контексте, Черноморский регион – это часть подсистемы Большого Средиземноморья. Если рассматривать данный концепт в широком региональном масштабе, то к Большому Средиземноморью относится до половины Южного Кавказа, в глобальном масштабе – весь регион [Агазаде 2021б: 433-434].

К востоку от исследуемого региона расположено Каспийское море, вокруг международно-правового статуса которого велись многочисленные переговоры, а финальная точка была поставлена после подписания «Конституции Каспия» – Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. [Агазаде 2018]. И хотя взаимоотношения по Каспию влияют на взаимодействие основных игроков Южного Кавказа, а также сопредельных государств (в т.ч. Туркменистана), однако за исключением самой Конвенции анализ всего их многообразия выходит за рамки исследования.

Таким образом, в данной работе этнонациональные противоречия Северного Кавказа (*на север от границ региона*), сирийский и иракский конфликты, проблема курдов (*на юг*), а также динамика развития черноморской, и шире – средиземноморской подсистем (*на запад*) и проблемы статуса Каспийского моря и его освоения (*на восток*) находятся за географическими рамками исследования, хотя и оказывают влияние на региональную безопасность.

Помимо географических, важную роль играют и временные рамки. В начале XX века в непосредственной близости от рассматриваемого региона произошла одна из самых страшных трагедий – массовые убийства армянского населения Османской Империи (1915-1916 гг.). Безусловно, историческая память об этих событиях определяет и современную динамику отношений в регионе Южного Кавказа, особенно между Арменией и Турцией. Между данными странами были только подписаны, но так и не ратифицированы Протокол об установлении дипломатических отношений, а также Протокол о развитии отношений 2009 г. Анализ международной реакции на геноцид армян в 1915-1916 гг. также выходит за рамки данного исследования.

Прикладной анализ постсоветского пространства: задел школы РУДН

Новая база данных органично дополняет и развивает наработки научной школы кафедры теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН сразу по нескольким направлениям – проведение ситуационных анализов международной обстановки и ежегодных конференций по внешней политике стран СНГ, анализ доктринальных документов, а также собственно, прикладной анализ в исследовании стран постсоветского пространства.

В самом деле, в 2014-2018 гг. на кафедре ТИМО была реализована серия из пяти ситуационных анализов, один из которых – в 2016 г. – непосредственно касался конфликтов на постсоветском пространстве.

Ситуационный анализ предполагал комплексное междисциплинарное исследование конфликтного потенциала

одного из регионов мира по методике РУДН [Комплексная междисциплинарная методика 2014], при этом происходила практическая отработка инструментов, обсуждаемых ранее в ходе Экспертного семинара. При подготовке ситуационного анализа и декомпозиции международно-политической ситуации особое внимание уделялось эффективному распределению тем докладов – они не должны быть перекрывать друг друга, но успешно дополнять. Использовался матричный подход – рассматривались как отдельные акторы (конфликты), так и сквозной (сразу нескольких конфликтов) анализ влияния одного из факторов (например, социальных сетей, исламского фактора, международных рейтингов и т.д.) [Дегтерев, Савичева, Матева 2015: 16-17]. Таким образом из отдельных сюжетов формировалась целостная «мозаика» международно-политической ситуации, реконструировалось большинство причинно-следственных связей и закономерностей в русле организмического подхода. Проведение ситуационных анализов стало важным этапом на пути развития прикладных исследований постсоветского пространстве на кафедре ТИМО.

Кроме того, на кафедре ТИМО ежегодно проводится Международная конференция «Внешняя политика России на пространстве СНГ». Итоги ситуационного анализа 2016 г. и конференции 2016 г. были достаточно подробно представлены в сборнике научных статей, вышедшем к 25-летию СНГ [Новая идентичность 2017]. Рассматривался в т.ч. переход от «холодных» конфликтов к «горячим», роль «мягкой силы» в сдерживании таких конфликтов, ценностная составляющая. В декабре 2018 г. в ходе очередной конференции «Внешняя политика России на пространстве СНГ» прошел круглый стол, посвященный конфликту в Нагорном Карабахе. В его работе приняли участие ведущие российские эксперты, а также исследователи из Азербайджана, Армении и Грузии, материалы которых вошли в итоговый сборник научных трудов [30-летие конфликта 2019]. Особое внимание

в нем уделялось внешней политике Армении и Азербайджана, перспективам урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе посредством усиления региональной интеграции, а также при поддержке межправительственных организаций.

Качественно новым этапом развития прикладных постсоветских исследований стала подготовка флагманского учебного пособия «Внешняя политика стран СНГ» с участием более 60 авторов из всех стран СНГ (в т.ч. из Армении и Азербайджана), которое издано в 2017 и 2019 гг. в Аспект Пресс (РФ) [Внешняя политика стран СНГ 2019]. Оно было рекомендовано для преподавания в вузах СНГ. В 2019 г. издание вышло на английском языке в ведущем американском издательстве Lynne Rinner под несколько иным, но очень показательным названием «Foreign Policies of the CIS States. A Comprehensive Reference» [Foreign policy 2019]. Последнюю часть можно перевести как *комплексный анализ* – дело в том, что при подготовке монографии были собраны (по сути – формализованы) полнотекстовые версии десятков документов, которые упоминали ее авторы (и перечислены в Индексе англоязычной версии). Все они вошли в состав Приложений русскоязычной и англоязычной монографий, а в более развернутом виде были представлены в виде компьютерной базы данных (на русском и английском языках) «Внешняя политика стран СНГ», размещенной на Экспертном портале РУДН по международным отношениям¹.

Это была первая и наиболее масштабная база данных по международным отношениям кафедры ТИМО («Региональная безопасность на Южном Кавказе» – это уже пятая база), которая несколько лет назад была успешно зарегистрирована [Дегтерев, Курылев, Еремин, Шульган, Кошкинко 2021]. Она включает сотни документов различного типа, протоколы голосований в ООН, выступления представителей ООН на общих дебатах и проч. Непосредственно с новой базой связаны следующие ее разделы:

¹ Экспертный портал РУДН по международным отношениям // URL: <http://ir.rudn.ru/>

«Доктринальные документы стран СНГ» и «Двустороннее сотрудничество стран СНГ и сопредельных государств»¹. По схожему принципу позднее была создана база «РФ и КНР в глобальном управлении», посвященная формализации концептуальных основ двусторонних отношений².

Формирование базы данных по документам и протоколам голосования в ООН позволило провести на качественном ином уровне целый ряд прикладных исследований «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве, итоги которых были опубликованы в ведущих российских изданиях – журналах «Мировая экономика и международные отношения» [Дегтерев, Василиук, Баум 2018], Вестнике международных организаций [Курылев, Дегтерев, Смолик, Станис 2018], в журнале «Постсоветские исследования» [Kurylev, Ivkina, Nikulin, Smolik 2021], а также в издании СевГУ «Парадигмы истории и общественного развития» [Дегтерев 2017; Курылев 2021].

И хотя сам подход к сравнению доктринальных документов по безопасности не является новым – почти за пять лет до создания базы был системно представлен в монографии А.Я. Бабаджанова [Бабаджанов 2013], а также (куда более кратко, однако непосредственно применительно к Южному Кавказу) в статье В. Кардумяна [Кардумян 2013], он был доведен до «абсолюта формализации» (т.е. представлен в виде полнотекстовой базы данных) лишь в рамках школы РУДН. Несколько особняком стоят прикладные исследования двусторонних отношений на Южном Кавказе с применением ивент-анализа (система GDELT) [Баум, Дегтерев, Зябкина 2019], а также реляционный (по сути – конструктивистский) подход к оценке иерархии на постсоветском пространстве [Дегтерев, Буторов 2018], проведенные ранее авторами данной работы.

Впоследствии уже десятки молодых представителей научной школы РУДН из числа магистров и аспирантов использовали тот самый «эмпирический детерминизм» (опора на доктринальные документы, голосования в ООН, ивент-анализ) в своих собственных публикациях, приводить которые в силу их многочисленности не будем.

Важное дополнение, объясняющее наработки РУДН в области постсоветских исследований, – это наличие научной школы (прежде всего, под руководством К.П. Курылева), включающей множество аспирантов (выпускников магистратуры в рамках Сетевого университета СНГ), занимающихся проблемами внешней политики своих стран и успешно защитивших диссертации. В их числе – Н.Г. Галоян, специализировавшаяся на региональном балансе сил на Южном Кавказе [Галоян 2015] и стратегиям великих держав в данном регионе [Галоян 2017], а также М. Агазаде (научный руководитель – проф. В.И. Белов), исследующий азербайджано-иранские отношения [Агазаде 2021]. Картину дополняет наличие среди профессоров кафедры ТИМО главных редакторов сразу двух ведущих российских научных журналов по постсоветским исследованиям из списка ВАК – К.П. Курылев (журнал «Постсоветские исследования») и С.С. Жильцов (журнал «Проблемы постсоветского пространства»).

При работе над проектом базы данных важную роль сыграли и статьи, подготовленные в рамках текущего гранта РФФИ, в т.ч. в партнерстве с коллегами из Южной Осетии (Л.Т. Кулумбегова, С.Т. Плиев и др.). Они посвящены роли России в регионе Южного Кавказа [Буторов, Плиев 2022], а также анализу региона в работах зарубежных аналитических центров [Борзова, Савичева, Кулумбегова 2022а], в т.ч. Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP) [Борзова, Савичева, Кулумбегова 2022].

¹ Внешняя политика стран СНГ. Экспертный портал РУДН по международным отношениям. URL: <https://ir.rudn.ru/ru/databases/db-cis>

² РФ и КНР в глобальном управлении. Экспертный портал РУДН по международным отношениям. URL: <https://ir.rudn.ru/ru/databases/ru-ch-gc>

Структура базы данных

Еще в период проведения ситуационных анализов РУДН 2014-2018 гг. встал вопрос о более точном определении основных акторов (субъектов) международных конфликтов нового поколения – помимо государств в ряде регионов мира к ним также относился целый ряд негосударственных акторов, включая международные террористические организации; рассматривалась роль отдельных политических партий, СМИ и НКО [Дегтерев 2017]. Впоследствии на примере одного из современных конфликтов были исследованы национальные (в т.ч. этнические), региональные и глобальные акторы [Давидчук, Дегтерев, Сидибе 2021], была составлена матрица их взаимодействия, зарегистрированная в репозитории Гарвардского университета [Degterev, Davidchuk, Sidibe 2021]. Это позволило шире посмотреть на роль акторов, влияющих на региональную безопасность, что нашло свое отражение и в новой базе данных. В частности, помимо государств-членов ООН были также рассмотрены такие частично признанные государства (в т.ч. признанные РФ), как Абхазия и Южная Осетия. Ведь при анализе ситуации «на земле» важен де-факто территориальный контроль. Например, в ведущей мировой базе «Корреляты войны» есть отдельная база «Территориальные изменения», где показывается де-факто принадлежность территорий¹. В общей сложности в новой базе рассмотрено восемь государств, при этом не обнаружены в открытом доступе доктринальные документы Ирана (см. табл.1).

Второй важной единицей анализа стали межгосударственные (двусторонние) отношения между данными акторами, причем было рассмотрено 13 пар таких отношений (из 56 возможных) – преимущественно между соседними государствами, а также пара РФ-Армения. Целый ряд двусторонних документов (например, между Арменией и Грузией,

Турцией и Азербайджаном, Арменией и Ираном) существует только на языках их составления и отсутствуют их русскоязычные версии, что делает их практически недоступными для российских исследователей.

Наконец, рассматривались три региональных конфликта – карабахский, абхазско-грузинский и грузино-осетинский (см. табл. 1).

Отдельная сложность возникла с атрибуцией многосторонних договоренностей, которых в последнее время в регионе становится все больше, преимущественно по инициативе России, а также Турции в партнерстве с Азербайджаном. Особые надежды в этой связи связываются с запуском диалогового формата 3+3 – т.е. Армения, Азербайджан, Грузия, а также РФ, Турция, Иран (6 из 8 рассматриваемых в базе акторов). Первая встреча в таком формате прошла в декабре 2021 г.², однако от участия в ней воздержались представители Грузии³. Многосторонние договоренности учитывались среди многосторонних инициатив отдельных акторов по месту их проведения или по основному инициатору (бенефициару). Среди них к РФ отнесены соглашения в рамках ОДКБ, Декларация за межнациональное согласие, мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе 1996 г., а также Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. К Турции – Трабзонская декларация министров иностранных дел Азербайджанской Республики, Грузии и Турецкой Республики 2012 г. А к Азербайджану – Бакинское заявление по итогам первой четырехсторонней встречи министров иностранных дел Азербайджанской Республики, Грузии, Исламской Республики Иран и Турецкой Республики 2018 г. (т.е. формат 2+2). По мере дальнейшего развития данного инструментария необходим больший учет

¹ Territorial Change (v6). Correlates of War. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/territorial-change/>

² Пашинян поделился впечатлениями от первой встречи в формате "3+3" // РИА Новости, 24.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211224/vpechatleniya-1765424991.html>

³ «3 + 2» за вычетом Грузии: Москва запустила платформу на Южном Кавказе // EurAsia Daily, 10.12.2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/12/10/3-2-zavychetom-gruzii-moskva-zapustila-platformu-nayuzhnom-kavkaze>

договоренностей в трех-, четырех- и в целом в многостороннем формате с государствами региона.

Если учет доктринальных документов и документов по двусторонним отношениям опирался на уже накопленный (и ранее показанный) опыт из базы данных «Внешняя политика стран СНГ», то исследование соглашений по урегулированию конфликтов было проведено на основании преимущественно трех международных баз данных (см. табл. 2): ООН, Уппсальского и Эдинбургского университетов.

Как видно из таблицы, наиболее развернутая база по мирным соглашениям на Южном Кавказе была создана в Эдинбургском университете и включает в общей сложности почти 100 документов. В базу входят документы с 1990 по апрель 2022 г. [Bell, Vadanjak 2019], большинство из которых однако взято из архивов грузинской стороны. В качестве дальнейшего развития инструментария необходим больший учет документов на основе данных от российской стороны, которая принимала участие в большинстве переговоров по урегулированию всех трех конфликтов.

В целом, приведенные документы выступают (с той или иной степенью

успешности) регуляторами социального взаимодействия в регионе Южного Кавказа. Важность использования документов по предыдущим периодам (в т.ч. по грузино-осетинским и грузино-абхазским отношениям до 2008 г.) определяется т.н. «эффектом колеи» (path dependence), поскольку принятые тогда решения частично определяют и позволяют понимать современную динамику событий.

Коллективом кафедры ТИМО РУДН создана очередная, уже пятая по счету, информационная база данных, посвященная концептуальным основам региональной безопасности на Южном Кавказе. Полный учет в исследовательской и дипломатической практике всего многообразия подписанных между странами Южного Кавказа соглашений и договоренностей повышает плотность региональных связей, актуализирует взаимодействие в формате 3+3. Это снижает вероятность вмешательства внешних западных игроков (США, НАТО, ЕС) по мере того, как незападная структурная сила в сфере безопасности (ОДКБ, ШОС) последовательно наращивает свой потенциал в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агазаде М.М.* «Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 942-954.
- Агазаде М.М.* Азербайджано-иранские отношения. Предпосылки, основные направления и особенности. М.: Аспект Пресс, 2021а. 160 с.
- Агазаде М.М.* Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021б. 21 (03). С. 429-440.
- Бабаджанов А.Я.* Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов. М.: Аспект-Пресс, 2013.
- Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. М.: РУДН, 2021. 319 с.
- Баум В.В., Дегтерёв Д.А., Зябкина Е.И.* Десять лет без дипломатического признания: прикладной анализ российско-грузинских отношений (2008-2018 гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4 (55). С. 70-86.
- Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т.* Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров // Постсоветские исследования. 2022а. 5 (02). С. 138-146.
- Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т.* Проблема взаимодействия Турции и России в новых политических реалиях в исследованиях немецкого института международных

- отношений и безопасности (SWP) // Постсоветские исследования. 2022б. 5 (08). С. 861-871.
- Буторов А.С., Плиев С.М.* Особенности российского влияния на обеспечение региональной безопасности на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022. 5 (08) С. 780-786.
- Внешняя политика стран СНГ. М.: Аспект Пресс, 2019. 496 с.
- Галоян Н.Г.* Армяно-грузинские отношения в контексте региональной безопасности на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (04). С. 120-131.
- Галоян Н.Г.* Внешнеполитические стратегии в сфере безопасности ЕС, США и НАТО в отношении государств Южного Кавказа // Международные отношения. 2017. № 3. С. 80-91.
- Геворгян А.Г.* Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. 19 (04). С. 615-624.
- Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибее У.* Конфликт в Мали. Взаимоотношения основных акторов // Азия и Африка сегодня. 2021. № 12. С. 47-56.
- Дегтерев Д.А.* Международные и региональные исследования: к «бесшовной» методологии анализа // Сравнительная политика. 2021. 12 (04). С. 82-97.
- Дегтерев Д.А.* Многовекторность внешней политики европейских и закавказских стран-членов СНГ и Грузии: анализ членства в международных организациях и голосования в ГА ООН в 1992-2016 гг. // Парадигмы истории и общественного развития. 2017а. № 6-7. С. 67-72.
- Дегтерев Д.А.* Субъекты международных конфликтов нового поколения: атрибуты, иерархия, особенности моделирования // Власть. 2017б. Т. 25. № 1. С. 117-125.
- Дегтерев Д.А., Буторов А.С.* Международный статус стран постсоветского пространства: традиционный и реляционный подходы к оценке иерархии // Международные отношения. 2018. № 4. С. 95-103.
- Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В.* Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. 62 (01). С. 63-75.
- Дегтерев Д.А., Курылев К.П., Еремин А.А., Шульган И.В., Кошкин Я.Д.* Внешняя политика стран СНГ, Свидетельство о регистрации базы данных 2021621855, 02.09.2021. Заявка № 2021621711 от 20.08.2021.
- Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матеева И.М.* Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (Материалы Экспертного семинара и Ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (03). С. 9-23.
- 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. сборник научных статей. Под ред. К.П. Курылева. М.: РУДН, 2019. 172 с.
- Ирхин А.А., Москаленко О.А.* «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021а. 21 (01). С. 91-107.
- Ирхин А.А., Москаленко О.А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991-2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021б. 21 (03). С. 498-516.
- Кардунян В.* Коллективная безопасность на Южном Кавказе: концептуальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 3. С. 15-23.
- Комплексная междисциплинарная методика РУДН Ситуационного анализа международных конфликтов. М.: РУДН, 2014. 110 с.

- Курылев К.П. Черноморский регион в концептуальных документах, определяющих военно-стратегические интересы России // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 23. С. 23-26.
- Курылев К.П., Галоян Н.Г., Станис Д.В., Бредихин А.В. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2018. 62 (03). С. 108-118.
- Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. 13 (01). С. 134-156.
- Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки. Под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО, 2014. 874 с.
- Новая идентичность и конфликтный потенциал постсоветского пространства. Сборник научных статей. К 25-летию СНГ / Под редакцией К.П. Курылева. М.: РУДН, 2017. 178 с.
- Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. №3. С. 14-21.
- Bell C., Badanjak S. Introducing PA-X: A new peace agreement database and dataset // Journal of Peace Research. 2019. 56 (03). P. 452–466. <https://doi.org/10.1177/0022343318819123>
- Buzan B. & Waever O. Regions and powers. The structure of international security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Degterev D.A., Davidchuk A.S., Sidibe O. "Malian Crisis Actors Mosaic", <https://doi.org/10.7910/DVN/8HMZ7G>, Harvard Dataverse, 2021, V1, UNF:6:k3LSMLr8ajIBisoKrh1Mvw== [fileUNF]
- Foreign Policy of CIS States. A Comprehensive Reference. Lynne Rienner, 2019.
- Kurylev K.P., Ivkina N.V., Nikulin M.A., Smolik N.G. Quantitative Analysis of Ukraine's Voting in the UN (1992-2017) // Постсоветские исследования. 2021. 4 (03). С. 208-218.

REFERENCES

- 30-letie konflikta v Nagornom Karabakhe. sbornik nauchnykh statei. Pod red. K.P. Kuryleva. M.: RUDN, 2019. 172 p.
- Agazade M.M. «Konstitutsiya Kaspiya» i novye gorizonty sotrudnichestva mezhdu Azerbaidzhanom i Iranom // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. 18 (04). P. 942-954.
- Agazade M.M. Azerbaidzhano-iranskije otnosheniya. Predposylki, osnovnye napravleniya i osobennosti. M.: Aspekt Press, 2021a. 160 p.
- Agazade M.M. Bol'shoi Sredizemnomorskii regional'nyi kompleks bezopasnosti: mif ili real'nost'? // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021b. 21 (03). P. 429-440.
- Babadzhanov A.Ya. Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo postsovetskikh gosudarstv: problema sochetaemosti natsional'nykh podkhodov. M.: Aspekt-Press, 2013.
- Balans sil v klyuchevykh regionakh mira: kontseptualizatsiya i prikladnoi analiz. M.: RUDN, 2021. 319 p.
- Baum V.V., Degterev D.A., Zhabkina E.I. Desyat' let bez diplomaticheskogo priznaniya: prikladnoi analiz rossiisko-gruzinskikh otnoshenii (2008-2018 gg.) // Problemy natsional'noi strategii. 2019. № 4 (55). P. 70-86.
- Bell C., Badanjak S. Introducing PA-X: A new peace agreement database and dataset // Journal of Peace Research. 2019. 56 (03). P. 452–466. <https://doi.org/10.1177/0022343318819123>
- Borzova A.Yu., Savicheva E.M., Kulumbegova L.T. Problema vzaimodeistviya Turtsii i Rossii v novykh politicheskikh realiyakh v issledovaniyakh nemetskogo instituta mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti (SWP) // Postsovetskie issledovaniya. 2022b. 5 (08). P. 861-871.
- Borzova A.Yu., Savicheva E.M., Kulumbegova L.T. Problemy bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze v issledovaniyakh zarubezhnykh analiticheskikh tsentrov // Postsovetskie issledovaniya. 2022a. 5 (02). P. 138-146.

- Butorov A.S., Pliev S.M.* Osobnosti rossiiskogo vliyaniya na obespechenie regional'noi bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze // Postsovetskie issledovaniya. 2022. 5 (08). P. 780-786.
- Buzan B., Waever O.* Regions and powers. The structure of international security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe U.* Konflikt v Mali. Vzaimootnosheniya osnovnykh aktorov // Aziya i Afrika segodnya. 2021. № 12. P. 47-56.
- Degterev D.A.* Mezhdunarodnye i regional'nye issledovaniya: k «besshovnoi» metodologii analiza // Sravnitel'naya politika. 2021. 12 (04). P. 82-97.
- Degterev D.A.* Mnogovektornost' vneshnei politiki evropeiskikh i zakavkazskikh stran-chlenov SNG i Gruzii: analiz chlenstva v mezhdunarodnykh organizatsiyakh i golosovaniya v GA OON v 1992-2016 gg. // Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya. 2017a. № 6-7. P. 67-72.
- Degterev D.A.* Sub"ekty mezhdunarodnykh konfliktov novogo pokoleniya: atributy, ierarkhiya, osobnosti modelirovaniya // Vlast'. 2017b. 25 (01). P. 117-125.
- Degterev D.A., Butorov A.S.* Mezhdunarodnyi status stran postsovetskogo prostranstva: traditsionnyi i relyatsionnyi podkhody k otsenke ierarkhii // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. № 4. P. 95-103.
- Degterev D.A., Davidchuk A.S., Sidibe O.* "Malian Crisis Actors Mosaic", <https://doi.org/10.7910/DVN/8HMZ7G>, Harvard Dataverse, 2021, V1, UNF:6:k3LSMLr8ajIBisoKrh1Mvw== [fileUNF]
- Degterev D.A., Kurylev K.P., Eremin A.A., Shul'gan I.V., Koshchienko Ya.D.* Vneshnyaya politika stran SNG. Database Registration Certificate 2021621855, 02.09.2021. № 2021621711 from 20.08.2021.
- Degterev D.A., Savicheva E.M., Mateva I.M.* Dinamicheskii khaos, konflikty na Bol'shom Blizhnem Vostoke i mekhanizmy global'nogo upravleniya v XXI v. (Materialy Ekspertnogo seminaru i Situatsionnogo analiza RUDN) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. 15 (03). P. 9-23.
- Degterev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V.* Parametry mnogovektornosti vneshnei politik stran SNG: prikladnoi analiz // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. 62 (01). P. 63-75.
- Foreign Policy of CIS States. A Comprehensive Reference. Lynne Rienner, 2019.
- Galoyan N.G.* Armyano-gruzinskie otnosheniya v kontekste regional'noi bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. 15 (04). P. 120-131.
- Galoyan N.G.* Vneshnepoliticheskie strategii v sfere bezopasnosti ES, SShA i NATO v otnoshenii gosudarstv Yuzhnogo Kavkaza // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. № 3. P. 80-91.
- Gevorgyan A.G.* Kurdskii vopros v turetsko-siriiskikh otnosheniyakh v kontekste siriiskogo krizisa // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. 19 (04). P. 615-624.
- Irkhin A.A., Moskalenko O.A.* «Mir bol'she pyati». Stanovlenie Turtsii v kachestve global'nogo aktora mirovoi politiki: perspektivy i vyzovy dlya Rossii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021a. 21 (01). P. 91-107.
- Irkhin A.A., Moskalenko O.A.* Chernomorskii region v konkurentsii geopoliticheskikh proektov velikikh derzhav v 1991-2019 gg. // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021b. 21 (03). P. 498-516.
- Kardumyan V.* Kollektivnaya bezopasnost' na Yuzhnom Kavkaze: kontseptual'nyi aspekt // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2013. № 3. P. 15-23.
- Kompleksnaya mezhdistsiplinarnaya metodika RUDN Situatsionnogo analiza mezhdunarodnykh konfliktov. M.: RUDN, 2014. 110 p.
- Kurylev K.P.* Chernomorskii region v kontseptual'nykh dokumentakh, opredelyayushchikh voenno-strategicheskie interesy Rossii // Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya. 2021. № 23. P. 23-26.

- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V.* Kolichestvennyi analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2018. 13 (01). P. 134-156.
- Kurylev K.P., Galoyan N.G., Stanis D.V., Bredikhin A.V.* Soblyudenie balansa sil na Yuzhnom Kavkaze // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. 62 (03). P. 108-118.
- Kurylev K.P., Ivkina N.V., Nikulin M.A., Smolik N.G.* Quantitative Analysis of Ukraine's Voting in the UN (1992-2017) // Postsovetskie issledovaniya. 2021. Vol. 4. № 3. P. 208-218.
- Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki. Pod red. A.I. Podberezkina. M.: MGIMO, 2014. 874 p.
- Novaya identichnost' i konfliktnyi potentsial postsovetskogo prostranstva. Sbornik nauchnykh statei. K 25-letiyu SNG / Pod redaktsiei K.P. Kuryleva. M.: RUDN, 2017. 178 p.
- Savicheva E.M.* K voprosu o geopoliticheskoi situatsii na Blizhnem Vostoke: vzaimodeistvie regional'nykh i global'nykh tendentsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. №3. P. 14-21.
- Vneshnyaya politika stran SNG. M.: Aspekt Press, 2019. 496 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

Таблица 1

Структура базы данных «Региональная безопасность на Южном Кавказе»

Единицы анализа	Типы документы	Кол-во документов
Государства (8 шт.)	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Доктринальные документы по национальной безопасности, внешней политике и военные доктрины ➤ Многосторонние инициативы 	Россия – 19 Грузия – 22 Ю. Осетия – 2 Абхазия – 1 Армения – 3 Азербайджан – 3 Турция – 4 Иран - 0
Межгосударственные отношения (13 пар)	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Договоры о дружбе и сотрудничестве, союзничестве, стратегическом партнерстве ➤ Соглашения о сотрудничестве и взаимодействии силовых органов (министерств обороны, внутренних дел, МЧС, специальных служб) ➤ Договоры о делимитации границ ➤ Декларации и совместные заявления лидеров двух стран 	РФ-Азербайджан – 13 РФ-Армения – 10 РФ-Грузия – 1 Абхазия-Ю. Осетия – 2 РФ-Абхазия – 8 РФ-Ю. Осетия – 8 Турция-Азербайджан – 4 Азербайджан-Грузия – 7 Армения-Грузия – 10 (3) Грузия-Турция – 1 Азербайджан-Иран – 5 Армения-Турция – 1 Армения-Иран – 3
Конфликты (3 шт.)	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Соглашения, заявления, декларации, меморандумы об урегулировании конфликта ➤ Меморандумы мирных переговоров 	Нагорный Карабах – 13 Абхазия – 34 Ю. Осетия - 15

Источник: составлено авторами

Мирные соглашения по Южному Кавказу в базах данных

Организация/ страна	Инструмент/ База данных	Кол-во документов/ поисковая категория
ООН	Peacemaker. Peace Agreements Database Search	Армения – 5 Азербайджан – 4
Уппсальский университет (Швеция)	UCDP Dataset. UCDP Peace Agreement Dataset version 22.1. Full-text Peace Agreement List	Грузия – 4
Эдинбургский университет (Шотландия)	Peaceagreements Database (Pa-X) Version 6.0	Абхазия – 51 Ю. Осетия – 14 Нагорный Карабах - 28

Источник: составлено авторами

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Буторов Алексей Сергеевич, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: butorov-as@rudn.ru)

Денис Андреевич Дегтерев, д.п.н., к.э.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы; профессор МГИМО МИД России, Москва, Россия. (Email: degtere-va-da@rudn.ru)

Савичева Елена Михайловна, к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: savicheva-em@rudn.ru)

Aleksey S. Butorov, PhD in history, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: butorov-as@rudn.ru)

Denis A. Degterev, PhD (Economics), Dr. of Sc. (Political Science), Professor, Head, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University named after P. Lumumba; Professor, MGIMO University, Moscow, Russia. (Email: degtere-va-da@rudn.ru)

Elena M. Savicheva, PhD in history, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: savicheva-em@rudn.ru)

Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны

М. М. Агазаде

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. В статье анализируется общая геополитическая картина на Южном Кавказе в условиях новых реалий, сложившихся после Второй карабахской войны (ВКВ) в 2020 г. Актуальность темы исследования заключается в том, что ВКВ внесла серьезные изменения в баланс сил на Южном Кавказе, изменила в целом региональный геополитический ландшафт, открыв при этом возможности для внутрорегиональных интеграционных процессов. В этой связи, целью настоящего исследования является выявление особенностей этих изменений, а также факторов, повлиявших на региональные процессы после войны. В статье использованы такие методы, как историко-аналитический и историко-генетический методы для выявления основных причин региональных изменений, сравнительно-исторический метод для определения уровня влияния основных игроков на регион, метод контент-анализа, позволивший проанализировать материалы периодических изданий, а также такие принципы, как научная объективность и достоверность. В начале исследования автор дает оценку геополитическим процессам на Южном Кавказе, а затем вкратце рассматривает позицию и политику России, Турции, Ирана, США, ЕС, Китая и Великобритании по региональным вопросам. Исследуются проблемы в осуществлении Кавказской платформы «3+3», для успешной реализации которой, прежде всего, необходимо установление добрососедских отношений между Арменией и Турцией, Арменией и Азербайджаном, а также возобновление российско-грузинских дипотношений. В заключении сделан вывод о том, что Россия, Турция и Иран должны найти общий формат взаимодействия, благодаря которому будет четко определены их зоны сферы влияния в регионе с учетом интересов трех южнокавказских стран. А это, свою очередь, позволит избежать любых столкновений между ними, создаст условия для регионального развития, и поспособствует формированию нового регионального мироустройства путем нахождения общих интересов.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Вторая карабахская война, Кавказская платформа, геополитика, Азербайджан, Иран.

Для цитирования: Агазаде М. М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023;4(6):401-411.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00067, <https://rscf.ru/project/22-78-00067>

The geopolitical situation in the South Caucasus after the Second Karabakh war

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the general geopolitical picture in the South Caucasus within the context of the new realities that have developed after the Second Karabakh War in 2020. The relevance of the research topic lies in the fact that the war made serious changes to the balance of power in the South Caucasus and changed the regional geopolitical landscape as a whole while opening up opportunities for intraregional integration processes. In this regard, the purpose of this research is to identify the features of these changes as well as factors affecting regional processes after the war. The article uses such methods as historical-analytical and historical-genetic methods to identify the main causes of regional changes, a comparative-historical method to determine the

level of influence of the main players on the region, a content analysis that allowed analyzing the materials of periodicals, as well as principles such as scientific objectivity and reliability. At the beginning of the study, the author gives an assessment of the geopolitical processes in the South Caucasus and then briefly examines the position and policy of Russia, Turkey, Iran, the USA, the EU, China, and the UK on regional issues. The research examines the problems in the implementation of the 3+3 format Caucasus regional platform, for the successful realization of which, first of all, it is necessary to establish good neighborly relations between Armenia and Turkey, Armenia and Azerbaijan, as well as the resumption of Russian-Georgian diplomatic relations. The conclusion is made that Russia, Turkey, and Iran should find a common format of interaction, thanks to which their zones of influence in the region will be clearly defined, taking into account the interests of the three South Caucasian countries. And this, in turn, will avoid any clashes between them, create conditions for regional development, and contribute to the formation of a new regional world order by finding common interests.

Keywords: South Caucasus, Second Karabakh War, Caucasian regional platform, geopolitics, Azerbaijan, Iran.

For citation: Mirmehdi M. Aghazada. The geopolitical situation in the South Caucasus after the Second Karabakh War // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):401-411. (In Russ.).

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 22-78-00067), <https://rscf.ru/project/22-78-00067>

На современном этапе геополитическая динамика на глобальном уровне стремительно меняется, и этот международно-политический процесс ускорился после пандемии COVID-19. Учитывая тот факт, что региональные и глобальные геополитические процессы взаимосвязаны, особое внимание привлекает роль отдельных стран, способных влиять на региональную динамику геополитических процессов.

На фоне украинского кризиса одним из самоутвержденных для мировой политики регионов постсоветского пространства выступает Южный Кавказ (ЮК), в котором сталкиваются интересы как региональных, так и ведущих игроков в связи с его богатыми природными ресурсами, возможностями стать транспортным узлом и ролью «моста» между Востоком и Западом, а также Севером и Югом. Более того, ЮК, граничащий с такими странами как Россия, Турция и Иран, которые имеют имперское прошлое и воевали веками за его обладание, в современную эпоху стал ареной соперничества не только региональных, но и глобальных геополитических держав. Однако борьба за влияние на регион отталкивает его в хаос, что и угрожает

обеспечению полноценной региональной безопасности и экономическому развитию.

Необходимо также отметить, что сейчас мир переживает фундаментальные изменения, находясь в поисках новой системы международных отношений, которая должна сформироваться в условиях многополярности¹. Эти изменения ужесточают борьбу между глобальными державами, а также позволяют таким средним державам, как Турция и Иран, укрепить геополитическое положение и наращивать влияние путем балансирования между глобальными центрами силы – США, Китаем, Россией, Великобританией и Европейским Союзом (ЕС). Тем самым события, происходящие на Южном Кавказе, где сталкиваются геостратегические интересы вышеуказанных игроков, с одной стороны, оказывают непосредственное влияние, в частности, на формирование нового регионального порядка в треугольнике Россия-Турция-Иран, а с

¹ На самом деле формирование мирового порядка в условиях многополярности не является новым явлением в системе международных отношений, т.к. до Второй мировой войны, почти все мировые и широкие региональные порядки формировались на основе многополярности.

другой, в целом имеют место в процессе формирования новой системы международных отношений.

Южный Кавказ в условиях новых геополитических реалий

44-дневная война между Баку и Ереваном, состоявшаяся с 27 сентября по 9 ноября 2020 г., не только внесла серьезные изменения в расстановку сил на ЮК, но и изменила в целом региональный геополитический ландшафт и открыла перспективы для внутрирегиональных интеграционных процессов. Основными вопросами, занимающими повестку дня региона в поствоенном периоде, являются исполнение подписанного лидерами России, Азербайджана и Армении всех пунктов совместного заявления от 10 ноября 2020 г., демаркация и демилитаризация международно признанных границ между Азербайджаном и Арменией, реализация формата 3+3 «Кавказской платформы», нормализация турецко-армянских отношений. В связи с этим региональные и международные акторы формируют свою политику на ЮК во многом исходя из их подходов к решению вышеуказанных проблем¹.

Наряду с вышеуказанными можно следующим образом охарактеризовать основные параметры, формирующие в целом геополитику Южного Кавказа, сосредоточенные на структурной основе, созданной географическими и историческими факторами. Во-первых, в регионе существуют 3 независимых и международно-признанных государства – Азербайджан, Грузия, Армения, и 3 региональных игрока, без учета интересов которых никаких проектов не осуществляется на ЮК – Россия, Турция и Иран. Во-вторых, располагаясь между Каспийском и Черном морями, ЮК находится на пересечении транспортных маршрутов, и занимает ключевое место в транспортной геополитике Евразии. В-третьих, регион обладает богатыми

природными ресурсами и благодаря географическому расположению служит своего рода «коридором», в частности, для транспортировки углеводородных ресурсов из Каспийского моря и Центральной Азии в Турцию, а через ее территорию в Европу. В-четвертых, регион также является кратчайшим сухопутным маршрутом между Китаем и ЕС, что является важным компонентом во внешней политике Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Для того чтобы оценить общую геополитическую и геоэкономическую ситуацию на ЮК после ВКВ, необходимо пролить свет на политику заинтересованных и активно действующих в регионе сил.

Россия, как ведущий игрок, имеет исторические, военно-политические, торгово-экономические интересы в регионе ЮК. Если в 1990—е гг. российские власти отдавали предпочтение развитию отношений, в основном, с западными странами, то с приходом к власти в 2000 г. В. В. Путина на передний план вышло постсоветское пространство, в т. ч. Южный Кавказ. На сегодняшний день в Абхазии, Армении и Южной Осетии находятся российские военные базы, а миротворческий контингент дислоцирован в Карабахе после ВКВ.

Необходимо отметить, что при российском посредничестве были приостановлены боевые действия между Азербайджаном и Арменией, удалось стабилизировать ситуацию в рамках трехстороннего диалога [Крылов, 2021: 160], и подписано совместное заявление 10 ноября 2020 г., для реализации всех пунктов которого впоследствии подписались лидерами трех стран заявления от 11 января 2021 г.², 26 ноября 2021 г.³ и 31 октября

¹ С. Veliyev. Karabağ Zaferi'nin birinci yılında güney Kafkasya // URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/karabag-zaferinin-birinci-yilinda-guney-kafkasya/2415647> (дата обращения: 24.02.2023).

² Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5606> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5741> (дата обращения: 24.02.2023).

2022 г.¹ В этих заявлениях основное внимание уделялось нормализацию азербайджано-армянских отношений и разблокировке всех экономических и транспортных сетей в регионе, что особенно важно для России в условиях санкций, применяемых коллективным Западом, а также может послужить мощным средством для укрепления российского влияния на ЮК. Однако существуют риски невыполнения достигнутых в рамках перемирия заявлений [Притчин 2021: 156], что усложняет миротворческую деятельность России между Азербайджаном и Арменией.

В целом политика Москвы в отношении армяно-азербайджанского конфликта основывается на транзакционном подходе, не делая различия между Ереваном и Баку несмотря на то, что первый является не только военно-политическим союзником России, но и главным плацдармом для укрепления российского влияния в регионе. Такой внешнеполитический курс наблюдался во время и после ВКВ, что стало причиной неудовольствия армянских властей. Однако этот подход отвечает российским интересам особенно на фоне украинского кризиса, т.к. укрепление отношений с Азербайджаном, который не намерен вступать ни в НАТО, ни в ОДКБ [Пархитко, Курылев, Станис 2020: 25], и проводит сбалансированную политику, имеет большое значение для стабилизации военно-политической ситуации на ЮК.

Победа Азербайджана в ВКВ укрепила позицию Турции на ЮК, тем самым открыв новые возможности для продвижения турецких интересов в Кавказско-каспийском регионе. Присутствие турецких солдат в Совместном российско-турецком центре по мониторингу режима прекращения огня в городе Агдам (Азербайджан) [Perinçek 2020: 127], подписание Шушинской декларации с Азербайджаном 15 июня 2021 г. которая

вывела двусторонние отношения на высший уровень [Агамалиев, Дадабаева, Савичева 2022: 87], углубление турецко-азербайджанских отношений во всех сферах, в частности в области военной и оборонной промышленности, непрерывные совместные военные учения между Турцией и Азербайджаном², в т. ч. с участием Грузии, назначение Бахтияра Эрсай, турецкого генерала, советником Министра обороны Азербайджана, свидетельствуют о растущем влиянии Турции в регионе. Кроме того, встречи, проводимые между представителями турецких и армянских властей для установления добрососедских отношений, превращают Турцию в одну из самых влиятельных игроков в регионе, т.к. нормализация турецко-армянских отношений может привести к еще большему усилению турецкого влияния на ЮК и изменению баланса сил полностью в пользу Анкары.

Одним из новых в последние годы военно-политических явлений стал российско-турецкий тандем в региональных вопросах. Умение найти общий дипломатический язык лидерами России и Турции, несмотря на разногласия исходя из их национальных интересов, отражается и в регионе Южного Кавказа, где у обеих стран есть один союзник (Армения для России, Азербайджан для Турции), один стратегический партнер (Азербайджан для России³, Грузия для Турции) и одна страна, с которой нет дипломатических отношений (Грузия для России, Армения для Турции). Примечательно, что Грузия, с которой у России нет дипотношений, является стратегическим партнером Турции, а Армения, с которой у Турции нет дипотношений, является союзником России. Теоритически такая расстановка сил могла бы превратить регион в зону конфликта между Москвой и Анкарой, однако

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5860> (дата обращения: 24.02.2023).

² В 2022 г. Азербайджан и Турция провели 12 военных учений.

³ Подписанная 22 февраля 2022 г. «Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой» на практике еще не вывела двусторонние отношения на союзнический уровень.

Азербайджан, третья страна Южного Кавказа, являясь союзником Турции и стратегическим партнером России, играет стабилизирующую роль между ними [Məmmədov 2018]. Таким образом, соперничество между Москвой и Анкарой не влияет на углубление многоплановых российско-турецких отношений, а наоборот прагматическое двустороннее сотрудничество путем наращивания торгово-экономических связей позволяет регулировать военно-политические процессы на Южном Кавказе, т.к. решение вопросов по дальнейшему развитию региона, в значительной степени, зависит именно от России и Турции и уровня и качества отношений между ними.

По сравнению с Россией и Турцией, Иран является единственным региональным игроком, имеющим дипломатические отношения со всеми тремя странами Южного Кавказа, что позволяет ему стать ключевым региональным экономическим партнером. Однако, несмотря на это, Иран не играет в экономических процессах ЮК заметную роль по причине своей экономической слабости [Атрисангари 2020: 44]. Более того, в отличие от России и Турции, Иран не имеет военного союзника на ЮК, что также ограничивает его действия в военно-политических процессах региона и является основной причиной того, почему Тегеран часто отстает от Москвы и Анкары в региональных вопросах. В целом, из-за того, что значительная часть населения Ирана составляют азербайджанцы, процессы, происходящие на ЮК, в частности, в Азербайджане, касаются национальной безопасности Тегерана. В связи с чем, внешнеполитическая стратегия Исламской Республики в отношении Азербайджана, прежде всего, связана с его внутренними вопросами [Shaffer 2022].

В условиях усложнения глобальной геополитической ситуации на фоне украинского кризиса геоэкономический вес Южного Кавказа значительно возрастает для США и ЕС. Для Вашингтона и Страсбурга регион, прежде всего, является плацдармом для противодействия России и Ирану [Гаджиев 2019: 91], в связи с чем все

южнокавказские страны имеют стратегическое значение.

Азербайджан обладает экономическим и военным потенциалом, играет важную роль в энергетической безопасности трансатлантического пространства, имеет тесные отношения с Израилем, граничит с Россией и Ираном. Неслучайно, что 18 июля 2022 г. между Азербайджаном и ЕС был подписан «Меморандум о взаимопонимании по стратегическому партнерству в энергетической сфере», согласно которому к 2027 г. ежегодный экспорт азербайджанского газа должен достичь 20 млрд. кубометров¹.

Нужно отметить, что все сухопутные транспортные и торговые пути, соединяющие Азию с Европой, проходят через территорию только трех стран – России, Ирана и Азербайджана. Однако в отношении Москвы и Тегерана применяются коллективным Западом санкции, что создает дополнительные сложности в транзите по территориям России и Ирана. А этот фактор увеличивает значимость Баку во внешней политике США и стран ЕС.

Грузия рассматривается США и ЕС как надежный партнер, которая также является черноморским государством, занимает важное географическое положение с точки зрения создания кратчайшего маршрута, соединяющего государства Центральной Азии с Западом. Также энергетические и транспортные линии, идущие с Южного Кавказа на Запад, проходят через территорию Грузии.

Подходы американских властей к развитию отношений с *Арменией*, где находится самое большое американское посольство на постсоветском пространстве, по ряду причин отличаются от подходов к Азербайджану и Грузии. Во-первых, Армения – «уникальная страна для американской внешней политики на Южном Кавказе в силу наличия мощного армянского лобби в США» [Энтина,

¹ Azərbaycan ilə Avropa İttifaqı arasında enerji sahəsində Strateji Tərəfdaşlığa dair Anlaşma Memorandumu imzalanıb // URL: <https://president.az/az/articles/view/56689> (accessed: 24.02.2023).

Наджаров, Давранова, Мелоян 2023: 14] и имеет влиятельную армянскую общину в России и Иране. Во-вторых, после прихода в 2018 г. к власти Н. Пашиняна Ереван взял прозападный курс несмотря на то, что Армения является военным союзником России в отличие от других двух стран ЮК. В-третьих, Армения располагается между Турцией и Азербайджаном и препятствует развитию в Центральной Евразии нового геополитического фактора – тюркского фактора, простирающегося от Китая до Средиземного моря.

А что касается политики ЕС по отношению к Армении, в 2022 г. он активизировал свою политику на ЮК: 6 октября 2022 г. в Праге состоялась встреча лидеров Азербайджана, Армении, Франции с участием Ш. Мишеля, главы ЕС¹; по приглашению армянских властей с 20 октября по 19 декабря 2022 г. функционировала первая миссия ЕС в Армении², а затем в феврале 2023 г. ЕС запустил работу новой миссии в Армении со сроком на 2 года³.

Таким образом, если Азербайджан и Грузия оцениваются США и ЕС, в основном, как «мосты» для транспортировки энергетических ресурсов Каспия и Центральной Азии в Европу, в частности, на фоне отказа от российских энергоносителей, то в силу отсутствия углеводородных ресурсов и географической закрытости, Армения во главе с прозападным лидером рассматривается не только как препятствующий фактор региональным интеграционным процессам, источником региональной напряженности,

но и катализатором центробежных тенденций на постсоветском пространстве.

После роспуска СССР регион Южного Кавказа стал одним из конфликтогенных регионов в системе международных отношений, где кроме крупнейших центров сил и традиционных региональных игроков, к борьбе за установление контроля над региональными и международными коммуникациями, транспортом, инфраструктурой, топливом и другим сырьем подключались и другие государства, среди которых отличается Китай [Narutyunyan 2022: 122]. Результаты ВКВ открывают перспективы для расширения связей между странами ЮК и Китаем, который является одним из новых активно действующих акторов в регионе. 9 пункт совместного заявления от 9 ноября 2020 г., подписанного Россией, Азербайджаном и Арменией, гласит, что все транспортные и экономические связи на ЮК должны быть разблокированы, а также по согласованию Баку и Еревана будет обеспечено строительство новых транспортных коридоров, связывающих Нахичевани, анклавного региона Азербайджана, с его западными районами⁴. Открытие этого коридора⁵ может дать импульс и создать благоприятные условия для торговли между Китаем и ЕС, однако ряд факторов ограничивают интересы и деятельность Китая в регионе: 1) Южный Кавказ представляет небольшой экономический интерес для Пекина в рамках широкой евразийской экономической политики Китая; 2) Межгосударственные конфликты и активное соперничество между региональными игроками усложняют экономическую экспансию Китая на ЮК. В этой связи южнокавказское направление не является приоритетным во внешней политике Китая [Evdalini 2022: 172].

¹ В Праге вновь состоялась встреча лидеров Азербайджана, Армении, Франции и Совета ЕС // URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/v-prage-vnov-nachalas-vstrecha-liderov-azerbajdzhana-armenii-francii-i-soveta-es/> (дата обращения: 24.02.2023).

² Партнерство между Республикой Армения и Европейским Союзом // URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/eu> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Евросоюз запустил работу гражданской миссии в Армении // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17094059> (дата обращения: 24.02.2023).

⁴ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Данный коридор называется Зангезурском / Сюникском коридором. Учитывая геополитические значения для региона, однако, можно назвать его Южнокавказским коридором.

Несмотря на это, все три страны ЮК заинтересованы развивать отношения с Пекином в двустороннем формате не только по той причине, что Китай является сверхдержавой и им нужно заручиться его дипломатической поддержкой на международных площадках, но и также за то, что важными компонентами китайского видения нового мирового порядка являются невмешательство во внутренние дела других стран и поддержка территориальной целостности. А этот фактор, т.е. примат суверенитета, чрезвычайно важный для стран ЮК, поскольку они испытывают либо прямое внешнее военное присутствие на своих территориях, либо преобладающее экономическое влияние со стороны региональных и глобальных держав. Более того, Китай сам испытывает проблемы, связанные с Тайванем, в связи с чем любая поддержка со стороны других стран — нет разницы, какое место они занимают в системе международных отношений, имеет значение для Пекина [Evdalini 2022: 172].

Великобритания является одним из крупнейших инвесторов в каспийские энергоресурсы, в связи с чем поддерживает тесные связи с азербайджанскими властями. Она оказывала дипломатическую поддержку Баку в ходе ВКВ, в т.ч. поставив вето на проект заявления СБ ООН, направленного против Азербайджана [Агазаде 2021: 123]. Однако нужно рассматривать политику Лондона в отношении Азербайджана и ЮК в рамках общей британской стратегии на постсоветском пространстве. В отличие от Китая, который учитывает интересы России на ЮК, британские власти стараются уменьшать российское экономическое и военное влияние в регионе, действуя вместе с турецкими властями. В этом контексте большое значение для британских интересов приобретает Организация тюркских государств (ОТГ), образованной в 2021 г. на базе Тюркского Совета, членами которой являются Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция, Узбекистан (Венгрия, Туркменистан и непризнанная Турецкая Республика Северного Кипра имеют статус наблюдателя). Наряду с тем, что британцы высоко оценивают роль Баку в обеспечении энергетической безопасности Европы и

расширении транспортных связей в регионе, Азербайджан ими рассматривается также как «мост» и «ключевое звено» в ОТГ, которая должна в будущем иметь военный характер и стать серьезной угрозой для России.

Таким образом, после ВКВ в регионе фактически образовались две геополитические коалиции — Турция-Азербайджан-Великобритания и Россия-Армения-Иран. Кроме того, Азербайджан имеет тесные отношения с Израилем, заинтересованном в сдерживании иранского влияния [Савичева 2022]. Для России ЮК является постсоветским регионом, представляющим критически важный интерес, и вынуждающим ее позиционировать себя основную силу региона. Однако Турция и Иран, в т.ч. США и страны Европы бросают вызов гегемонии России в регионе, помогая Азербайджану, Грузии и Армении диверсифицировать свои внешние торгово-экономические и военные связи. А это, в свою очередь, не дает возможности Москве одной держать под контролем региональные процессы.

Кавказская платформа «3+3»: проблемы и перспективы

Идея создания платформ для решения региональных проблем, установления прочного мира и безопасности на Южном Кавказе не является новой. Еще в 1996 г. с участием президентов Азербайджана, Армении, Грузии и России была подписана в Кисловодске «Декларация за межнациональное согласие, мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе»¹. А на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), состоявшемся в Стамбуле в 1999 г., Г. Алиев, бывший президент Азербайджана, предложил создать пакт, который мог бы охватывать страны Южного Кавказа [Dilaver 2021: 39]. В свою очередь, С. Демирель, тогдашний президент Турции, поддержал эту идею, выдвинув предложение о создании платформы стабильности на

¹ Декларация за межнациональное согласие, мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе // <https://docs.cntd.ru/document/901857465> (дата обращения: 25.02.2023).

Кавказе, направленной на содействие региональному миру и экономическому развитию. В целом в конце 1990 – начале 2000-ых гг. в основном озвучивались такие форматы, как 3+3+1 (Азербайджан, Армения, Грузия + Иран, Россия, Турция + США) и 3+3+2 (Азербайджан, Армения, Грузия + Иран, Россия, Турция + США и ЕС).

Если в то время турецкие власти были не против участия западных стран на возможных платформах, то ситуация коренным образом изменилась после того, как в Турции пришла к власти Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с Р. Т. Эрдоганом в 2002 г. Анкара начала громко заявлять о необходимости пересмотра механизмов урегулирования карабахского конфликта и предлагать формат «2+2» (Россия, Армения + Турция, Азербайджан). Однако после грузинских событий 2008 г., Р. Т. Эрдоган сначала предложил формат «2+3» (Турция, Россия + Азербайджан, Армения, Грузия), а позже «3+3», добавив в формат Иран. Тем самым турецкие власти пытались оставить западные страны вне процессов на ЮК, активно сотрудничая с региональными игроками.

Важно отметить, что в том периоде Москва не была заинтересована в реализации этих форматов в силу того, что они оценивались как угрозу для стратегических интересов России на ЮК. Поддержка этих форматов означала бы признание растущего влияния Турции в регионе. Однако после ВКВ в регионе сложилась новая обстановка, в условиях которой Москве необходимо активно сотрудничать с Турцией и Ираном по региональным вопросам, не позволив им при этом увеличить свою долю в региональных процессах. Другими словами, присутствие Турции и Ирана на ЮК вместо активного вмешательства западных стран в регион отвечает российским интересам, поскольку Россия является гегемоном на ЮК и ее интересы учитываются в Анкаре и Тегеране.

Кроме того, в условиях западных санкций в связи с украинским кризисом, во

внешней политике России намечается «поворот» на Восток и Юг. Укрепление взаимовыгодного сотрудничества с региональными державами оказывает содействие реализации региональных торгово-экономических и транспортных проектов, а также способствует появлению новых инициатив с учетом национальных интересов. Астанинский формат является ярким примером того, что власти России, Турции и Ирана умеют установить общую точку соприкосновения, несмотря на конфликтующие интересы между ними. Теперь такой же подход со стороны треугольника Россия-Турция-Иран необходим на ЮК для установления прочного мира и безопасности.

Кавказская платформа «3+3» (Россия, Турция, Иран + Азербайджан, Армения, Грузия), предложенная президентом Турции и поддержанная российскими, иранскими и азербайджанскими властями, вновь стала актуальной после ВКВ. Данная платформа основана на строгой геополитической парадигме, которая исключит вмешательство внерегиональных игроков в ЮК, предусмотрит региональное развитие и даст гарантию от любых враждебных действий. Т.е. реализация данной платформы укрепит взаимную торговлю, превращая ЮК из пространства конфликтов в регион стабильности и мира.

Однако грузинская сторона отказалась от участия в данном формате, несмотря на то, что, по словам МИД России С. В. Лаврова, Грузия может подключиться к переговорам по этому формату без каких-либо предварительных условий¹. Основные причины, из-за которых грузинские власти не намерены принять участие по данному формату, заключаются в том, что Тбилиси не имеет дипотношений с Москвой из-за территориальных конфликтов, а также против ограничения влияния западных держав в регионе.

¹ Лавров: Формат «3+3» не обязывает Грузию менять позиции по России // <https://eodaily.com/ru/news/2022/01/14/lavrov-format-3-3-ne-obyazyvaet-gruziyu-menyat-pozicii-po-rossii> (дата обращения: 25.02.2023).

Реализация этого формата, прежде всего, отвечает интересам России, Турции и Азербайджана. В условиях западных санкций Россия нуждается в новых рынках, и разблокировка всех транспортных сетей на ЮК изменит транспортную геополитику в Центральной Евразии в целом. Для Турции он создаст благоприятные условия для получения прямого доступа к транспортным маршрутам со странами Центральной Азии и расширения турецкого влияния в Кавказско-каспийском регионе.

По словам президента Азербайджана И. Алиева, «благодаря открытию коммуникаций мы можем немедленно увеличить торговый оборот между странами региона, открыть десятки тысяч рабочих мест»¹. В случае полной реализации этого формата Азербайджан получит кратчайший маршрут в Нахичевань, сможет установить дипотношения с Арменией, тем самым будет положен конец армяно-азербайджанскому конфликту.

Данный формат оценивается иранскими властями неоднозначно по той причине, что с одной стороны, он считается удачным, по крайней мере, в нем не рассматривается участия западных стран, и Тегеран старается активно принимать участие в переговорах², а с другой – «3+3» не отвечает национальным интересам Ирана, т. к. реализация этого формата позволит Турции укрепить свою позицию в Кавказско-каспийском регионе, ускорит военно-политический, торгово-экономический процессы между тюркскими государствами в рамках ОТГ. Тем самым появится «тюркский пояс» на северных границах Ирана, что в будущем может создавать угрозу территориальной целостности Ирана, учитывая тот факт, что значительная часть

населения Исламской Республики составляют тюркоязычные народы.

Армянские власти тоже по ряду причин с осторожностью относятся к данному формату. Во-первых, он оценивается как инструмент для формализации турецкого присутствия во всех возможных сферах ЮК³. Более того, усиление Турции, союзника Азербайджана, угрожает суверенитету Армении. Во-вторых, нынешний глава Армении Н. Пашинян ведет прозападную политику, укрепляет отношения в дву-и многостороннем порядке с западными странами. В этих условиях попытка России, Турции и Ирана оставить коллективный Запад вне процессов ЮК может привести к еще большему ослаблению Армении.

В итоге несмотря на то, что вопросы, обсуждаемые в рамках формата «3+3» гораздо значимы, чем двусторонний формат взаимоотношений, в связи с тем, что они касаются перспектив целого региона, для успешной реализации формата «3+3», прежде всего, все-таки необходимо установление дипотношений между Арменией и Турцией, Арменией и Азербайджаном, а также возобновление дипломатических отношений между Россией и Грузией.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что геополитические реалия после Второй карабахской войны на Южном Кавказе требуют новых подходов к региональным вопросам. Перед угрозой усиления западного влияния, в т.ч. на фоне активизации политики США и стран ЕС, миссия которого действует на территории Армении, Россия, Турция и Иран должны найти формат сотрудничества, благодаря которому будет четко определены их зоны сферы влияния с учетом интересов трех южнокавказских стран. Это, с одной стороны, поможет избежать любых столкновений между ними, создаст условия для регионального развития, а с другой,

¹ Prezident: "3+3" regional əməkdaşlıq platforması yaradılrsa, bu, yeni düşmənçilik hərəkətlərinə qarşı əsas zəmanət olacaqdır" // <https://ordu.az/az/news/199976/prezident---3+3-regional-emekdasliq-platfomasi-yaradilsa,-bu,-yeni-dusmencilik-hereketlerine-qarsi-esas-zemanet-olacaq-> (accessed: 25.02.2023).

² Посол Ирана в России назвал причины участия страны в формате «3+3» // <https://news.ru/world/posol-irana-v-rossii-nazval-prichiny-uchastiya-strany-v-formate-3-3/> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Галстян Н. «3+3» – ответить честно? Армения не заинтересована в новом формате регионального сотрудничества, но в этом вопросе будет следовать российской позиции // <https://www.ipg-journal.io/ru/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/3-3-otvetit-chestno-1417/> (дата обращения: 25.02.2023).

способствует установлению нового нахождения общих интересов.
регионального мироустройства путем

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Delcour L., Hoffmann K.* The EU's Policy in the South Caucasus // *L'Europe en Formation*. 2018. No 385. P. 7-25.
- Dilaver T.* Bölgesel barış için bölgesel işbirliği: altılı (3+3) platform // *Irs Heritage*. 2021. P. 38-45. <https://irs-az.com/sites/default/files/2022-01/Miras%202021%20%D1%81%D1%82%D1%80.%2038%20-%2045.pdf>
- Evdalini E.* *New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023.
- Harutyunyan A.A.* China-South Caucasus: cooperation in transport and logistics nodes of the Belt and Road // *Modern Oriental Studies*. 2022. Vol. 4. No. 4. P. 112-137.
- Məmmədov F.* Azərbaycan-İran əməkdaşlığı regional təhlükəsizlik kontekstində // Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar / ed. by C. Vəliyev, M. Məhəmmədi. Bakı: Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Strateji Araşdırmalar Mərkəzi, 2018. P. 16-26.
- Perinçek M.* New era in the South Caucasus: The Turkish-Russian Joint Monitoring Center // *Постсоветские исследования*. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 127-129.
- Shaffer B.* Iran's policy toward the Caucasus and Central Asia // *Central Asia-Caucasus Analyst*. 2022. P. 1-8. <https://www.cacianalyst.org/resources/220817-FT-Iran.pdf>
- Агазаде М.М.* Вторая карабахская война: кто на самом деле победитель? // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4. № 2. С. 119-126
- Агамалиев С.М., Дадабаева З.А., Савичева Е.М.* Контуры Нагорно-Карабахской войны 2020 г: позиции ключевых акторов // *Вопросы истории*. 2022. № 1-2. С. 82-92.
- Атрисангари Ф.* Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 1. С. 32-48.
- Гаджиев К.С.* Геополитические ориентиры США на Южном Кавказе // *Россия и новые государства Евразии*. 2019. № 3 (44). С. 91-106.
- Крылов А.Б.* Южный Кавказ: этапы постсоветской истории // *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № 2 (51). С. 147-162.
- Пархитыко Н.П., Курылев К.П., Станис Д.В.* Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество государств Центральной Азии // *Военная мысль*. 2020. № 7. С. 22-39.
- Притчин С.А.* Вторая карабахская война и ситуация на Южном Кавказе // *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № 3(52). С. 153-164
- Савичева Е.М.* Израильско-азербайджанские отношения в контексте геополитической ситуации на Южном Кавказе // В сборнике: Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии, СПбГУ, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2022 года / под редакцией Н.М. Михеевой и Н.В. Каледина. Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2022. С. 189-197.
- Энтина Е.Г., Наджаров А.М., Давранова С.Б., Мелоян Т.Х.* Военно-политические присутствие США на Южном Кавказе/ М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. https://wp.hse.ru/data/2023/02/05/2045232536/WP21_2023_01____.pdf

REFERENCES

- Aghazada M.M.* Vtoraja karabahskaja vojna: kto na samom dele pobeditel'? // *Postsovetskie issledovaniya*. 2021. Т. 4. № 2. С. 119-126
- Agamaliyev S.M., Dadabaeva Z.A., Savicheva E.M.* Kontury Nagorno-Karabahskoj vojny 2020 g: pozicii ključevyh aktorov // *Voprosy istorii*. 2022. № 1-2. С. 82-92.

- Atrisanjari F.* Vneshnjaja politika Irana na Juzhnom Kavkaze: identichnost' i nacional'nye interesy // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2020. T. 22. № 1. S. 32-48.
- Delcour L., Hoffmann K.* The EU's Policy in the South Caucasus // L'Europe en Formation. 2018. No 385. P. 7-25.
- Dilaver T.* Bölgesel barış için bölgesel işbirliği: altılı (3+3) platform // Irs Heritage. 2021. P. 38-45. <https://irs-az.com/sites/default/files/2022-01/Miras%202021%20%D1%81%D1%82%D1%80.%2038%20-%2045.pdf>
- Evdalini E.* New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023.
- Gadzhiev K.S.* Geopoliticheskie orientiry SShA na Juzhnom Kavkaze // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2019. № 3 (44). S. 91-106.
- Harutyunyan A.A.* China-South Caucasus: cooperation in transport and logistics nodes of the Belt and Road // Modern Oriental Studies. 2022. Vol. 4. No. 4. P. 112-137.
- Jentina E.G., Nadzharov A.M., Davranova S.B., Melojan T.H.* Voenno-politicheskie prisutsvie SShA na Juzhnom Kavkaze/ M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2023. https://wp.hse.ru/data/2023/02/05/2045232536/WP21_2023_01____.pdf
- Krylov A.B.* Juzhnyj Kavkaz: jetapy postsovetsoj istorii // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № 2 (51). S. 147-162.
- Məmmədov F.* Azərbaycan-İran əməkdaşlığı regional təhlükəsizlik kontekstində // Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar / ed. by C. Vəliyev, M. Məhəmmədi. Bakı: Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Strateji Araşdırmalar Mərkəzi, 2018. P. 16-26.
- Parhit'ko N.P., Kurylev K.P., Stanis D.V.* Voenno-politicheskoe i voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv Central'noj Azii // Voennaja mysl'. 2020. № 7. S. 22-39.
- Pritchins S.A.* Vtoraja karabahskaja vojna i situacija na Juzhnom Kavkaze // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № 3(52). S. 153-164
- Perinçek M.* New era in the South Caucasus: The Turkish-Russian Joint Monitoring Center // Постсоветские исследования. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 127-129.
- Savicheva E.M.* Izrail'sko-azerbajdzhanskie otnosheniya v kontekste geopoliticheskoy situacii na Juzhnom Kavkaze // V sbornike: Regional'naja politika, politicheskaja geografija i geopolitika: istorija i sovremennost': Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 20-letiju kafedry regional'noj politiki i politicheskoy geografii, SPbGU, Sankt-Peterburg, 22–23 aprelja 2022 goda / pod redakciej N.M. Miheevoj i N.V. Kaledina. Sankt-Peterburg: OOO «Izdatel'stvo VVM», 2022. S. 189-197.
- Shaffer B.* Iran's policy toward the Caucasus and Central Asia // Central Asia-Caucasus Analyst. 2022. P. 1-8. <https://www.cacianalyst.org/resources/220817-FT-Iran.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы. Москва, Россия. (E-mail: agazade-mm@rudn.ru)

Mirmehdi M. Aghazada, PhD in History, Senior lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after P. Lumumba. Moscow, Russia. (E-mail: agazade-mm@rudn.ru)

Политические процессы на Южном Кавказе: Азербайджан-Иран

Р. Р. Велиев

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
E-mail: veliev-ramil.veliev@yandex.ru*

А. Р. Велиев

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
E-mail: am.veliev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются политические процессы, происходящие на Южном Кавказе после Второй Карабахской войны 2020 года. Конфигурация геополитических сил, а также позиции региональных акторов подверглись серьезным изменениям. В частности, Азербайджану хоть и не полностью, но удалось добиться освобождения своих международно-признанных территорий. В свою очередь, Турция смогла не только де-факто, но и де-юре упрочить свои позиции в Закавказье. Тем не менее, такие государства как Армения и Иран оказались проигравшей стороной. Если первой было нанесено поражение, со всеми вытекающими из этого последствиями, то геополитические позиции, а также возможности второго государства были заметно ослаблены. Последние выражается не только в потери Ираном важных логистических артерий, связывающих Исламскую Республику с Арменией, но и в условном «выдавливании» Тегерана из переговорных процессов в регионе, что неизбежно сказывается на политическом весе страны. Помимо этого, отдельное внимание в работе уделяется усилению взаимодействия Азербайджана и Турции, которые в свою очередь заключили Шушинскую декларацию, поднимая уровень взаимоотношения до союзнического. В статье также рассматривается внутривосточный кризис в Иране. Авторы работы анализируют как внутреннюю, так и внешнюю природу текущих протестных акции в Исламской Республики Иран. Отдельное внимание авторы работы привлекают к созданию ситуативного антииранского союза. В данный альянс входят Азербайджан, Турция и Израиль, а также свои геостратегические интересы преследует Великобритания. Поскольку для России отношения с Ираном имеет стратегическое значение, Москва не может находиться в стороне от выстраивания новой политической архитектуры на своих южных рубежах. В заключении работы авторы резюмируют обстановку на Южном Кавказе, выявляя как перспективы иранских выступлений, так и интересы вышеотмеченных государств в регионе.

Ключевые слова: международные отношения, геополитическое противоборство, азербайджано-иранские отношения, Южный Кавказ, риски для России

Для цитирования: Велиев Р. Р., Велиев А. Р. Политические процессы на Южном Кавказе: Азербайджан-Иран // Постсоветские исследования. 2023;4(6):412-425.

Political processes in the South Caucasus: Azerbaijan-Iran

Ramil R. Veliev

*RUDN University named after P. Lumumba
E-mail: veliev-ramil.veliev@yandex.ru*

Amil R. Veliev

*RUDN University named after P. Lumumba
E-mail: am.veliev@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the political processes taking place in the South Caucasus after the Second Karabakh War in 2020. The configuration of geopolitical forces, as well as the positions of regional actors in the Transcaucasian region, have undergone major changes. Although not completely, Azerbaijan managed to achieve the liberation of its internationally recognized territories.

In turn, Turkey was able not only de facto, but also de jure to strengthen its position in the Transcaucasus. However, such states as Armenia and Iran turned out to be the losing side. If the first was inflicted a defeat with all the ensuing consequences, then the geopolitical positions, as well as the possibilities of the second state, were noticeably weakened. The latter is expressed not only in the loss by Iran of important logistical arteries connecting the Islamic Republic with Armenia, but also in the conditional “squeezing out” of Tehran from the negotiation processes in the region, which inevitably affects the political weight of the country. In addition, special attention is paid to the strengthening of cooperation between Azerbaijan and Turkey, which, in turn, signed the Shusha Declaration, which raised the level of relations to an allied one. The article also examines the internal political crisis in Iran. The authors of the work analyze both the internal and external nature of the current protest actions in the Islamic Republic of Iran. The authors of the work draw special attention to the creation of a situational anti-Iranian alliance. This alliance includes Azerbaijan, Turkey, and Israel, as well as Great Britain pursues its geostrategic interests. Since relations with Iran are of strategic importance for Russia, Moscow cannot stand aside from building a new political architecture on its southern borders. In conclusion, the authors summarize the situation in the South Caucasus, identifying both the prospects for Iranian actions and the interests of the above-mentioned states in the region.

Keywords: international relations, geopolitical confrontation, Azerbaijani-Iranian relations, South Caucasus, risks for Russia

For citation: Ramil R. Veliev, Amil R. Veliev Political processes in the South Caucasus: Azerbaijan-Iran // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;4(6):412-425. (In Russ.).

Закавказье представляет собой стратегически важный, и в то же время нестабильный регион. Аккумулируя в себе разного рода сложные региональные противоречия, Южный Кавказ сохраняет традиционно важное значение в мировой политике. Причиной последнего является географическое положение на границах с Россией, Турцией и Ираном, а также наличие выходов к двум морям (Черное море и Каспийское море), к тому же, данная территория не обделена и природными ресурсами. Выгодное геостратегическое расположение региона позволяет осуществлять транзит углеводородов из Центральной Азии, Китая, Индии и других стран в Европу. Закавказский и Черноморско-Каспийский регион обладают перспективой занять ключевую нишу в международных транспортных коридорах «Восток – Запад» (древний шелковый путь) и «Север – Юг». Данные транспортные артерии представляют собой важные геополитические активы, обладание которыми многократно увеличивают геополитический вес государств не только в регионе, но и в мире. Однако, рассматриваемый регион хранит в себе не только большой конфликтогенный потенциал, вызванный, прежде всего,

замороженными конфликтами, но, как было отмечено выше, выгодным геостратегическим положением, за обладание которым стремятся не только региональные, но и внерегиональные акторы мировой политики. Наибольший интерес с точки зрения лучшего понимания изучаемой проблематики представляют научные труды в области геополитики и политических процессов на Кавказе. В этом контексте были полезны работы К.С. Гаджиева, в которых ученый проводит глубокий анализ геополитической ситуации на Кавказе, а также внешнеполитической стратегии России в государствах Южного Кавказа. Гаджиев К. особое внимание уделил международно-политическому положению и вопросам интеграции в кавказском субрегионе [Гаджиев 2010: 489, Смагина 2011: 188].

Тематика закавказской проблематики, а также в целом военно-политической деятельности и безопасности стран Южного Кавказа хорошо освещена в работах таких ученых, как В.А. Захарова [Кулиев 2007.], А.Г. Арешева [Арешев и др. 2016: 91-106], Ю.И. Затонский [Панин, Затонский 2006: 58-63], В.Н. Панин [Панин 2009]. Особую ценность для исследования представляют работы признанного эксперта в области

военно-политической проблематики Южного Кавказа, российского политолога-международника С.М. Маркедонова¹.

В данной статье авторы предпринимают попытку анализа действующих политических процессов на Южном Кавказе после Второй Карабахской Войны 2020 г.. Вместе с тем рассматриваются взаимоотношения политических игроков в Закавказье. Уделяется внимание политическим процессам как в самом Иране, так и за его пределами. В исследовательской работе были применены методы системного и сравнительного анализа, а также междисциплинарный подход, совмещающий исторический и политический анализы. Кроме того, был использован метод контент-анализа, позволяющий определить основные проблемные тенденции данного региона. После Второй Карабахской войны 2020 г. геополитическая конфигурация на Южном Кавказе кардинально поменялась. Данные трансформационные процессы описываются в работе К. Гаджиева [Гаджиев К. С. 2021. С. 126-139]. В своей работе Гаджиев предпринимает попытку выявления важнейших факторов, определившие победу Азербайджана во Второй Карабахской войне 2020 г., а также изменения геополитических перспектив Армении, Азербайджана и всего южнокавказского региона [Гаджиев 2021:126-129].

Основными бенефициарами от складывающейся новой обстановки в регионе стали Азербайджан и Турция. Если Баку смог частично, но решить вопрос своей территориальной целостности, то Анкара смогла впервые за постосманский период времени закрепиться и серьезно нарастить свое влияние в регионе. В этом контексте уместно упомянуть работу Марабян К. «Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе», в которой рассматривается современная политика Турции на Южном Кавказе [Марабян 2022: 130-138].

Основной проигравшей стороной, не считая Армению, является Исламская

Республика Иран (ИРИ). Прежде всего Тегеран потерял ряд важных транспортных узлов коммуникации с Ереваном. В ходе Второй Карабахской Войны, Баку, освободив Зангеланский район, обеспечил себе контроль над всем восточным участком азербайджано-иранской границы. Кроме потери части границы с подконтрольной Арменией Нагорно-Карабахской Республики, Исламская Республика осталась вне переговорного процесса, что сильно ударило по ее геополитическим позициям и интересам на Южном Кавказе [Агазаде 2021:121-123]. Между тем, основной геостратегический противник Ирана, Турция стала на шаг ближе к воплощению в жизнь своего амбициозного проекта по выстраиванию и консолидации единого Тюркского пространства. Анкара и Баку, после Второй Карабахской Войны, заключив Шушинскую декларацию, оформили свой военно-политический союз и начали стремительными темпами выстраивать институциональную базу по кооперации между двумя тюркскими государствами. В этом контексте уместно будет процитировать слова президента Азербайджана, которые четко демонстрируют уровень взаимоотношений двух тюркских государств.

И. Алиев: «Все те, кто замышляет враждебные планы против Азербайджана и Турции, должны знать, что турецкая армия является не только армией Турции, но и нашей тоже, и наоборот, наша армия является и армией Турции. Наше видение взаимоотношений с Турцией предельно ясное: мы братья, друзья и союзники. В прошлом году в Шуше мы, по сути, оформили то, что было достигнуто между нашими странами ранее. Подписав Шушинскую декларацию, мы официально стали союзниками. Это было, как я уже сказал, оформлением реальности, потому что в течение долгих лет Турция и Азербайджан действовали как союзники. Мы высоко оцениваем такой уровень сотрудничества, партнерства и братства»²

¹ Маркедонов С.М. Баку: между союзником и партнером URL: <http://politcom.ru/20751.html> (Дата обращения: 21.03.2022), Маркедонов С.М. Грузино-абхазский конфликт: 1992-2012 URL:

<http://politcom.ru/14358.html> (Дата обращения: 01.01.2022)

² Информационное агентство Report «Президент Азербайджана: Наше сотрудничество с Турцией будет

После событий 2020 г. граница Армении и Ирана уменьшалась до 40 км. Вместе с тем, здесь тоже не все так просто. Азербайджанская Республика, опираясь на текст трехстороннего соглашения от 10 ноября 2020 г., а именно на 9-ый пункт заявления настаивает на разблокировке транспортных коммуникаций в регионе. Согласно 9-му пункту заявления, предполагается, что «Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного движения граждан, транспортных средств и грузов в обоих направлениях» При этом отмечается, что безопасность и контроль за транспортным сообщением будет осуществляться пограничной службой ФСБ.

Для полноты картины, необходимо рассмотреть проект транспортного маршрута, который лоббирует Азербайджан. С момента заключения вышесказанного трехстороннего заявления от 10 ноября 2020 г., Баку взял на свое вооружение нарратив о запуске логистического маршрута, более известного, как Зангезурский коридор («Сюникский коридор» или «Мегринский коридор»). Данный коридор проходит через суверенную часть Армении и вызывает недовольство как Еревана, так и Тегерана. Оба государства видят в этом угрозу своей национальной безопасности. Наиболее четко охарактеризовал позицию страны в этом вопросе Премьер-министр Армении Никол Пашинян, который в 2021 году заявил следующее:

«Хочу подчеркнуть, что Армения никогда не обсуждала и не будет обсуждать вопрос коридора. Открытие региональных коммуникаций — в нашей политической повестке, но этот вопрос не может иметь никакой связи с коридором, который

пытаются пропагандировать политические круги Азербайджана»¹.

Помимо этого осенью 2022 г. на встрече с армянской общиной Владивостока он еще раз подтвердил позицию о невозможности строительства коридора через территорию Армении сказав: «Азербайджан, например, говорит о коридоре. Хочу очень четко сказать, что коридора через территорию Армении мы никому не дадим. Но мы предоставим и откроем дорогу и готовы сделать это в любой момент. Мы также передали предложения Азербайджану, как только Азербайджан примет эти предложения, мы сможем очень быстро реализовать это соглашение»².

Как мы можем заметить армянское руководство выступает против транспортных инициатив Азербайджана. Этой же позиции придерживается и руководство Ирана. Автор работы считает необходимым более подробно описать позицию иранских властей. Беспокойство официального Тегерана вызвано тем, что реализация проекта Зангезурского коридора, проходящего параллельно армяно-иранской границы в перспективе способно изолировать и вывести его из южнокавказской игры. Естественно, данное положение не может устраивать Исламскую Республику, которая всячески демонстрирует неприязнь азербайджанской инициативе. Ярким подтверждением последнего является ряд выступлений иранских официальных лиц. К примеру, как отмечает на своей официальной странице руководитель аппарата Раиси по политическим вопросам Мохаммад Джамшиди в Twitter, иранский президент, на полях саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), который проходил 13 октября в Астане, четко дал понять своему азербайджанскому коллеге, что Тегеран

только укрепляться» // URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/prezident-azerbajdzhana-nashe-sotrudnichestvo-s-turciej-budet-tolko-ukreplyatsya/> (дата обращения 21.01.2023)

¹ Новостное интернет-издание NEWS.ru «Ереванский шантаж: почему Пашинян отказался от Зангезурского коридора» // URL: <https://news.ru/world/pashinyan-zangezurskij-koridor/> (дата обращения 27.11.2022)

² Информационное агентство Vesti.Az «Баку устал от наглости Армении и ставит "коридорный" вопрос ребром - О новом предложении по КПП» // URL: <https://vesti.az/politika/baku-ustal-ot-naglosti-armenii-i-stavit-koridornyi-vopros-rebrom-o-novom-predlozenii-po-kpp-483203> (дата обращения 27.02.2022)

решительно ответит на любые попытки изменить транзитный маршрут между Ираном и Арменией. Подобные заявления слышны и от иранского генералитета. В частности, 22 сентября начальник Генштаба Вооружённых сил Ирана генерал-майор Мохаммад Хоссейн на военном параде в рамках «Недели священной обороны» в очередной раз озвучил позицию Ирана о недопустимости изменения границ в Закавказском регионе: «Вооружённые силы Ирана, уважая принципы добрососедства и международные нормы, заявляют, что не допустит какой-либо нестабильности и изменений границ. Мы советуем Армении и Азербайджану решить свои проблемы мирным путём», — заявил начальник Генштаба ВС ИРИ¹.

Стоит отметить, что свои заявления Иран подкрепляет крупномасштабными военными учениями, которые он проводит на восточном участке азербайджано-иранской границы. Крупномасштабные учения иранской армии и Корпуса стражей исламской революции (КСИР) на северо-западной границе Ирана прошли осенью 2021 г. Данные учения являются беспрецедентными за три десятилетия с момента распада Советского Союза. Осенью 2022 г. наблюдалась концентрация бронетанковых частей Ирана на границе с Азербайджаном и Арменией, в период резкой эскалации на границе 13–14 сентября. Манёвры иранских силовиков, а также жесткие заявления иранских политиков являются четкими сигналами для Баку о неприемлемости Ираном складывающейся ситуации в регионе. Соответственно, исходя из заявлений представителей Ирана, мы можем резюмировать, что если Азербайджан в одностороннем порядке решит «прорубить» Зангезурский коридор, то это будет расцениваться как угроза

национальной безопасности Исламской Республики, что повлечет за собой ввод иранского контингента в Сюникскую область Армении. Возникает закономерный вопрос, может ли Азербайджан пойти на эту авантюру. Для ответа на этот вопрос необходимы условия, которые могут дать закавказской республике возможность действовать исходя из своей логики. Прежде всего, нужно снова обратить внимание на юридическую сторону вопроса. Так, помимо упомянутого выше Соглашения от 10 ноября 2020 г. (9-ый пункт)², в январе 2021 г. Россия, Азербайджан и Армения подписали новое заявление, в котором отмечалось необходимость создания трёхсторонней Рабочей группы на уровне вице-премьеров трех стран. Рабочая группа должна была заняться процессами по реализации пункта 9 Заявления от 9 ноября 2020 года в части разблокировки всех экономических и транспортных связей в регионе³.

Вышеотмеченное позволяет нам судить о том, что основные положения Заявления от 10 ноября 2020 имплементируются. Помимо юридического прикрытия, позволяющее Азербайджану легитимизировать свои действия и обезопасить свое международное реноме, у Баку имеется серьезный инструмент решения проблемы, который был применен осенью 2020 г. Речь идет об армии. После второй Карабахской Войны ВС Армении хоть и официально не участвовали в войне, но заметно утратили свою боевой потенциал. Поэтому у ВС Азербайджана есть возможности силой решить данный вопрос. Следующим моментом, который благоволит Баку, является текущая международная обстановка. Единственная страна, которая реально не на словах, а на деле могла оказать помощь Еревану занята украинским фронтом. Другим актором, на который могла бы рассчитывать Армения, является

¹ Информационное агентство EADaily «Иран вновь предупредил Азербайджан и Турцию: Изменения границ не потерпим» // URL: <https://eadaily.com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/09/22/iran-vnov-predupredil-azerbaydzhani-turciyu-izmeneniya-granic-ne-poterpim> (дата обращения 27.12.2022)

² См.: Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10 ноября 2020

г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 16.09.2022)

³ Russia Today «Конкретные шаги по строительству экономических связей»: Путин, Алиев и Пашинян подписали заявление о развитии Карабаха. РТ на русском» // URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/821281-karabah-peregovory-rabochaya-gruppa> (дата обращения 27.12.2022)

Европейский союз (ЕС). Но Брюссель не сможет оказать явной помощи Еревану. Причиной этого является то, что многие европейские страны, столкнувшись с проблемой поставки углеводородов, вынуждены закупать их в Азербайджане¹. Соответственно, трудно представить, что европейские партнёры готовы будут поступиться своими интересами ради Армении. В этом раскладе, даже основной лоббист интересов Еревана, Париж не в силах повлиять на ситуацию.

Что же касается ОДКБ то здесь, все довольно сложно. Данный военно-политический блок переживает институциональный кризис, так как не справляется со своими задачами. Также весьма прозаичными являются высказывания президента И. Алиева, которые он сделал в ноябре 2022 г. на мероприятии в Баку, посвященном 30-летию создания партии «Ени Азербайджан». Азербайджанский лидер отметил: «Наши международные позиции в значительной степени укрепились. Об этом можно говорить много, но хочу отметить лишь несколько моментов.... Даже в тех организациях, членами которых мы не являемся, у нас немало друзей, и события последних лет, месяцев лишней раз показывают это. Например, Организация Договора о коллективной безопасности. Мы не являемся ее членом, а Армения входит в эту организацию и посредством нее намеревалась предъявить Азербайджану необоснованные претензии, фактически хотела столкнуть страны-члены этой организации с Азербайджаном. Это большая провокация и серьезное преступление. Однако другие члены ОДКБ не повелись на эту провокацию. Некоторые в своих выступлениях так отчитали Армению, что она и по сей день не может забыть об этом...»².

Имея в своих руках юридическую обоснованность, реальный силовой инструмент, поддержку со стороны своего турецкого союзника, а также сложную политическую ситуацию в мире, Баку может решиться на силовое решение вопроса, пробив тем самым коридор через территорию Армении. На данный момент Баку останавливает только позиция Москвы. Да, объективно говоря, Россия сейчас сильно отвлечена и ослаблена, но в любом случае, Баку не может не учитывать интересы Кремля. Последнее связано с тем, что Азербайджан и Россия в феврале 2022 г. подписали Московскую декларацию, которая ограничивает стороны от деструктивных действий в отношении друг друга. Так, в Московской декларации от 22 февраля 2022 г. в пункте №7 четко отмечено, что стороны должны воздерживаться «от любых действий, наносящих, по мнению одной из сторон, ущерб стратегическому партнерству и союзническим отношениям двух государств». Помимо этого, согласно пункту №4 стороны занимают одинаковые или близкие позиции по актуальным международным проблемам, углубляют конструктивное сотрудничество. Данное положение подкрепляется пунктом №25, в рамках которого Азербайджан и Россия соглашаются «воздерживаться от осуществления любой экономической деятельности, наносящей прямой или косвенный ущерб интересам другой Стороны»³.

Помимо юридических ограничителей, Баку не может не считаться с военно-политической мощью России на Южном Кавказе. Более того, непосредственно в Нагорном Карабахе развернут российский миротворческий контингент из двух батальонов 15-й ОМСБР. Исходя из вышесказанного, Баку так или иначе, должен учитывать интересы Москвы.

¹ Интерфакс «В Еврокомиссии отметили рост поставок газа из Азербайджана в ЕС на 40% в 2022 году» // <https://www.interfax.ru/business/884614> (дата обращения 02.03.2022)

² Информационный портал Media.az «В ОДКБ у Азербайджана больше друзей, чем у Армении - Президент» // <https://media.az/politics/1067885299/prezident-v-odkb->

u-azerbaydzhana-bolshe-druzey-chem-u-armenii/ (дата обращения 02.12.2022)

³ Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. «Interfax» последние новости Азербайджана, Грузии и Армении. // URL: <http://interfax.az/view/859345> (дата обращения: 11.03.2022)

Следующим обстоятельством, которое также способно заставить Азербайджан отказаться от данной затеи является, отмеченный выше Иран. Однако, необходимо заметить, что сейчас в Исламской Республике Иран не утихают вот уже полтора месяца массовые антиправительственные выступления, охватившие почти все крупные города и провинции. Важный момент, на который автор хочет привлечь внимание является то, что центром сопротивления стал населенный азербайджанцами Западные провинции страны (Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан, Зенджан, Казвин, Хамадан, Ардебиль). Причиной текущих протестов послужила смерть 22-летней студентки Махсы Амини. 13 сентября 2022 в Тегеране Амини была задержана полицией нравов за то, что платок на ее голове не полностью покрывал волосы. Спустя некоторое время она скончалась в больнице. Данный инцидент вызвал серьезный резонанс в иранском обществе. В последующие дни многие города Ирана были наводнены протестующими против такого явного произвола со стороны властей. Под конец 20 сентября масштабные протестные акции вышли из-под контроля местных силовиков и охватили более сотни городов. Несмотря на отключение интернета в стране, демонстрации не утихали¹.

Народные волнения в Иране происходят регулярно. Так еще весной текущего года, обстановка в стране резко накалилась из-за стремительного роста цен на продукцию первой необходимости (хлебобулочные изделия, молочные продукты и др.)². Последнее было вызвано тем, что правительство Раиси отменило субсидии на импортируемую пшеницу, что привело к быстрому росту стоимости не только продуктов питания на основе муки на 300 процентов. Тем не менее текущие народные волнения на порядок масштабнее и более обширнее тех, что были ранее. В протестных акциях принимают участие различные

категории населения. К последним относятся: учащиеся вузов и школ, мелкий и средний бизнес, рабочий класс, беднота и национальные меньшинства. Первая категория, студенты, они являются наиболее пассионарной частью любого общества, им характерно обостренное чувство справедливости и юношеского максимализма. Нынешние иранские студенты видят перед собой государство, обложенное со всех сторон санкциями, и считают, что их перспективы стремятся к нулю. Вторая категория, малый и средний бизнес, который больше всего пострадал от санкционной политики западных держав. Разрушенные логистические связи, ограниченность ведения предпринимательской деятельности, ужасный инвестиционный климат, монополизм со стороны государственных компаний и весь этот «набор», умноженный на очень сильное коррупционное начало, уничтожают независимый бизнес в стране. Третья категория, рабочие, которые также ощущают давление со стороны введенных западом санкций, однако на данный момент, данная группа общества не проявляет ту инициативность, которая в 1979 году позволила именно этой страте общества привести исламскую революцию к победе. Последняя же категория — это беднота, а также национальные меньшинства, которые проявляют наибольшую активность. Для данных групп, так же, как и остальным характерно моральная усталость, вызванная ростом социального неравенства, усиливающейся чрезмерной бросающейся в глаза поляризацией общества на сверх богатых и крайне бедных. Тем не менее, именно эти категории составляют большинство в протестном движении. В прошлый раз революция увенчалась успехом, потому что, периферийная беднота, поддерживаемая материально и морально духовенством, оказало существенную поддержку революционным силам в 1979 г. Вместе с тем, отдельный акцент необходимо

¹ РИА Новости «В Иране опубликовали отчет о причине смерти Махсы Амини» // URL: <https://ria.ru/20221007/amini-1822247533.html> (дата обращения 02.12.2022)

² IRNA reports | Reuters «Soaring bread prices spark protests and shop fires in Iran » // URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/soaring-bread-prices-spark-protests-shop-fires-iran-irna-2022-05-13/> (дата обращения 02.12.2022)

сделать на национальных меньшинствах. Не зря выше мы упомянули, что самые ожесточенные протестные акции проходят именно в Иранском Азербайджане (Западные провинции). Перед нами четко проявляется усиление националистических настроений в иранском обществе. Так, компактно проживающее азербайджанское меньшинство, которое составляет около 35% процентов от всего населения страны, все чаще поднимает вопрос об их притеснении по национальному признаку со стороны иранских властей. Стоит отметить, что это небезосновательно. Так, 25 ноября выступая на международной конференции в Баку президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил, что в Иране нет школ с обучением на азербайджанском языке, зато есть преподавание на армянском. Азербайджанский лидер отметил: «Мы поднимаем вопрос обучения на азербайджанском языке в иранских школах, так как в противном случае азербайджанцы Ирана утрачивают литературный компонент языка, азербайджанский язык остаётся лишь на уровне бытового»¹.

Продолжая тему притеснения, а также демонстрации стоит вспомнить скандалы, которые привели к массовыми народным волнениям в Иране. Так в 2006 г. случился скандал вокруг карикатур, посвященные азербайджанским тюркам в Иране, а в 2015 г. произошли серьезные протесты из-за скандальной телепередачи «Fitileh» на государственном телеканале Ирана (IRIB) «TV 2» оскорбившего азербайджанцев телеспектакля. Вышеотмеченные акции

протеста были серьезными антиправительственными выступлениями азербайджанского меньшинства, которое боролось с дискриминационной политикой Ирана².

Следующим этносом, который также участвует в погромах, являются Курды, которые так же, как и азербайджанцы обвиняют Тегеран в притеснениях. Тем более, вот уже с октября ВС Ирана интенсивно наносят ракетные удары по территории Иракского Курдистана³, что вызывает гнев и раздражение у иранского курдского меньшинства, которое составляет около 13 % населения страны Исламской Республики Ирана⁴. Но для объективности анализа необходимо упомянуть, что Иран мотивирует эти удары тем, что в данном регионе, находятся базы подготовок диверсантов и проходят основные маршруты оружия и денег, направляемые в Иран для дестабилизации обстановки в стране. Более того, иранские военные чиновники не раз отмечали, что в Иракском Курдистане замечена активность спецслужб США и Израиля⁵.

Не стоит упускать из виду и другие болевые точки для Ирана [Ованнисян 2021:219-221]. В частности, иранские провинции Систан и Белуджистан, в которых в прошлом году также вспыхивали антиправительственные выступления (протесты 2021 года в Систане и Белуджистане)⁶.

Все вышеотмеченные триггерные точки, а также мощные группы влияния в иранском обществе, могут быть использованы

¹ ИА REGNUM «Алиев обвинил Иран в отсутствии школ с обучением на азербайджанском языке» // URL: <https://regnum.ru/turbopages.org/regnum.ru/s/news/3754154.html> (дата обращения 02.12.2022)

² Журнал Международная жизнь «Иранский Азербайджан - история и политика» // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения 02.12.2022)

³ ИА REGNUM «Иран нанёс ракетный удар по территории Ирака — Kurdistan 24» // URL: <https://regnum.ru/turbopages.org/regnum.ru/s/news/3746644.html> (дата обращения 02.12.2022)

⁴ Военное обозрение «Курдский фактор в Иране» // URL: <https://topwar.ru/35924-kurdskiy-faktor-v-irane.html> (дата обращения 07.12.2022)

⁵ Российское Информационное Агентство Iran.ru «Тегеран пообещал принять жесткие меры против американских и израильских баз в иракском Курдистане» // URL: https://www.iran.ru/news/analytics/118896/Tegeran_poo_beshchal_prinyat_zhestkie_mery_protiv_amerikanskih_i_izraillskih_baz_v_irakskom_Kurdistanе (дата обращения 07.12.2022)

⁶ РСМД ««Ни серпа, ни чалмы»: технология протестов в Иране для борьбы с сакральной основой государственного суверенитета» // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ni-serpa-ni-chalmy-tekhnologiya-protestov-v-irane-dlya-borby-s-sakralnoy-osnovoy-gosudarstvennogo-su/> (дата обращения 06.12.2022)

внешними силами для дестабилизации обстановки в Иране. О последнем и пойдет речь далее.

С момента начала народных волнений официальный Тегеран стал отрицать причастность правоохранительных органов к смерти девушки. Как отмечал начальник полиции Тегерана у Амини были проблемы со здоровьем и в ее смерти нет никакой вины со стороны государства. Хотя официальные чиновники и государственные СМИ объявили о начале расследования для установления причины инцидента, однако правозащитники сомневаются в объективности такого расследования. Помимо этого, иранский истеблишмент нашел во всех протестах иностранный след. К примеру, Губернатор Тегерана Мохсен Мансури обвинил в организации протестов "иностраных врагов". Согласно его заявлению, "в проблемах Тегерана отчетливо видны следы вмешательства некоторых посольств и иностранных спецслужб". Государственные телеканалы заявили, что курдские сепаратисты и критики власти использовали смерть Амини в качестве предлога для беспорядков. Основными же спонсорами протестных выступлений являются Саудовская Аравия, США и Израиль. Именно их Тегеран считает главными виновниками¹.

В этом ключе автор работы снова переносит внимание на деятельности соседа Ирана – Азербайджана. В последнее время азербайджанский политикум все чаще стал поднимать вопрос о судьбе своих братьев в Иранском Азербайджане. Так 25 ноября на международной конференции "Вдоль Срединного коридора: геополитика, безопасность и экономика" президент Азербайджанской Республики Ильхама Алиева заявил следующее: "Мы всегда отвечали и будем отвечать на любые антиазербайджанские шаги, будь то заявления или действия. Поэтому мы вынуждены были начать военные учения на границе с Ираном, чтобы

продемонстрировать, что мы их не боимся. Мы сделаем все возможное, чтобы защитить наш образ жизни, секулярный вектор развития Азербайджана и азербайджанцев, включая азербайджанцев, проживающих в Иране. Они часть нашей нации.²»

Не случайно президент Азербайджана акцентировал на том, что считает иранских соотечественников частью единого азербайджанского этноса. Более того, он также выразил недовольство военными учениями Ирана: «Никогда еще Иран не проводил две военные операции подряд в течение нескольких месяцев у наших границ. Никогда еще не было сделано столько заявлений, полных ненависти и угроз в адрес Азербайджана».

Как мы отмечали выше, иранские вооруженные силы стали интенсивно проводить военные учения, и как было замечено экспертами, учения носят явно не оборонительный характер. О последнем свидетельствует технические параметры военных учений. Так иранские вооруженные силы применяли понтонные переправы, которые использовались для форсирования водных преград. Не сложно догадаться, что речь идет о форсировании реки Аракс. Помимо политических деятелей, в повестку поддержки иранских азербайджанцев включились государственные каналы Азербайджанской Республики, которые стали публично обсуждать вопросы правомерности и необходимости присоединения Иранского Азербайджана. В частности, на таких каналах, как Ваку TV и Хəзəр TV ведущие публично поддержали азербайджанцев в данном регионе, заговорив при этом, про надвигающуюся «весну» в Иране. Под весной в этом контексте понимается смена режима (по аналогии с арабской весной 2010–2012 гг.). Между тем в столице Азербайджана различные

¹ Sputnik Азербайджан Беспорядки в Иране: история вопроса и возможное развитие событий » URL: <https://az.sputniknews.ru/20220922/besporyadki-v-irane-istoriya-voprosa-i-vozmozhnoe-razvitiye-sobytyi-446363107.html> (дата обращения 28.11.2022)

² Военное обозрение «Зангезурский коридор. Сорок километров геополитики» // URL: <https://topwar.ru/205822-zangezurskij-koridor-sorok-kilometrov-geopolitiki.html> (дата обращения 26.12.2022)

политические силы провели митинги в поддержку иранских собратьев¹.

С начала протестных акции в Западных регионах Ирана все чаще стали появляться флаги независимого Южного Азербайджана. Вместе с тем, на демонстрациях были заметны, как флаги данного субъекта, так и портреты президента Азербайджана Ильхама Алиева. Более того, все чаще стали слышны лозунги «Azadlıq, ədalət, milli hökumət»², что означает свобода, справедливость, национальное правительство.

Как мы можем заметить, Азербайджан всеми способами воздействует на свою группу влияния, которая, в большинстве своем представлена, большой азербайджанской диаспорой. Данный инструмент, позволяет Баку так или иначе воздействовать на ситуацию в регионе.

Кольцо вокруг Ирана

Анализ регионального среза Южного Кавказа позволяет констатировать, что заметна восходящая тенденция на формирование ситуативного альянса против Ирана. В данный союз входят следующие страны: Азербайджан, Турция и Израиль, при активном участии Великобритании. Важную роль в этом объединении играет Азербайджан. Данное государство имеет великолепные отношения как с Турцией, так и с Израилем. Имея такое положение, Баку оказывает медиаторские услуги в данном тандеме. Более того, Азербайджан является своего рода инструментом, в использовании которого заинтересованы как Тель-Авив, так и Анкара. Для Израиля это важно, поскольку она намерена всеми способами остановить усиливающийся Иран. Иранская ядерная программа вызывает опасения у Израиля, а также стран Персидского залива. В результате чего Израиль не упустит возможность дестабилизировать ситуацию в Иране с целью нейтрализации угрозы для своей национальной безопасности. Для Турции это важно в рамках концепции пантюркизма, которая ставит цель

объединить тюркоязычные народы. Более того, Анкара также заинтересована в ослаблении Ирана, так как последняя является геополитическим конкурентом Анкары в регионе. Отторжение от Ирана Южного Азербайджана может повлечь за собой серьезные изменения в региональном балансе сил. Турция, используя свою мягкую силу, играет на националистских чувствах южных азербайджанцев. К тому же, в Турции располагается Временное Национальное Собрание Южного Азербайджана, которое было сформировано в начале октября 2022 г. Стоит отметить, что власти Турции всячески поддерживают данное собрание. Основная задача Анкары навязать и поддержать в азербайджанском меньшинстве ирредентистские настроения.

Как мы могли заметить, позиции Израиля и Турция в этом вопросе совпадают. Тем не менее, в недавнем прошлом, отношения между этими государствами переживали сложные времена. После прихода к власти в Турции ПСР во главе с Р.Эрдоганом и явной исламизацией внешнеполитического курса страны, отношения между Анкарой и Тель-Авивом испортились. В 2018 г. из-за инцидента вокруг «Мави Мармара», Турция отозвала своего посла из Израиля. В 2022 г. процесс нормализации отношений шел стремительными темпами. На данный момент в полном объеме восстановлены дипломатические отношения. Более того на полях 77-й сессии Генассамблеи ООН лидеры государств встретились и еще раз обсудили вопрос сотрудничества. Интересным является тот факт, что премьер-министр Израиля Я. Лапидом стал первым за 14 лет израильским премьером, встретившимся с турецким лидером. Так 9 марта 2022 г. впервые с 2007 г. в Анкару прибыл президент Израиля Ицхака Герцога, который встретился с президентом Турции Р. Эрдоганом. В ходе своей беседы политики пришли к выводу, что необходимо сообща

¹ TURAN İnformasiya Agentliyi «Азербайджанские активисты призвали мировое сообщество поддержать протесты в Иране» // URL: https://www.turan.az/ext/news/2022/9/free/politics_news/ru/9703.htm (дата обращения 26.12.2022)

² AZEFORUM «Антиправительственные лозунги в Тебризе: Да здравствует Южный Азербайджан!» // URL: <https://sivil.az/ru/oxu-az-oxuaz-antipravitelstvennye-lozungi-v-tebrize-da-zdravstvuet-yuzhnyy-azerbaydzhan-foto> (дата обращения 26.12.2022)

решать острые проблемы. Помимо президента, Анкару также посетил глава оборонного ведомства Израиля Биньямина Ганца, который в ходе встречи с президентом Турции Реджепом Эрдоганом обсудил меры для стабилизации обстановки как на Ближнем Востоке, так и в Восточном Средиземноморье. Со своей стороны, в мае 2022 г. глава внешнеполитического ведомства Турции министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу посетил Израиль и стал первым турецким официальным лицом, нанесшим официальный визит в Израиль за полтора десятилетия. Как отмечают ряд турецких изданий, президент Турции планирует посетить Израиль после парламентских выборов в Турции. Последнее подчеркивает готовность стран на усиления сотрудничества.

В процессе нормализации отношений Турции и Израиля Азербайджан играет важную роль. Так в начале октября министр обороны Израиля Биньямина Ганца и министр обороны Турции Хулуси Акара встречались в Баку. Как отмечает Пресс-служба министерства обороны Израиля, министр обороны Израиля Биньямин Ганц на переговорах с Президентом Азербайджана и своим коллегой министром обороны Закиром Гасановым обсуждал вопрос усиливающегося военно-технического сотрудничества, а также важности совместных усилий по достижению мира и стабильности. Отдельное внимание заслуживает следующая остановка министра обороны Турции. В частности, после переговоров в Азербайджане глава оборонного ведомства отправился в Великобританию, что свидетельствует о совместном деятельности англо-турецкого дуэта.

Со своей стороны, Иран не может игнорировать такого рода процессы происходящее как внутри страны, так и за ее пределами. 20 ноября советник Верховного лидера Ирана Али Акбар Вилаяти сделал следующее заявление:

"Иран не планирует нападать на какую-либо страну на Кавказе или где-либо еще,

особенно на своих соседей, особенно на людей той же расы, языка, религии, убеждений, традиции и истории, то есть на народ Азербайджанской Республики. Азербайджан - свет наших очей»¹.

Заявление иранского политика стоит оценивать как ощутимый шаг в сторону разрядки напряжения в отношениях с Азербайджаном. Стоит заметить, что появление своего рода блока против Ирана, представляет большую опасность также и для России. Исламская Республика Иран играет важное значение в региональной безопасности на Южном Кавказе. К тому же, на фоне санкционного давления и проводимой Россией СВО, важность Ирана не только как экономического, но и военно-политического партнера возросла.

Позиция Россия:

Конфронтация между Азербайджаном и Ираном несет существенные риски для позиции России в регионе. Оба государства, хоть и в разных форматах, но являются союзниками России. Поэтому обострение ситуации между государствами может отразиться на статус-кво в регионе, что на данный момент не выгодно Кремлю, поскольку большая часть ресурсов и внимание сконцентрировано на украинском кейсе, появление новой очага беспокойства, неизбежно повлияет на баланс сил на Южном Кавказе. Что же касается протестных движений, то для России, центробежные процессы в Иране представляют серьезную опасность. Во-первых, в случае гипотетического развала Ирана, от этого больше всего выиграют геополитические конкуренты Россией, Турция и англосаксонский мир. Во-вторых, приход к власти западноориентированных сил в Иране приведет к созданию дополнительной угрозы для позиции России в регионе так как на данный момент Иран является последовательным критиком коллективного Запада, и прежде всего США. В-третьих, стоит отметить, что в Иране распространен ислам шиитского толка. Данный момент является очень важным для России, где большинство мусульман — это

¹ Sputnik Азербайджан «Советник лидера Ирана: Азербайджан для нас – зеница ока» // URL: <https://az.sputniknews.ru/20221120/sovetnik-lidera->

[irana-azerbaydzhan-dlya-nas--zenitsa-oka-448783802.html](https://az.sputniknews.ru/20221120/sovetnik-lidera-irana-azerbaydzhan-dlya-nas--zenitsa-oka-448783802.html) (дата обращения 26.12.2022)

сунниты. В некоторых регионах России, прежде всего Северном Кавказе, в Поволжье, а также среди среднеазиатских мигрантов, приезжающих в Россию, распространены радикальные течения суннизма (ваххабизм). Между последними и шиизмом существует непреодолимая разногласия. Таким образом, риски влияния иранских аятоллы на российских мусульман минимальны. Что нельзя сказать про деятельность таких стран как Турция, Пакистан, а также некоторых страны Персидского залива (Саудовская Аравия и ОАЭ).

В-четвертых, в России и Иране присутствуют тюркские меньшинства, что позволяет некоторым государствам — а именно Турции — воздействовать на эти группы. Таким образом, Москва и Тегеран находятся по одну сторону баррикад в сопротивлении тюркскому национализму.

В-пятых, объективный анализ обстановки на всем Ближнем Востоке позволяет нам отмечать, что Иран является силой, с которой обязаны считать все акторы не только региональной, но и мировой политики. Тегеран имеет серьезные силы для оказания влияния на происходящие процессы в регионе. Прежде всего это связано, с сателлитами Ирана: ливанская «Хезболла», проиранские шиитские иракские группировки, а также йеменское движение «Ансар Аллах» (хуситы), которые с марта 2015 года успешно противостоят арабской коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией. Другими словами, у Ирана в рукаве инструментарии для проведения гибридной войны со своими противниками. Поэтому все вышеперечисленное, а также текущая сложная международная обстановка еще сильнее сближает Россию и Иран.

Заключение

Ситуация на Южном Кавказе довольно напряженная. Азербайджано-иранские противоречия нарастают, что на руку Турции, Израилю, а также англосаксонскому миру. В идеале, вышеотмеченные акторы,

хотели бы использовать Азербайджан в решении всех своих геополитических вопросов. Если для Турции — это создание амбициозного проекта по консолидации в единое пространства всех тюркских государств, то для Израиля и англосаксонского мира — это нивелирование пресловутой иранской угрозы. Воздействуя на националистические силы, как в самом Азербайджане, так и в Южном Азербайджане, ставится цель по фрагментации иранского общества с дальнейшим развалом всего государства.

В этой связке мы четко можем рассмотреть вероятность создания альянса против Ирана.

В свою очередь, Азербайджан, лоббируя идею реализации Зангезурского коридора, параллельно решает геополитические вопросы противников Ирана. Возможность силового решения вопроса в отношении коридора имеет место быть, но фактор России и Ирана на данный момент сдерживает Баку. Тем не менее, не исключены локальные столкновения для воздействия непосредственно на позицию Еревана.

Что касается иранских протестов, то было бы неправильно еще раз не упомянуть масштабность и разнородность антиправительственных выступлений. Хотя и протестные настроения сильны и упорны, но пока отсутствуют конкретные и четкие общественные цели и идеи. Поэтому еще рано говорить об успешности протестных движений в стране. В то же время, для Ирана, который и без того имеет сложную внешнеполитическую обстановку, данные внутренние проблемы очень опасны, так как, они не только подрывают внутривнутриполитическую стабильности, но и дает возможность недругам Ирана воспользоваться сложившейся ситуацией, что противники Ирана и делают. Резюмируя иранские протесты и их настроения можно прийти к выводу, что новое иранское поколение желает изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агазаде М Вторая карабахская война: кто на самом деле победитель? //Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. №. 2. С. 119-126.

- Арешев А. Г.* и др. Южный Кавказ в "системе трех морей": внешние угрозы и внутренние вызовы //Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. №. 10. С. 91-106.
- Гаджиев К. С.* Южный Кавказ через призму второй карабахской войны //РОССИЯ И НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРАЗИИ Учредители: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. ЕМ Примакова РАН. 2021. №. 3. С. 126-139.
- Гаджиев, К. С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России / К. С. Гаджиев. М.: Логос, 2010. С.489, Смагина С.М. Российский политический процесс в региональном измерении: модернизационные аспекты (XX – начало XXI вв.): учебное пособие / Смагина С.М. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2011. С.188
- Кулиев Т. Б.* Международные связи субъектов Северо-Кавказского региона Российской Федерации (1991-2006 гг.) : дис. – Северо-кавказский горно-металлургический институт, 2007.
- Марабян К. П.* Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. №. 4 (42). С. 130-138.
- Маркедонов С.М.* Баку: между союзником и партнером [Электронный ресурс]. – URL: <http://politcom.ru/20751.html> (Дата обращения: 21.03.2022),
- Маркедонов С.М.* Грузино-абхазский конфликт: 1992-2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/14358.html> (Дата обращения: 01.01.2022)
- Ованнисян А. Ю.* Позиция США и роль сопредельных государств в этнополитических проблемах современного Ирана: «белуджский фактор» //Тринадцатая годовичная научная конференция. 2019. С. 218-224.
- Панин В. Н., Затонский Ю. И.* Современная политика США на Кавказе //Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. №. 1. С. 58-63.
- Панин В.* Современное состояние геополитического процесса на Кавказе //Россия и мусульманский мир. 2009. №. 4.
- Пестрецов А.Р., Бабиров И.М.* Азербайджано-турецкие отношения: достижения и проблемы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.2017. № 1 (41). С. 104-110.
- Прилуцкий А. В.* Социально-экономические аспекты курдского сепаратизма в современном иране //развитие современного общества: вызовы и возможности. 2021. С. 293-303.
- Юматов К.В., Сивина К.Н.* Азербайджано-турецкое взаимодействие в контексте международных отношений на Южном Кавказе (1992–2020 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 20. № 4. С. 963-971. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-963-971.

REFERENCES

- Areshhev A.G. et al .* South Caucasus in the "Three Seas system": external threats and internal challenges //World economy and international relations. - 2016. – Vol. 60. – No. 10. – pp. 91-106.
- Gadzhiev, K. S.* South Caucasus through the prism of the Second Karabakh war //RUSSIA AND THE NEW STATES of EURASIA Founders: National Research Institute of World Economy and International Relations. EM Primakov RAS. – 2021. – №. 3. – Pp. 126-139.
- Gadzhiev, K. S.* The Caucasian knot in Russia's geopolitical priorities / К. S. Gadzhiev. – М.: Logos, 2010. – p.489, Smagina S.M. The Russian political process in the regional dimension: modernization aspects (XX – early XXI centuries): textbook / Smagina S.M. – Rostov-on-Don: Publishing House SFU, 2011. – p.188
- Kuliyev T. B.* International relations of the subjects of the North Caucasus region of the Russian Federation (1991-2006) : dis. – North Caucasus Mining and Metallurgical Institute, 2007.
- Marabyan K. P.* Features of Turkey's modern policy in the South Caucasus // Eurasian integration: Economics, Law, politics. 2022. №. 4 (42). P. 130-138.
- Markedonov S. M.* Baku: between an ally and a partner [Electronic resource]. URL: <http://politcom.ru/20751.html> (Accessed: 03/21/2022), Markedonov S.M. Georgian-Abkhaz

Велиев Р. Р., Велиев А. Р. Политические процессы на Южном Кавказе: Азербайджан-Иран

conflict: 1992-2012 [Electronic resource]. – URL: <http://politcom.ru/14358.html> (Accessed: 01.01.2022)

Hovhannisyán A. Y. The position of the USA and the role of neighboring states in the ethnopolitical problems of modern Iran: "baloch factor" //The thirteenth annual scientific Conference. 2019. P. 218-224.

Aghazada, M.M. The Second Karabakh War: who is really the winner? //Post-Soviet studies. 2021. Vol. 4. No. 2. P 119-126.

Panin V. N., Zatonsky Yu. I. Modern US policy in the Caucasus //Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. 2006. No. 1. P. 58-63.

Panin V. The current state of the geopolitical process in the Caucasus //Russia and the Muslim World. 2009. no. 4.

Pestretsov A.R., Babirov I.M. Azerbaijani-Turkish relations: achievements and problems // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2017. No. 1 (41). pp. 104-110.

Prilutsky A.V. Socio-economic aspects of kurdish separatism in modern Iran //development of modern society: challenges and opportunities. 2021. PP. 293-303.

Yumatov K.V., Sivina K.N. Azerbaijani-Turkish interaction in the context of international relations in the South Caucasus (1992-2020) // Bulletin of Kemerovo State University. 2020. Vol. 20. No. 4. pp. 963-971. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-963-971.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Велиев Рамиль Рифанович, аспирант
Российского университета дружбы народов
им. П. Лумумбы. Москва, Россия. (E-mail:
veliev-ramil.veliev@yandex.ru)

Велиев Амиль Рифанович, аспирант
Российского университета дружбы народов
им. П. Лумумбы. Москва, Россия. (E-mail:
am.veliev@yandex.ru)

Veliyev Ramil Rifanovich, post-graduate
student of the RUDN University named after P.
Lumumba. Moscow, Russia. (E-mail: veliev-ramil.veliev@yandex.ru)

Veliyev Amil Rifanovich, post-graduate
student of RUDN University named after P.
Lumumba. Moscow, Russia. (E-mail:
am.veliev@yandex.ru)

Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей

А. А. Князев¹, Н. Я. Гулам²

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-8520>; e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности этнополитических процессов в Афганистане после прихода к власти Движения талибов, а также оценивается влияние на эти процессы внешних акторов, прежде всего – стран-соседей. В настоящее время национально-этнический фактор продолжает играть важную роль во внутренней политике Афганистана. Движение талибов, начиная с августа 2021 года установившее монополию на власть в стране, своими действиями с тех пор не раз провоцировало критику зарубежных стран, отказываясь выполнять требования, связанные в т.ч. с формированием инклюзивного правительства. Поскольку афганское общество само по себе лишено этноконфессиональной гомогенности (при том, что почти все его этносы относятся к числу разделенных народов), а институты центральной власти в этом государстве всегда отличались неустойчивостью, этнические общины имеют тенденцию к тяготению к соседним странам (усилившуюся в условиях перманентной гражданской войны), что, в свою очередь, обуславливает их вовлечение в происходящее в Афганистане. В настоящее время представляется весьма актуальным для будущего этой страны и региона в целом вопрос, готовы ли внешние акторы, столкнувшись с дискриминационной политикой талибов по отношению к этническим меньшинствам, представители которых в большинстве своём оказались вытеснены с политической сцены, а также с угрозами безопасности, которыми чревато правление талибов, воздействовать на происходящее в этой стране посредством своих т.н. «проводников». Ответ на этот вопрос будет различаться в зависимости от рассматриваемой страны: к примеру, в то время, как руководство Таджикистана на данный момент принципиально не идёт на прямой контакт с талибскими властями в виду нежелания последних создавать инклюзивное правительство, оказывая при этом поддержку таджикскому антиталибскому движению, Узбекистан и Туркменистан, напротив, стремятся выстроить с талибами конструктивные отношения, не акцентируя внимание на этническом факторе. Так или иначе, поскольку ситуация в этой стране под руководством талибских властей остаётся крайне нестабильной, а также учитывая, что любой конфликт на афганской территории чреват перерастанием в межэтническое противостояние, вовлечение стран-соседей Афганистана в происходящие внутри него процессы в обозримом будущем представляется весьма вероятным.

Ключевые слова: Афганистан, Иран, Пакистан, Центральная Азия, этнополитические процессы, межэтническое взаимодействие, региональная безопасность

Для цитирования: Князев А. А., Гулам Н. Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. Постсоветские исследования. 2023; 4(6):426-436.

The Ethnopolitical Situation in Afghanistan: External Influences and the Involvement of Neighboring Countries

Alexander Al. Knyazev¹, Ninel Ya. Gulam²

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation», Moscow, Russia

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-8520>; e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Abstract. The article examines the specifics of ethno-political processes in Afghanistan under the Taliban and assesses the influence of external actors (primarily neighboring countries) on it. At present the national-ethnic factor continues to play an important role in Afghanistan's domestic politics: the Taliban Movement, which in August 2021 established its monopoly on power the country, has more than once since then drawn foreign criticism, refusing to meet the demands related to the formation of an inclusive government. Since Afghan society lacks ethnic and religious homogeneity and its central government institutions have always been fragile, ethnic communities tend to gravitate towards neighboring countries, which in turn allows for their involvement in Afghanistan. The question of whether external actors facing the Taliban's discriminatory treatment of ethnic minorities, most of which have been marginalized, and the security implications of the Taliban rule are prepared to address the events in Afghanistan through their “proxy groups” is therefore highly relevant for the future of the country and the region as a whole. However, the answer would differ from country to country: for instance, while the Tajikistan government is, as a matter of principle, not in direct contact with the Taliban right now because of its reluctance to form an inclusive government, while supporting the Tajik anti-Taliban movement, Uzbekistan and Turkmenistan are, by contrast, trying to build constructive relations with the Taliban without putting emphasis on the ethnic factor. In any case, since the situation in the country under the Taliban rule remains extremely unstable, and given that any conflict on Afghan territory is fraught with the risk of escalating into inter-ethnic confrontation, the involvement of Afghanistan's neighbors in its internal affairs seems highly likely in the foreseeable future.

Key words: Afghanistan, Iran, Pakistan, Central Asia, ethno-political process, inter-ethnic interaction, regional security

For citation: Alexander Al. Knyazev, Ninel Ya. Gulam. The Ethnopolitical Situation in Afghanistan: External Influences and the Involvement of Neighboring Countries // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):427-436. (In Russ.).

Межэтническая проблематика достаточно широко представлена в исследовательской литературе: об особенностях межэтнического взаимодействия в Афганистане в разное время писали В.В. Басов, М.Р. Арунова, Ю.П. Лалетин, С.М. Акимбеков, В.С. Бойко, Н. Дюпре, Б. Рубин, Л. Гудсон [Басов 2011; Арунова 2010; Лалетин 2008; Акимбеков 2015; Бойко 2016; Dupree 1977; Рубин 2022; Goodson 2001]. Влияние внешних акторов, включая страны Центральной Азии, на события в Афганистане посредством поддержки тех или иных этнополитических сил рассматриваются в работах А.А. Князева, А.А. Казанцева, И.А. Сафранчука [Князев

2004, 2009, 2023; Казанцев 2008; Сафранчук 2017]. Наконец, эволюция государственного устройства Афганистана становилась объектом исследований многих отечественных авторов, в числе которых — Ю.В. Ганковский, Ю.В. Босин, В.Г. Коргун, В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоев, [Ганковский 1958; Босин 2002; Коргун 2004; Белокреницкий, Сикоев 2013] и другие.

Этнополитические процессы в Афганистане на протяжении всей его истории отличались своей сложностью и многогранностью и напрямую сказывались не только на внутренней и внешней политике управлявших страной правительств, но и на политике внешних акторов по отношению к

ней, в особенности стран-соседей. Как известно, население этой страны отличается крайней этнической неоднородностью, поскольку наряду с крупнейшими народностями, населяющими её территорию — пуштунами, таджиками, узбеками, хазарейцами и рядом других, — включает в себя несколько десятков малых этносов, отличающихся друг от друга по расовым признакам, по языку, культуре, религии и образу жизни [Конфликты...2008: 289]. Необходимо упомянуть и другой важный разобщающий фактор — раздробленность внутриплеменную или внутриклановую, региональную, которая наблюдается как среди этнических меньшинств, так и пуштунов, и имеет большую историю [Политические системы... 2007: 452].

Динамика изменений в этнической структуре населения Афганистана на протяжении примерно полутора веков оказалась достаточно высока, но в то же время, этнополитический баланс афганского общества, начинал формироваться на рубеже XIX-XX вв. по модели гегемонистского доминирования (пуштунов) в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции (прежде всего это относится к таджикам), что создавало условия для постепенного преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе модернизации афганского национального государства [Князев 2004: 114]. В ходе событий XX века сама матрица развития афганского общества претерпела ряд качественных изменений, отправной точкой этих изменений в этнической сфере можно, хотя, конечно, и довольно условно, считать гражданскую войну 1928-1929 годов, быстро принявшую межэтнический характер. В этнополитическом плане и образование движения талибов в начале 1990-х гг. может рассматриваться как реваншистский проект пуштунов, ранее доминировавших во властной элите афганского общества, на политический вызов этнических меньшинств. Доминантное положение пуштунов в большинстве сфер жизни афганского общества и дискриминационные шаги по отношению к другим этническим группам способствовали закреплению между

этими двумя «полюсами» отношений взаимного недоверия.

Межэтническая проблематика приобретает особую важность в современных условиях, когда в Афганистане, во-первых, отсутствуют прочные и эффективные государственные институты, и, во-вторых, центральная власть практически никогда не контролирует целиком территорию всей страны [Акимбеков 2015: 769]. Разобщённость афганского населения в условиях перманентной гражданской войны и слабости государственных институтов породила определённые долгосрочные центробежные тенденции, которые выражаются в тяготении некоторых этнических общин к соседним странам, что, в свою очередь, приводит к росту вовлечения соседей Афганистана в его внутренние дела и проходит не без последствий для самой страны. Подобную взаимную вовлечённость можно отметить, например, для хазарейцев-шиитов и Ирана. В целом, не являясь единственно доминирующим противоречием в развитии афганского общества, этнический фактор, в то же время, играл и играет чрезвычайно важную роль, особенно в случаях и в периоды общеполитических кризисов, стимулируемых, в свою очередь, воздействием внешних центров силы.

Внешние обстоятельства, безусловно, сказываются на ситуации в Афганистане, и одним из наиболее важных и поворотных событий, повлёкших за собой кардинальные изменения на афганской политической арене и обусловивших актуальность настоящего исследования, можно считать вывод американских войск из Афганистана в августе 2021 года и последовавший за ним приход к власти движения талибов, которое до этого на протяжении почти двух десятилетий было фактически исключено из формального политического процесса в стране. Теперь движение, по сути, установило в стране свою монополию на власть, когда с политической сцены оказались вытеснены республиканские политики, включая лидеров многих этноконфессиональных общин [Князев 2021: 459].

Такая ситуация, когда этнические меньшинства оказались на периферии политической жизни страны, вызвала негативные реакции не только стран-соседей Афганистана, но ряда других стран, отказавшихся признавать новые власти на официальном уровне до тех пор, пока не будут выполнены выдвинутые международным сообществом условия, в числе которых — формирование инклюзивного правительства. Необходимо оговориться, что само понятие «инклюзивности» в разных странах содержит в себе довольно разные смыслы. Если США и западные страны апеллируют преимущественно к некой пропорциональной представленности в системе государственного управления Афганистана политиков из числа этнических меньшинств, то, например, российская сторона говорит о политической инклюзивности, способной обеспечить устойчивость и эффективность правительства, что не обязательно подразумевает представленность в органах власти всех и вся. Несмотря на оказываемое извне массивное политическое и экономическое давление, талибы до сих пор демонстрировали своё нежелание идти на компромисс с зарубежными партнёрами.

В данной связи представляется весьма актуальным для будущего страны и региона в целом вопрос: каким образом внешние акторы, столкнувшись с отказом талибов идти на уступки и вводить послабления на участие представителей оппозиционных сил в политической жизни Афганистана, могут воздействовать на происходящее в этой стране, например, посредством своих этнополитических прокси. Какой-либо институционализированной оппозиции движению талибов в стране за все время, прошедшее после 15 августа 2021 г., не возникло. Важнейшей характеристикой всех условных «центров сопротивления» движению талибов остаётся имманентный для афганского менталитета вождизм, отсутствие реальных программ для потенциальных групп поддержки среди населения. Какой-либо существенной субъектностью в политической жизни

Афганистана никто из них не обладает. Это относится и к этническим и религиозным группам, чьи реальные интересы не отражены действующими (формальными) политическими лидерами и партиями, дислоцирующимися преимущественно в эмиграции: в Турции, в странах Европы, в США. Правомочность и дееспособность этих этнополитических партий, существовавших до 15 августа 2021 года (как и групп пуштунской элиты, причастной к эксправительству Ашрафа Гани), также является в высокой степени сомнительной. Их интересы очень далеки от потребностей соответствующих этнических и региональных общин, в значительной мере они скомпрометированы своими связями с предыдущими афганскими правительствами, которые в глазах большинства афганцев являются уже символами социально-экономического кризиса, коррупции и отхода от традиционных ценностей. Какое-то объединение и превращение всех этих групп противодействия движению талибов способно стать реальностью исключительно при серьёзной внешней поддержке — не только политико-дипломатической, но и конкретно-материальной.

В настоящее время об этническом составе и балансе населения Афганистана можно судить лишь по примерным оценочным данным, поскольку в стране отсутствует практика систематического проведения всеобщей переписи населения. Попытки исчисления населения для упорядочения налоговых поступлений предпринимались эмиром Абдурахман-ханом, а позже — Хабибулло-ханом. Однако эти данные, будучи опосредованы стремлением правящей пуштунской элиты включить непуштунские народы в состав «единой афганской нации», не могут служить объективным источником для создания этнической картины и прошлого и, тем более, современного Афганистана. Отдельные попытки проведения переписей предпринимались в период правления НДПА, однако, они были достаточно бессистемны и могут дать лишь очень приблизительные цифры. В то же время, имевшие массовый характер миграционные

процессы, начиная с конца 1970-х годов и происходящие до настоящего времени, серьезно деформировали и продолжают менять этническую картину, которая и без того никогда не была статичной. Начиная с 2000-х годов многие международные организации приводили различные оценки этнического баланса населения Афганистана, согласно которым доля пуштунов в нём составляет порядка 40%, таджиков — 25-30%, хазарейцев — примерно 10%, а в оставшиеся 20-25% населения входят узбеки, туркмены, аймаки, белуджи, а также несколько десятков других малых этносов и народностей [Конфликты...2008: 289].

В любом случае, пуштунов, остающихся, согласно различным оценкам, наиболее многочисленной этнической группой Афганистана, принято считать его титульной и государствообразующей нацией [Босин 2002: 54]. Кроме того, как отмечал еще в 1987 г. В.В. Басов, «только пуштуны имеют всестрановый масштаб массового расселения» [Басов 2011: 233], и нет оснований говорить о каком-либо изменении в этом обстоятельстве. Процессы государственного строительства и национальной консолидации во второй половине XIX века в Афганистане, проходившие под началом пуштунской военно-политической элиты и зачастую сопровождавшиеся различными репрессиями в отношении этнических меньшинств, способствовали росту напряженности в сфере межэтнических отношений. Оценивая ситуацию в сфере межнациональных отношений в Афганистане, представляется необходимым сделать и следующий экскурс. В сочинениях главы младоафганского движения Махмуда Тарзи последовательно проводится мысль о том, что понятие «афганская нация» должно включать в себя все народы и народности, населявшие Афганистан. Идея единства, проповедовавшаяся Махмудом Тарзи, во многом основывалась на учении Джамалуддина аль-Афгани, который особо подчеркивал, что «только на основе союза и единства афганский народ поднял знамя независимости» [Имомов 1983: 142-152].

Таким образом, конфессиональный фактор выделялся в приоритет, выходил на первый план, что естественно, основываясь на том, что в исламе с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной. Со времен Арабского халифата «абсолютизация принципа общности людей на основе веры на протяжении последующей истории ислама позволила оправдывать консолидацию этнически разнородных групп населения в пределах одной империи» [Степанянц 1962: 110]. Примат конфессионального над национальным предполагал и примат государственного над этническим. Эти установки были положены в основу национальной политики Аманулло-хана, согласно которой афганская нация должна быть единой и включать в себя все народы и племена, населяющие Афганистан. Каких-то концептуальных изменений во взглядах кабульской правящей элиты на национальный вопрос в последующем не происходило, хотя де-факто пуштунизация усиливалась, государственное превалировало над национальным. По-прежнему исключалась сама постановка вопроса о предоставлении какой-либо формы автономии для любого из пуштунских народов. Такой вариант решения национального вопроса способствовал росту антипуштунских настроений среди национальных меньшинств Афганистана, что толкало их на путь сепаратизма и восстаний и в конце XIX в., и на протяжении XX вв., что, в свою очередь, было естественным отражением характерной для афганского общества неспособности к унитаризму.

Следует отметить, что идеи федеративного устройства Афганистана имеют свою немалую историю. Федерализация Афганистана рассматривалась в свое время еще в советском руководстве — как вариант урегулирования межэтнических, этнополитических проблем и стабилизации ситуации в стране после вывода советских войск. В частности, изучалась возможность создания «в рамках единого Афганистана таджикской автономии на базе районов проживания таджиков с включением в нее

территорий провинций Бадахшан, Тахар, Баглан, части Парван и Каписа», обсуждались вопросы представительства таджиков в высших органах власти страны и формирования Исламским Обществом Афганистана («Джамиати Исломи») «регулярных войск таджикской автономии с включением их в состав ВС РА». Отказ от подобного реформирования Афганистана был связан, в первую очередь, с пониманием очевидной нереальности администрирования по этническим критериям в условиях высокой дисперсности населения в стране. Еще раньше идея федерализации Афганистана не была чужда Хафизулло Амину, мечтавшему о создании в стране по примеру СССР ряда республик: пуштунской, таджикской, белуджской и т.д. [Гай, Снегирев 1991: 195-217; Ляховский 2004: 664].

Фрагментация афганского общества не ограничивается этническими различиями: оно расколото также по религиозным, расовым, племенным (пуштунский этнос, в частности), клановым признакам, а фактическая изолированность жителей одних регионов от других, обусловленная географическими особенностями афганской территории и труднодоступностью отдельных её районов создаёт большое количество барьеров во взаимодействии афганского населения и усугубляет его без того сильную разобщённость, предопределившую в т.ч. слабость институтов центральной власти государства [Goodson 2001: 12].

По утверждению Л. Гудсона, Афганистан «служит ключом к миру и стабильности, экономическому росту и развитию, а также социальным изменениям в регионе, где он расположен», и потому совершенно неудивительно, что практически все его соседи, а также ряд других игроков, участвующих в экономических проектах в регионе, глубоко заинтересованы в том, чтобы иметь те или иные рычаги воздействия на происходящее в этой стране [Goodson 2001: 5]. Среди внешних акторов, имеющих те или иные интересы в Афганистане и поддерживающих как минимум одного «проводника» своих интересов в лице какой-

либо этноконфессиональной группы, он упоминает Россию, Индию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Саудовскую Аравию, а также Турцию, Китай и США [Goodson 2001: 6]. Думается, что этот список подлежит серьезной коррекции, даже абстрагируясь от целого ряда критериев, можно обратиться к этническому. Имея ввиду, что все без исключения этносы Афганистана относятся к категории разделенных народов, именно принцип этничности во многом определяет степень вовлеченности той или иной страны в процессы в Афганистане. В ряде случаев — испытывая и на себе воздействие афганских процессов: последнее наиболее, пожалуй, явно обнаруживается во взаимодействии афганских пуштунов с превосходящими их по численности пуштунами Пакистана. В афганской элите всегда было распространено несогласие с линией прохождения границы («линия Дюранда»), принятой под давлением Британской империи, для Кабула вопрос о прохождении границы между Пакистаном и Афганистаном остался одной из главных внешнеполитических проблем, предопределяя конфликт интересов в отношениях между двумя странами. Для Пакистана эта же проблема остается существенным фактором собственной безопасности, целостности страны, а в дополнение к «пуштунскому вопросу» существует еще и белуджский сепаратизм, причем связи между белуджами Пакистана, Афганистана, а также Ирана имеют вполне системный характер.

«Белуджский вопрос» актуален и для Ирана, дополняясь еще и межконфессиональной проблематикой. Белуджское сепаратистское подполье во многом представляет угрозу безопасности в Иране в силу своих связей на территории не только Пакистана, но и Афганистана. Другая связь носит скорее конфессиональный характер: это поддержка Тегераном афганских шиитов-хазарейцев — с одной стороны, и это серьезная проблема афганских беженцев из числа этих же хазарейцев в самом Иране — с другой. В последние годы добавился и еще один немаловажный аспект: созданная КСИР из

числа афганских хазарейцев, бригада «Фатимиюн» была развернута в Сирии в 2013 году и сражалась вместе с силами Асада против поддерживаемой США сирийской оппозиции, а затем и против ИГИЛ. На пике гражданской войны в Сирии численность бригады «Фатимиюн» составляла около 20 тысяч человек, в 2020 году иранское правительство предлагало тогдашнему правительству в Кабуле задействовать этот контингент для борьбы с «ИГИЛ-Хорасан». В любом случае, этот иранский прокси-ресурс обладает серьезным военным потенциалом, прямо связанным с Исламской Республикой.

Говоря об этнически мотивированной вовлеченности в Афганистане стран Центральной Азии, необходимо отметить важные различия по странам. В 1990-х гг. Узбекистан довольно активно способствовал созданию на афганском участке своих границ буферного образования во главе с этническим узбеком Абдулрашидом Дустумом. Часто встречающаяся информация о какой-то массивированной поддержке Дустуму со стороны Узбекистана не имеет какой-либо документальной основы, во всяком случае, потенциал военной составляющей партии «Джумбеш Милли-е Исломи-е Афғонистон» (Национальное исламское движение Афганистана), зиждился преимущественно на ресурсах, доставшихся Дустуму как от правительства Наджибуллы, так и на военно-технических ресурсах, оставленных в 1989 г. советской стороной при выводе ограниченного контингента войск из Афганистана. Тем не менее, Узбекистаном являлся и важнейшим каналом взаимодействия с внешним миром для Дустума, определенным фактором политической поддержки в ситуации, когда Узбекистан вместе с другим союзными ему странами (в тот период — прежде всего с Россией) максимально дистанцировался от взаимодействия с движением талибов. Эта дистанция имела свои временные пределы: первые контакты на высоком официальном уровне между Ташкентом и руководством талибов относятся к 1999 году. Весь последующий период и в настоящее время Узбекистан в своей афганской политике

опирается на договоренности с действующими правительствами Афганистана, никак не акцентируя в своей политике поддержку афганским узбекам. Более того, начиная с 2017-2018 года Ташкентом был налажен устойчивый диалог и с руководством движения талибов: хотя Узбекистан в этот период и был не готов взять на себя ответственность за комплексное урегулирование в Афганистане, но будучи ближайшим и влиятельным региональным игроком, сделал попытку стать частью масштабного процесса афганского урегулирования. После августа 2021 года Узбекистан одним из первых среди стран-соседей Афганистана наладил деловое взаимодействие с новым правительством в Кабуле и конструктивно решает возникающие проблемы по экономическому сотрудничеству и в сфере безопасности. При этом нет ни малейших признаков того, чтобы узбекская община в Афганистане занимала в афганской политике Ташкента какой-то особый статус, основанный на этнической общности.

Туркмения — единственная из стран-соседей Афганистана, никогда и никаким образом не пытавшаяся в последние десятилетия оказывать какую-либо поддержку антиталибским силам и, тем более, по этническому признаку. Туркменистан имел наиболее конструктивные из всех стран-соседей отношения с движением талибов в период их первого нахождения у власти, никаким образом, не реагируя на положение туркменской общины на сопредельной территории. И это несмотря на то, что значительную часть туркменского населения провинций Афганистана, соприкасающихся с туркменской территорией, составляют потомки туркмен, эмигрировавших туда в 1920-1930-х гг., имеющие родственные связи в Туркмении. Известны неоднократные случаи, когда попытки афганских туркмен, подвергавшихся давлению со стороны талибов и пытавшихся уйти в Туркмению, были жестко пресечены туркменскими силовыми структурами. Как и Узбекистан, Туркмения никак не выделяет афганских туркмен в качестве объекта своего особого

внимания и осуществляет взаимодействие с государственными афганскими органами.

Политическая позиция Таджикистана, принципиально отличается заикленностью на политическом признании правительства «Талибана», совпадая с политикой США и западных стран в целом. Руководство Таджикистана категорично апеллирует к необходимости создания в Афганистане представительного (инклюзивного) правительства. Со стороны РФ, РУз, ИРИ и ряда других стран, занимающих вполне конструктивные позиции, подразумевается, что представленность этнических и других политических групп должна быть основой сбалансированности, стабильности и эффективности правительства, это артикулируется преимущественно в плане рекомендаций. Категоричность, с которой инклюзивность декларируется со стороны Таджикистана, подразумевает обязательную весомую численность в высших органах власти Афганистана прежде всего политиков из таджикского афганского сообщества. Практическая поддержка, которая оказывается в Таджикистане афганским таджикским антиталибским группировкам, содержит в себе как потенциал эскалации внутриафганского конфликта, так и потенциал межгосударственного конфликта между Таджикистаном и Афганистаном и, таким образом, имеет значение для сферы безопасности всего региона.

В данной связи представляется целесообразным рассмотреть некоторые факторы, мотивирующие внешних игроков к вмешательству в события в Афганистане в настоящее время.

Фактор региональной безопасности — пожалуй, наиболее очевиден: как отмечает О. Нессар, нестабильная обстановка в Афганистане рассматривается его соседями в первую очередь через призму угроз для их

собственной безопасности,¹ включая и проблему незаконного производства и распространения наркотических веществ. Впрочем, нужно отметить, что в самое новейшее время, после 21 августа 2021 года, заметно меняется подход Узбекистана: приоритетным становится взгляд на Афганистан не столько как на источник угроз безопасности, сколько как на потенциальное пространство взаимосвязанности Центральной и Южной Азии [Князев 2023]. Хотя за период нынешнего нахождения талибов у власти в стране зафиксировано снижение интенсивности боевых действий, уровень насилия всё равно остаётся весьма высоким, что во многом связано с деятельностью международных террористических организаций, ведущих борьбу против талибов (прежде всего, речь идёт об «ИГИЛ-Хорасан»²). При этом в оценках взаимодействия движения талибов с существующими террористическими группировками очень часто присутствует упрощенный стереотипный подход политиков, военных, экспертов, считающих их частями некой глобальной террористической сети, прямо и тесно связанными между собой. Этот подход можно охарактеризовать и как во многом инерционный и не учитывающий происходящих изменений как в самих этих организациях и движениях, так и в сфере международного терроризма в целом. Понятно, что такого рода стереотипы для большинства экспертных оценок являются ограничителем, не позволяющим получить какое-то близкое к объективному представлению о рассматриваемых объекте и предмете. И, конечно, в оценке вероятности эскалации военного конфликта в стране ту же группировку «ИГИЛ-Хорасан»³ нужно рассматривать как структуру, содержащую наибольший потенциал террористической

¹ Нессар, О. Современный Афганистан: факторы нестабильности / О. Нессар. — Текст: электронный // Афганистан.Ру: [сайт]. — URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html> (дата обращения: 20.03.2023).

² Организация, включенная в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в

соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

³ Организация, включенная в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

угрозы. Но при этом необходимо и понимать, что ее расхождения с движением талибов существуют во многих аспектах, имеющих базовое, принципиальное значение. Большинство экспертов сходятся во мнении, что само движение талибов не представляет непосредственной военной угрозы для стран Центральной Азии¹, хотя это не исключает угроз от ряда международных террористических групп, базирующихся на слабо контролируемой правительством талибов территории.

Геоэкономический и ресурсный фактор привлекает к себе внимание крупных иностранных и транснациональных компаний, специализирующихся на добыче и транспортировке природных ресурсов (и, в частности, энергоносителей): страна не только чрезвычайно богата полезными ископаемыми, но и обладает высочайшим транзитным потенциалом. Известны такие проекты как газопровод ТАПИ, железная дорога Туркмения-Афганистан-Таджикистан, Трансафганская железная дорога, CASA-1000 и другие.

Однако в современной ситуации и вопросы безопасности, и перспективы реализации разнообразных проектов, включая транспортные и энергетические, трансграничные проекты главным является геополитический фактор, со времени образования афганского государства оказывающий на его развитие зачастую решающее воздействие.

После вывода войск из Афганистана и частичной/временной потери стратегической

инициативы во влиянии на ситуацию в стране одной из важных стратегических линий США является фрагментация политического пространства в Афганистане. В плоскости текущей практической политики это означает в высокой степени вероятную, явную и неявную, поддержку со стороны США любых центробежных тенденций и практических действий, осуществляемых (или потенциальных) различными политическими силами в Афганистане. Среди которых этнически организованные группировки могут оказаться в наибольшей мере расположенными к такому сотрудничеству и подкреплённой материальной и политической поддержкой западных стран активности по эскалации военного конфликта в Афганистане.

Афганское и связанное с Афганистаном региональное конфликтное пространство имеет многослойную, многоуровневую структуру, в этом процессе переплетаются, оказывая влияние друг на друга, противоречия исторического и геополитического, геоэкономического и коммуникационного, цивилизационного и культурно-религиозного, во многих случаях — антагонистического, характера. И этнические взаимосвязи занимают в этих процессах одно из важнейших мест. В случае осуществления такого сценария вероятность вовлечения в него стран-соседей Афганистана представляется весьма высокой, и в том числе — в этническом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимбеков С.М.* История Афганистана / С.М. Акимбеков. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — 848 с.
- Арунова М.Р., Лалетин Ю.П.* Очерки средневековой и новой истории Афганистана / Отв. ред. В.Г. Коргун. М.: РУДН, 2010. — 264 с.
- Басов В.В.* О национальном вопросе в Афганистане // В.В. Басов. Национальное и племенное в Афганистане. К пониманию невоенных истоков афганского кризиса. Сборник статей. — М.: НИЦ ФСКН России, 2011. — 353 с.
- Босин Ю.В.* Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте/ Ю.В. Босин. — Текст: непосредственный // М.: Издательство «Гуманитарий» Академия гуманитарных исследований, 2002. — 232 с.
- Гай Д., Снегирев В.* Вторжение // Знамя. — М., 1991. — № 3. — С. 195-217.

¹ Движение талибов не представляет угрозы Центральной Азии, заявили в МИД. — Текст: электронный // РИА новости: [сайт]. — URL:

<https://ria.ru/20220614/taliby-1795269104.html> (дата обращения: 26.03.2023).

- Ганковский Ю.В. Держава Дуррани. Очерки административной и военной системы. — Москва: Издательство восточной литературы, 1958. — 173 с.
- Имомов Ш. Некоторые черты мировоззрения Джамалуддина Афгани и общественная мысль Афганистана в начале XX в. // Ближний и Средний Восток: экономика и история. — М., 1983. — С. 142-152.
- Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия // М.: МГИМО-Университет, 2008. — 382 с.
- Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст// Постсоветские исследования. 2023;3(6):266-280.
- Князев А.А. Афганские события весны-лета 2021 года и обновление региональной безопасности / А. А. Князев. // Постсоветские исследования. 2021. № 6. С. 456-469.
- Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — 640 с.
- Князев А.А. История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. / А.А. Князев. - Изд-во КРСУ. - Изд-е 2-е, переработ. и доп. - Бишкек, 2002. — 136 с.
- Князев А.А. Талибы возвращаются / А. А. Князев. — Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. —М., 2009. — Том 7. № 1 (19). — С. 134-140.
- Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 512 с.
- Лалетин Ю.П. Межэтническое взаимодействие в Афганистане / Ю.П. Лалетин // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / Отв. ред. А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. — М.: Аспект пресс, 2008. — С. 289-314.
- Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана // А.А. Ляховский. Ярославль: НОРД, 2004. 800 с.
- Нессар О. Современный Афганистан: факторы нестабильности / О. Нессар. — Текст: электронный // Афганистан.Ру: [сайт]. — URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html>
- Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. — 2-е изд. перераб. и доп.— М: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 829 с.
- Рубин Б. Афганистан. Что о нем нужно знать каждому / Рубин Барнетт, Дэвид Мэнсфилд, Нематулла Бижан, Антонио Джустоцци; [пер. с англ. М. Тарасов]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 391 с.
- Сафранчук И.А. Децентрализация Афганистана и «Новый Северный Альянс» / И.А.Сафранчук // Россия и мусульманский мир. — 2017. — №5. — С. 71-79.
- Степаняну М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX вв. М., 1962.
- Dupree N. An Historical Guide to Afghanistan / N. Dupree. — Afghan Air Authority, Afghan Tourist Organization, 1977. — 492 p.
- Goodson L. Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban / Larry P. Goodson. — University of Washington Press; 1st edition (October 1, 2001). — 279 p.

REFERENCES

- Akimbekov S.M. Istoriya Afganistana / S.M. Akimbekov. — Astana — Almaty: IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta, 2015. — 848 s.
- Arunova M.R., Laletin U.P. Ocherki srednevekovoj i novoj istorii Afganistana / Отв. ред. V.G. Korgun. М.: RUDN, 2010. — 264 s.
- Basov V.V. O nacional'nom voprose v Afganistane // V.V. Basov. Nacional'noe i plemennoe v Afganistane. K ponimaniyu nevoennyh istokov afganskogo krizisa. Sbornik statej. — М.: NIC FSKN Rossii, 2011. — 353 s.
- Bosin U.V. Afganistan: Polietnicheskoe obshchestvo i gosudarstvennaya vlast' v istoricheskom kontekste/ YU.V. Bosin. — Текст: neposredstvennyj // М.: Izdatel'stvo «Gumanitarij» Akademiya gumanitarnyh issledovanij, 2002. — 232 s.

- Dupree N.* An Historical Guide to Afghanistan / N. Dupree. — Afghan Air Authority, Afghan Tourist Organization, 1977. — 492 p.
- Gaj D., Snegirev V.* Vtorzhenie // Znamya. — M., 1991. — № 3. — S. 195-217.
- Gankovskij U.V.* Derzhava Durrani. Ocherki administrativnoj i voennoj sistemy. — Moskva: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958. — 173 s.
- Goodson L.* Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban / Larry P. Goodson. — University of Washington Press; 1st edition (October 1, 2001). — 279 p.
- Imomov Sh.* Nekotorye cherty mirovozzreniya Dzhamaaluddina Afgani i obshchestvennaya mysl' Afganistana v nachale HKH v. // Blizhnij i Srednij Vostok: ekonomika i istoriya. — M., 1983. — S. 142-152.
- Kazantsev A. A.* «Bol'shaya igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaya politika i Central'naya Aziya // M.: MGIMO-Universitet, 2008. — 382 s.
- Knyazev A.A.* Afganskaya politika Uzbekistana: sravnitel'nyj kontekst// Postsovetskie issledovaniya. 2023;3(6):266-280.
- Knyazev A.A.* Afganskije sobytiya vesny-leta 2021 goda i obnovlenie regional'noj bezopasnosti / A. A. Knyazev. // Postsovetskie issledovaniya. — 2021. — № 6. — S. 456-469.
- Knyazev A.A.* Afganskij krizis i bezopasnost' Central'noj Azii (XIX — nachalo XXI v.). — Dushanbe: Donish, 2004. — 640 s.
- Knyazev A.A.* Istoriya Afganskoj vojny 1990-h gg. i prevrashchenie Afganistana v istochnik ugroz dlya Central'noj Azii. / A.A. Knyazev. - Izd-vo KRSU. - Izd-e 2-e, pererabot. i dop. - Bishkek, 2002. — 136 s.
- Knyazev A.A.* Taliby vozvrashchayutsya / A. A. Knyazev. — Mezhdunarodnye processy. ZHurnal teorii mezhdunarodnyh otnoshenij i mirovoj politiki. 2009. Tom 7. № 1 (19). S. 134-140.
- Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye / pod red. A.D. Voskresenskogo. — M.: Aspekt Press, 2008. — 512 s.*
- Laletin U.P.* Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie v Afganistane / YU.P. Laletin // Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye / Otv. red. A.D. Voskresenskij; MGIMO (U) MID Rossii. — M.: Aspekt press, 2008. — S. 289-314.
- Lyahovskij A. A.* Tragediya i doblest' Afgana // A.A. Lyahovskij. Y Aroslavl': NORD, 2004. 800 c.
- Nessar O.* Sovremennyy Afganistan: faktory nestabil'nosti / O. Nessar. — Tekst: elektronnyj // Afganistan.Ru: [sajt]. — URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html>
- Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka / pod red. professora A.D. Voskresenskogo. — 2-e izd. pererab. i dop.— M: ACT: Vostok—Zapad, 2007. — 829 s.*
- Rubin B.* Afganistan. CHto o nem nuzhno znat' kazhdomu / Rubin Barnett, Devid Mensfeld, Nematulla Bizhan, Antonio Dzhustocci; [per. s angl. M. Tarasov]. — SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2022. — 391 c.
- Safranchuk I.A.* Decentralizaciya Afganistana i «Novyj Severnyj Al'yans» / I.A.Safranchuk // Rossiya i musul'manskij mir. — 2017. — №5. — S. 71-79.
- Stepanyanc M.T.* Musul'manskije koncepcii v filosofii i politike XIX-XX vv. — M., 1962. — 248 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александр Алексеевич Князев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института международных отношений МГИМО МИД России; профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Москва, Санкт-Петербург, Россия. (Email: a.knyazev@inno.mgimo.ru)

Гулам Нинэль Яхьевна, магистр в области «Международных отношений», МГИМО. Москва, Россия. (E-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru)

Alexander Al. Knyazev, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of International Relations, MGIMO, MFA of Russia; professor, St. Petersburg State University. Moscow, St. Petersburg, Russia. (E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru)

Ninel Ya. Gulam, master's in international Relations Department of MGIMO University. Moscow, Russia. (E-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru)

Деятельность религиозного движения «Таблиги Джамаат»¹ в Кыргызстане

К. Х. Рахимов

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
Центр исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Д. Р. Супотаева

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия.
E-mail: supataeva01@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы проводят анализ деятельности религиозной организации «Таблиги Джамаат». В статье также рассматривается роль и влияние данной организации в Кыргызстане и в других странах СНГ. Мало кто раньше слышал о «Таблиги Джамаат» - обществе по распространению веры несмотря на то, что это крупнейшее международное религиозное движение современности возникло еще в 20-годы прошлого века и за небольшой по историческим меркам срок смогло завоевать огромную популярность в мире. О нем ничего не было известно, поскольку его члены не афишировали деятельность своей организации и категорически отказывались от общения с прессой. Это позволило добиться того, чтобы не вызывать подозрений у правительств и восприниматься, как чисто политическое объединение. Хотя главной своей миссией это движение провозгласило распространение ислама и обращение к мусульманам вне зависимости от их социального и экономического статуса, оживляя религию в среде народов, традиционно исповедующих ислам. Но после трагических событий 11 сентября 2001 г. в США и начавшейся затем в мире антитеррористической кампании на страницах газет, журналов все чаще стали упоминать о Таблиги Джамаате в связи с расследованиями многочисленных актов терроризма, совершенных исламскими экстремистами в разных странах мира. В настоящее время движение распространилось практически по всему миру. Его представители работают в 150 странах мира. По некоторым оценкам, число последователей движения колеблется от 70 до 80 млн. человек. С начала 90-х годов группы миссионеров «Таблиги Джамаат» стали активно посещать республику Кыргызстан и вести пропагандистскую деятельность. Религиозная пропаганда велась на севере Кыргызстана, считающемся менее религиозным по сравнению с южной частью страны. Постепенно деятельность организации распространилась на все регионы Кыргызстана. Первые проповедники были исключительно иностранцами, прибывшими из Шри-Ланки, Пакистана, Индии. Таким образом, главной целью миссионеров было ознакомление широких слоев местного населения с основами ислама; их сопровождали местные переводчики, так как проповеди велись исключительно на английском и арабском языках. Таким образом, к настоящему времени республика Кыргызстан стала одним из крупных центров Таблиги Джамаат, где, в частности, печатается религиозная литература для распространения в других районах. Численность движения составляет 20-25 тысяч человек, в основном сельская молодежь.

Ключевые слова: Таблиги Джамаат, Кыргызстан, Индия, Казахстан, Таджикистан, Российская Федерация, Пакистан, Центральная Азия.

Для цитирования: Рахимов К. Х., Супотаева Д. Р. Деятельность религиозного движения «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане // Постсоветские исследования. 2023;4(6):437-444.

¹ В 2009 г. Верховный суд Российской Федерации признал экстремистской и запретил деятельность международной религиозной организации на территории России

Religious movement activity Tablighi Jamaat in Kyrgyzstan

Komron Kh. Rakhimov

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

Post-Soviet Countries Research Center (CISC), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Diana R. Supotaeva

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

E-mail: supotaeva01@mail.ru

Abstract. In this article, the authors analyze the activities of the religious organization Tablighi Jamaat. The article also examines the role and influence of this organization in Kyrgyzstan and other CIS countries. Few have heard of Tablighi Jamaat before, a society for the spread of faith, despite the fact that this largest international religious movement of our time arose back in the 20s of the last centuries and, in a short historical period, was able to gain immense popularity in the world. Nothing was known about him, since his members did not advertise the activities of their organization and categorically refused to communicate with the press. This made it possible not to arouse the suspicion of governments and to be perceived as a purely political association. Although this movement proclaimed its main mission to spread Islam and appeal to Muslims, regardless of their social and economic status, reviving religion among peoples who traditionally profess Islam. But after the tragic events of September 11, 2001 in the United States and the antiterrorist campaign that then began in the world, newspapers and magazines increasingly began to mention Tablighi Jamaat in connection with the investigations of numerous acts of terrorism committed by Islamic extremists in different countries of the world. The movement has now spread all over the world. Its representatives work in 150 countries of the world. According to some estimates, the number of followers of the movement ranges from 70 to 80 million people. Since the beginning of the 1990s, groups of Tablighi Jamaat missionaries began to actively visit the Republic of Kyrgyzstan and conduct propaganda activities. Religious propaganda was carried out in the north of Kyrgyzstan, which is considered less religious compared to the southern part of the country. Gradually, the activities of the organization spread to all regions of Kyrgyzstan. The first preachers were exclusively foreigners who came from Sri Lanka, Pakistan, India. Thus, the main goal of the missionaries was to familiarize the general population with the basics of Islam; they were accompanied by local interpreters, as the sermons were delivered exclusively in English and Arabic. Thus, by now the Republic of Kyrgyzstan has become one of the major centers of Tablighi Jamaat, where, in particular, religious literature is printed for distribution in other regions. The number of the movement is 20-25 thousand people, mostly rural youth.

Key words: Tablighi Jamaat, Kyrgyzstan, India, Kazakhstan, Tajikistan, Russian Federation, Pakistan, Central Asia.

For citation: Komron Kh. Rakhimov., Diana R. Supotaeva. Religious movement activity Tablighi Jamaat in Kyrgyzstan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):427-444 (In Russ.)

Религиозное движение «Таблиги Джамаат» на сегодняшний день является предметом лишь небольшого числа научных исследований. Однако в долгосрочном плане влияние данного движения на религиозно-политическую ситуацию в мире нельзя недооценивать. «Таблиги Джамаат» использует очень эффективные методы проповеднической деятельности, благодаря чему число сторонников движения

неуклонно растет. Демократическая система управления и простой язык проповедей привлекают в организацию все слои населения. Движение демонстративно отказывается от участия в политике, но есть основания полагать, что стратегические цели его деятельности связаны именно с политикой и властью. Активную деятельность движение развернуло на территории государств Центральной Азии,

исламизация населения которых может затронуть и интересы России. Особого внимания требуют указания многих исследователей на связи «Таблиги Джамаат» с международным терроризмом. Связи эти не столь явные, но стремление радикальных структур воспользоваться возможностями проповеднической сети «Таблиги Джамаат» в своих интересах очевидно.

После обретения независимости Кыргызстан распахнул двери всему миру. Объявив его «общим домом», он начал активно продвигать эту национальную идеологию. Но вместе с прогрессивными взглядами, технологическими достижениями в страну начали проникать и различные религиозные идеологии. Некоторые из них существенно отличались от традиционного ислама, которого придерживались наши предки.

Если говорить об идеологических основах движения, то они состоят в следующем:

1. «Калимах» – вера в то, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед – пророк его.

2. «Салаят» – пять ежедневных молитв, необходимых для духовного возвышения над миром греха и спасения от соблазнов материального мира.

3. «Илм» и «Зикр» – память об Аллахе, поддерживаемая через собрания, на которых верующие слушают проповеди, возносят молитвы, цитируют Коран и читают хадисы.

4. «Икрам-и-Муслим» – уважительное отношение ко всем братьям мусульманам, независимо от мазхабов.

5. «Иклас-и-Ният» – изменение своей жизни с молитвами к Аллаху и путем совершения всех своих поступков ради Аллаха.

6. «Тафрик-и-Вакт» – жизнь на принципах веры и добра, согласно заповедям Пророка, и распространение его учения от двери к двери [Burki 2013:99].

Как показали последние исследования, 86 процентов жителей страны считают себя мусульманами, но в это же время в Кыргызстане насчитывается много разных исламских течений. Одним из более или

менее крупных является движение «Таблиг Джамаат».

Джамаат Таблиг (далее - ДТ) (урду: تبلیغی جماعت, араб. جماعة التبليغ) - запрещенное в Российской Федерации (далее – РФ) и ряде других стран религиозное движение, организованное в 1926 г. в Индии Мауланой Мухаммадом Ильясом. Главной целью движения считается духовное преобразование в исламе посредством работы участников на уровне широких масс людей и обращения к мусульманам вне зависимости от их социального и экономического статуса с целью приблизить их к религиозной практике ислама, указанной пророком Мухаммадом [Егоров 2016:7].

В 1926 г. в провинции Индии, Мевате, исламский богослов деобандийского направления Маулана Мухаммад Ильяс основал ДТ, позиционируя его как добровольное, пацифистское и независимое исламское движение [Косач 2017:646].

Организованное в Дели, движение получило широкое распространение почти в 150 странах мира, и по средним оценкам насчитывает около 70-80 млн последователей.

Противники движения рассматривают его как международную закрытую организацию, координирующую радикальных суннитских экстремистов.

В 2006 г. в Таджикистане движение ДТ было признано экстремистским, и его деятельность была официально запрещена. В 2009 г. Верховный суд России признал экстремистской и запретил деятельность ДТ на территории России¹.

В 2009 г. Совет безопасности Кыргызстана рекомендовал Верховному суду республики рассмотреть вопрос о запрете на территории Кыргызстана религиозной организации ДТ. В совете безопасности считают, что данная организация опасна и несет угрозу национальной безопасности.

26 февраля 2013 г. решением Сарыаркинского районного суда Астаны вынесено решение о запрете деятельности

¹ ВС РФ признал экстремистской религиозную организацию «Таблиги Джамаат» // Агенство «Риа-Новости» (5 июля 2009).

организации «Таблиги джамаат» в Казахстане.

В парламенте Кыргызстана 6 созыва обсуждался вопрос о «Таблиги джамаат», где были высказаны разные мнения об этой религиозной организации. Представитель ГКНБ заявил, что она не представляет угрозы для страны. Но почему в Казахстане и России эта организация запрещена? Каково влияние «Таблиги Джамаата» в Пакистане¹.

Вопрос о «Таблиги Джамаате» поднимается в парламенте не впервые. Он рассматривался в рамках дискуссии вокруг ратификации Конвенции ШОС о противодействии экстремизму.

В нашем случае «Таблиги джамаат» поддерживает исключительно традиции благотворительности. С научной точки зрения, благотворительность не несет угрозы джихада. Да, есть определенная критика по поводу того, как они одеваются, выглядят и проповедуют. Но некоторых экспертов беспокоит связь движения «Таблиги Джамаат» с такими нестабильными и бедными государствами, как Пакистан и Бангладеш, где нет особого контроля над религиозной ситуацией. Они опасаются, что центры «Таблиги Джамаат» в этих странах могут принять решения, идущие вразрез с интересами государства. Например, в Казахстане, при запрете деятельности этой организации во внимание принималось именно это обстоятельство².

Ежегодно десятки проповедников из Кыргызстана совершают даават в Пакистан, Индию и Бангладеш, участвуют там в ежегодных собраниях. Кроме того, десятки детей из Кыргызстана уехали учиться в специальные центры и медресе «Таблиги Джамаат» в этом государстве. Эксперт Канатбек Мурзахалилов, исследовавший деятельность этой организации, остановился на следующих моментах:

- Если говорить, как человек, написавший книгу об этой организации, то в отличие от других движений «Таблиги Джамаат» не призывает изменить общественный строй или строить халифат. И на самом деле машфара (собрания) этой организации проводятся ежегодно 15 октября в Бангладеш и Пакистане, в них участвуют около миллиона человек. Принимаемые там решения распространяются сторонникам и защитникам «Таблиги Джамаата» по всему миру. Но эти решения и требования лидеров дааватистов на местах подгоняют под наши законы и менталитет. Потому что лидеры «Таблиги Джамаата» в Кыргызстане занимают руководящие должности в Духовном управлении мусульман Кыргызстана и его региональных отделениях [Мурзахалилов, Арынов: 101].

Одним из основных требований «Таблиги Джамаат» является то, что последователь движения должен раз в месяц совершить трехдневный даават, раз в год - 40-дневный и раз в жизни - 4-месячный. Кроме того, есть еще шесть требований организации. Это, во-первых, вера в единобожие, произношение келме. Второе – чтение намаза, третье обязывает получать исламское образование и часто вспоминать бога. Четвертое требование называется икром муслим – это означает уважение к другим мусульманам. Пятое обязывает прилежно выполнять богоугодные дела. Но шестое требование – это даават. То есть участие в исламской агитации. Дааватисты обходят улицы и зазывают мусульман в мечети.

Согласно предположениям аналитика Канатбека Мурзахалилова, по Кыргызстану можно насчитать до 20 тысяч последователей «Таблиги Джамаата» в возрасте от 18 до 70 лет. [Мурзахалилов, Арынов: 107]

¹ «Таблиги джамаат» запрещён в России // Агентство «IslamNews», 08.05.2009. // [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://islamnews.ru/news-quot-tablig-dzhamaat-quot-zapreshhen-v-rossii> (дата обращения 06.06.2022).

² Интервью с директором пакистанского Института исследования мира - Мухаммад Амир Рана, 2019 год.

// Агентство «Азаттык» [Электронный ресурс]. / Режим доступа: URL:

<https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstanreligion-islam/29501707.html> (дата обращения 15.05.2020).

Среди теологов в мире нет однозначного мнения по поводу «Таблиги Джамаат». Некоторые теологи говорят о том, что они используют не самые строгие хадисы, предпочтение отдают получению образования нежели проведению даавата [Чотаев, Турсунбеков и др. 2015:90].

В Центральной Азии Кыргызстан - единственная страна, где не запрещена деятельность «Таблиги Джамаат». Возможно, поэтому страну воспринимают как центр религиозной организации на пространстве СНГ. Потому что есть и те, кто специально приезжает в Кыргызстан из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и России для совершения даавата. В то же время десятки кыргызстанских дааватчи были осуждены в России и Казахстане. Министерство внутренних дел ранее предупреждало мигрантов о том, что в поездки в Россию не стоит брать литературу «Таблиги Джамаата», потому что там эта организация запрещена¹.

Духовное управление мусульман Кыргызстана официально поддерживает «Таблиги Джамаат». Власти Кыргызстана и ДУМК отмечают, что движение дааватчи на территории Центральной Азии и Кыргызстана формировалось несколько веков, стало традиционным и вносит свой вклад в распространение ханафитского мазхаба, который осуждает насилие и призывает к терпению.

Отношение теологов к «Таблиги джамаат» неоднозначное. Одни считают, что движение далеко от политики и никакой угрозы государственному устройству не несет. Они считают ошибочным называть «Таблиги джамаат» экстремистской или террористической организацией. Другие уверены в том, что движение формирует у молодежи радикальные взгляды.

Но ОДКБ и ШОС признали «Таблиги джамаат» экстремистской организацией. По словам Мурзахалилова, при реализации соглашений ОДКБ и ШОС в будущем Кыргызстан может столкнуться с серьезными препонами [Мурзахалилов, Арынов: 110].

Если посмотреть на политику Кыргызстана в отношении Таблиги Джамаат, мы можем говорить, что, с одной стороны, нет запрета и они продолжают свободно проводить свою миссионерскую деятельность, но с другой стороны – есть очень бдительный контроль со стороны государства. То они запрещают их некоторые практики, например, недавно запретили «Гашт» (метод, когда приверженцы группы ходят по улицам и стучатся в каждую дверь, чтобы пригласить мужчин в мечеть послушать «баян» (информацию об исламе). Другими примерами могут служить то, что их заставляют менять пакистанскую одежду на местную, кыргызскую, или для проведения даавата требуют от них справки с места жительства или разрешения от супруги.

Международный терроризм с его религиозно-экстремистской составляющей, безусловно, одна из этих проблем.

Зерно упало на "плодородную" почву и теперь представителей "Таблиги" можно встретить даже в самых отдаленных уголках Кыргызстана. Миссионеры с религиозными талмудами в буквальном смысле терроризируют местное население: преследуют на улицах, напрашиваются в дома. Люди все чаще игнорируют и откровенно избегают такого общения. Впрочем, не всем удается сдержать натиск "богословов": сотни новобранцев ежегодно отправляются за "дополнительным образованием" в таблиговские медресе Индии и Пакистана.

И, естественно, Москву не может не беспокоить перспектива превращения Кыргызстана во второй Афганистан или Таджикистан 1990-х гг. До сих пор, несмотря на запрет этого движения в РФ, ФСБ продолжает фиксировать факты вербовки его членов на своей территории. И угроза сохраняется. Поражает то, как ловко террористические ячейки действуют в кризисных ситуациях. Даже пандемию и ту используют в своих целях. По словам главы Контртеррористического управления ООН Владимира Воронкова, в условиях пандемии

¹ Чем занимается «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане? 23.04.2018 // Публикация редакции «CABAR.asia» Электронный ресурс. / Режим доступа: URL:

<https://cabar.asia/ru/chem-zanimaetsya-tabligi-dzhamaat-v-kyrgyzstane> (дата обращения 25.05.2022).

коронавируса активность исламских террористов только возросла. По его словам, боевики уже сейчас рассматривают коронавирус в качестве биологического оружия, отметив, что некоторые экстремистские группы открыто призывали использовать вирус в качестве средства нападения. Идея преднамеренного заражения уже довольно активно используется радикальными элементами, которые призывают заболевших единомышленников "посетить местную мечеть, церковь или синагогу, или погулять в мигрантском районе», - отмечает эксперт.

Безусловно, нестабильная экономическая, политическая и социальная ситуация в Кыргызстане дополнительно способствовала не только подъёму радикализма в стране, но еще и добавила масштаб угрозе экспорта террористических идей в соседние страны. Международный опыт показывает, что «таблиговская» интерпретация ислама крайне губительна и разрушительна для любого светского общества. У человека, вовлеченного в эту деятельность, довольно быстро меняется самосознание, и, становясь более радикальным и нетерпимым по отношению к другим религиозным течениям, он в итоге становится противником традиционного ислама. Видя всё это и понимая, к каким последствиям это может привести, сложно сказать, что помешало официальному Бишкеку последовать примеру России, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, запретить деятельность этой секты. Конечно, за время бездействия власти, отсутствия реформ и внятной стратегии, направленной на улучшение жизни простого человека, ислам, причем радикальный, всё чаще становится единственным спасением для многих жителей Кыргызстана. По мнению многих экспертов, именно в этом и кроется главная причина нарастания и распространения угрозы терроризма.

Россия протягивает руку помощи Кыргызстану, как по линиям сотрудничества в рамках ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, так и напрямую.

В кыргызстанском сегменте социальных сетей все чаще можно встретить публикации

о росте активности «таблигов», даже в условиях пандемии. А направление молодых людей на учебу в медресе Пакистана и Индии, которыми руководят лидеры «Таблиги Джамаат», не только не прекращено, но и поощряется.

По убеждению известного историка и востоковеда Александра Князева, «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане «действует вполне легально и даже под эгидой официального муфтията, имея политическую поддержку самого высокого уровня». В этой связи в экспертном сообществе все чаще задают вопрос – как можно снизить риски проникновения радикального влияния в страны Центральной Азии, и есть ли вообще такие меры? [Абрамов, Федорченко, Курылев 2017:744].

Насколько можно полагать, основных способов существенно снизить риски пагубного влияния со стороны «Таблиги Джамаат» - два. Первое и главное – качественная подготовка молодых религиозных деятелей в отечественных исламских учебных заведениях, просвещение и пропаганда богословского наследия, способного удовлетворить духовное развитие мусульман без участия сомнительных и зачастую вредоносных проповедников.

История ислама знает положительный опыт ряда стран, в частности в Турции, где радикальные и террористические движения не могут укорениться и оказывать заметное влияние на мусульман – в первую очередь за счет глубоких традиций миролюбивого традиционного ислама.

Второе и тоже важное. В самом Кыргызстане отсутствуют факты и тенденции притеснения традиционного ислама. Население республики не испытывает никакого давления в соблюдении религиозных обрядов, нет запретов на посещение мечетей и намазов.

Таким образом, во всех странах Центральной Азии, в России деятельность «Таблиги Джамаат» признана экстремистской и официально находится под запретом. Только в Кыргызстане организация не запрещена, и её члены ведут свою деятельность открыто.

Движение «Таблиги Джамаат» следует запретить в законодательном порядке, исходя из вышеперечисленных фактов и убеждений экспертов России и экспертов постсоветских стран Центральной Азии, в

том числе экспертов Кыргызстана. Запрет на деятельность «таблигов» не будет зависеть от наличия или отсутствия официальной регистрации «Таблиги Джамаат».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курылев К.П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738-748.

Абдылдаева С.Н., Акаева А., Мырзабаева А.Т. Проблема терроризма в Кыргызской Республике // Постсоветские исследования. Т.3. № 6 (2020). С. 487-495.

Бабаин А. Проблема радикального ислама в Центральной Азии // Современное право, 2014. № 6. С. 97-102.

Булкин В.В., Моисеенко К.С. Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. Т.3. № 6 (2020). С.479-486.

Burki S. K. The Tablighi Jama'at: Proselytizing Missionaries or Trojan Horse? // Journal of Applied Security Research. – 2013. – Vol.8. – Issue 1. P. 98-117.

Егоров Е. Н. Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 5–16.

Искандарзода Б.Д. Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 1. С. 30-38.

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутренние истоки терроризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 639-654.

Маликов К. Мусулман жамааттар менен иш алып баруу боюнча теориялык жана практикалык негиздер. – Бишкек, 2013. С. 69-71.

Мамаюсунов О., Мурзахалилов К., Маматалиев К. Краткий анализ религиозных систем Кыргызстана. Бишкек, 2006. С.-172.

Мурзахалилов К., Арынов М. Движение «Таблиги Джамаат в Кыргызстане: Особенности деятельности и возможные последствия для развития религиозной ситуации в республике.» // Центральная Азия и Кавказ. Том 13. Выпуск 3, 2010. С. 189-190.

Рахимов К.Х. Шанхайская организация сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) // Постсоветские исследования. 2020. – Том 3. №2. С.124-135.

Сулейманов Р. Р. Религиозное влияние Пакистана на мусульман Татарстана в постсоветский период: на примере деятельности «Джамаата Таблиг» // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 29 ноября 2012 года / ред. И. М. Эрлихсон, Ю. И. Лосева; Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. – Рязань, 2012. – С. 74-79.

Сафарова Г.Ф. Эволюция исламского экстремизма в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2018. – Т.1. - №6. – С. 600-615.

Чотаев З.Д., Турсунбеков З.А., Жумакунов Э.М., Сманова Н.Т., Гайбаева А.Т. Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане: методическое пособие. – Бишкек: ГКДР КР, 2015. С. – 90.

Чикризова О.С., Шумакова А.А. Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // Постсоветские исследования, 2020. Т.3. №4. С. 290-296.

REFERENCES

Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P. The network nature of international terrorism and the possibilities of consolidation of Russian society // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. Vol. 17. No. 4. pp. 738-748.

- Abdyldaeva S.N., Akayeva A., Myrzabayeva A.T.* The problem of terrorism in the Kyrgyz Republic // *Post-Soviet Studies*. Vol.3. No. 6 (2020). pp. 487-495.
- Babain A.* The Problem of radical Islam in Central Asia // *Modern Law*, 2014. No. 6. pp. 97-102.
- Bulkin V.V., Moiseenko K.S.* Terrorism in Central Asia (Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // *Post-Soviet Studies*. Vol.3. No. 6 (2020). pp.479-486.
- Burki S. K.* The Tablighi Jama'at: Proselytizing Missionaries or Trojan Horse? // *Journal of Applied Security Research*. – 2013. – Vol.8. – Issue 1. P. 98-117.
- Egorov E. N.* Tablighi Jamaat movement: ideology and specifics of activity // *Islamic Studies*. 2016. Vol. 7. No. 3. pp. 5-16.
- Iskandarzoda B.D.* Foreign policy factors and the settlement of the civil conflict in Tajikistan // *Post-Soviet studies*. – 2022. – Vol. 5. – No. 1. pp. 30-38.
- Kosach G.G.* Saudi Arabia: the internal origins of terrorism // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2017. Vol. 17. No. 4. pp. 639-654.
- Malikov K.* Musulman zhamaattar menen ish alyp baruu boyuncha teoriyalyk zhana praktikalyk negizder. – Bishkek, 2013. pp. 69-71.
- Murzakhalilov K., Arynov M.* Movement "Tablighi Jamaat in Kyrgyzstan: Features of activity and possible consequences for the development of the religious situation in the republic." // *Central Asia and the Caucasus*. Volume 13. Issue 3, 2010. pp. 189-190.
- Rakhimov K.H.* Shanghai Cooperation Organization in the system of ensuring Eurasian regional, international and global security (international legal dimension) // *Post-Soviet studies*. 2020. – Volume 3. No. 2. pp.124-135.
- Suleymanov R. R.* The religious influence of Pakistan on the Muslims of Tatarstan in the post-Soviet period: on the example of the activities of the "Jamaat Tabligh" // *Europe, Russia, Asia: cooperation, contradictions, conflicts: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, November 29, 2012 / ed. I. M. Erlikhson, Yu. I. Loseva; Ryazan State University. S. A. Yesenina*. – Ryazan, 2012. – pp. 74-79.
- Safarova G.F.* The evolution of Islamic extremism in the countries of Central Asia // *Post-Soviet Studies*. - 2018. – Vol.1. - No. 6. – pp. 600-615.
- Chotaev Z.D., Tursunbekov Z.A., Zhumakunov E.M., Smanova N.T., Gaibbaeva A.T.* State policy in the religious sphere and the main religious trends in Kyrgyzstan: a methodological guide. – Bishkek: GKDR KR, 2015. С. – 90.
- Chikrizova O.S., Shumakova A.A.* The impact of the crisis of Islamic education on the process of radicalization of Central Asia // *Post-Soviet studies*. – 2020. – Vol.3. - No. 4. – pp. 290-296.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Рахимов Комрон Хакимджонович**, к.и.н., **Komron Kh. Rakhimov**, Candidate of ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы, руководитель Сектора Центральной Азии ЦИПС. Москва, Россия. (E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru)
- Супотаева Диана Рысбековна**, магистр в области международных отношений РУДН им. П. Лумумбы. Москва, Россия. (E-mail: supataeva01@mail.ru).
- Historical Sciences, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University named after P. Lumumba Head of the Central Asia Sector of the CSPSC. Moscow, Russia. (E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru)**
- Diana R. Supotaeva**, Master in international relations of the RUDN University named after P. Lumumba. Moscow, Russia. (E-mail: supataeva01@mail.ru).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ / FOREIGN POLICY OF RUSSIA

Научная статья / Research article

Эволюция образа США в общественном мнении России в XXI веке

А. П. Косов

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Витебск, Республика
Беларусь*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-3622>; e-mail: alekos1979@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа США в российском общественном мнении в 2000–2022 гг. Внешнеполитические взгляды россиян являются одной из составляющих процесса формирования и реализации политики государства на мировой арене. Поэтому цель данной статьи заключается в рассмотрении эволюции восприятия США в общественном мнении России. На основе вторичных данных социологических опросов прослеживается динамика нарастания в российском обществе антиамериканских настроений в XXI веке. Это было связано с усилением противоречий между Вашингтоном и Москвой в связи с несогласием последней соблюдать американские правила поведения внутри страны и на мировой арене. Однако на протяжении 2000-х гг. антиамериканизм продолжал носить ситуативный характер. Как правило, всплески антиамериканских настроений в общественном мнении РФ проявлялись в качестве реакции на международные кризисы и конфликты, к которым были причастны обе державы. СМИ актуализировали кризисную повестку, влияя на эмоциональный фон населения страны. В целом же, до середины 2010-х гг. среди представителей российской элиты и большинства россиян преобладали позитивные оценки США и американцев. Исключение составляло отношение к русофобски настроенным американским политикам и наиболее одиозным действиям Вашингтона, которые осуждались со стороны российских властей и населения страны. Ряд событий второго десятилетия XXI века привел к усилению конфронтации между Россией и США, что отразилось на общественном мнении. После начала украинского конфликта антиамериканизм приобрел устойчивый характер. Общественное мнение окончательно приняло блоковое сознание, выраженное в черно-белых тонах. Для населения страны ключевым индикатором восприятия Соединенных Штатов стало враждебное отношение Вашингтона к России. В результате США еще более укрепили свой статус главного врага в глазах россиян.

Ключевые слова: Россия, США, российско-американские отношения, общественное мнение, сотрудничество, конфронтация.

Для цитирования: Косов А. П. Эволюция образа США в общественном мнении России в XXI веке // Постсоветские исследования. 2023;4(6):445-456.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР – «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка».

**Evolution of the Image of the United States in Russian Public Opinion in the
21st Century**

Alexandr P. Kosov

*Belarusian State University
Vitebsk State University named after P.M. Masherov*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8800-3622>; e-mail: alekos1979@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the image of the United States in Russian public opinion in 2000–2022. The foreign policy views of Russians are one of the components of the process of formation and implementation of state policy on the world stage. Therefore, the purpose of this article is to consider the evolution of the perception of the United States in Russian public opinion. On the basis of secondary data from sociological surveys, the dynamics of the growth of anti-American sentiments in Russian society in the 21st century can be traced. This was due to the intensification of contradictions between Washington and Moscow in connection with the latter's refusal to comply with the American rules of conduct at home and on the world stage. However, in the 2000s anti-Americanism continued to be situational. As a rule, outbursts of anti-American sentiment in the public opinion of the Russian Federation manifested themselves as a reaction to international crises and conflicts in which both powers were involved. The media updated the crisis agenda, influencing the emotional background of the country's population. In general, until the mid-2010s among representatives of the Russian elite and the majority of Russians, positive assessments of the United States and Americans prevailed. The only exception was the attitude towards Russophobic American politicians and the most odious actions of Washington, which were condemned by the Russian authorities and the population of the country. A series of events in the second decade of the 21st century led to increased confrontation between Russia and the United States, which affected public opinion. Since the beginning of the Ukrainian conflict, anti-Americanism has become stable. Public opinion finally accepted the bloc consciousness, expressed in black and white. For the population of the country, the hostile attitude of Washington towards Russia has become a key indicator of the perception of the United States. As a result, the United States has further strengthened its status as the main enemy in the eyes of the Russians.

Key words: Russia, USA, Russian-American relations, public opinion, anti-Americanism, cooperation, confrontation.

For citation: Alexandr P. Kosov Evolution of the Image of the United States in Russian Public Opinion in the 21st Century // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):445-456 (In Russ.)

Funding: The research was carried out within the framework of the State Research Institute "Society and Humanitarian Security of the Belarusian state", the subprogram "History" on assignment 12.1.06. The topic of the research is "The Western vector of foreign policy of the Republic of Belarus and the Russian Federation in the context of the geopolitical transformation of the modern world order".

В XXI веке США остались весомым раздражителем, вызывая сильные эмоции, как у своих поклонников, так и противников, в общественном мнении России. Как и раньше, представители российской элиты и общественность по-прежнему придают особое значение двусторонним отношениям и интересуются Америкой в большей степени, нежели другими странами. Российские СМИ на постоянной основе обсуждают внутреннюю и внешнюю политику Соединенных Штатов и далеко не всегда дружелюбно интерпретируют американский образ жизни и менталитет американцев. Подобное внимание к США в РФ является свидетельством не только доминирования Америки на мировой арене, но и

психологической зависимости россиян от этой страны. Как справедливо отмечала Л. Гарусова, «Складывается впечатление, что Россия стремится привлечь к себе внимание Америки даже через критику, требуя ее заинтересованности и особенно уважения к себе» [Гарусова 2012: 147].

В сознании россиян образ США проявляется в двух ипостасях – внешнеполитической и экзистенциальной. Первая из них вызвана наличием среди общественности представлений и эмоций, связанных с положением России в постбиполярном мире, вторая – представлениями элиты и населения о том, в какой степени западная модель развития может служить образцом для страны [Мир глазами... 2003: 32]. Нельзя не согласиться с

тем, что «на протяжении многих десятилетий Россия и США выступают друг для друга в роли “конституирующего другого”, той страны, сравнение с которой формирует представление о самом себе. Этот социокультурный механизм заставляет видеть в другом противоположность себе, приписывать ему те черты, от которых стремишься избавиться в собственном обществе. Описание другого есть одновременно описание самого себя»¹. Исходя из того, что Соединенные Штаты и российско-американские отношения оставались одной из центральных тем информационной и новостной повестки в РФ, представляется актуальным проанализировать влияние общественных настроений на формирование и реализацию внешней политики страны.

Цель статьи – рассмотреть эволюцию восприятия США в общественном мнении России в 2000–2022 гг.

Судить об отношении российской общественности к Соединенным Штатам и развитию отношений между Москвой и Вашингтоном, в первую очередь, можно по результатам опросов Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Левада-Центра и других социологических служб, которые проводят их на регулярной основе среди различных групп населения страны.

Проблемное поле данного исследования предполагает использование совокупности исторических, политологических, социологических и политико-психологических подходов, позволяющих проследить отношение к США в российском общественном мнении как одного из факторов внешней политики России в XXI веке.

Общественное мнение – это проявление общественного сознания, формируемое в фактическом публичном обсуждении текущих актуальных тем, вызывающих интерес среди населения. При этом в РФ

результаты опросов общественного мнения используются властью для доказательства легитимности принимаемых решений в сфере внутренней и внешней политики [Немирова 2021: 411].

Восприятие США в России в 2000-е – начале 2010-х гг. На протяжении 1990-х гг. в России наблюдалась эволюция общественных настроений в отношении США. В основном среди большинства россиян наблюдался позитивный взгляд на Америку. Антиамериканизм носил латентный характер и во многом был ситуативным – как реакция на агрессивное поведение Вашингтона на мировой арене. При этом политика Соединенных Штатов воспринималась многими гражданами страны как агрессивная, но прямо не направленная против России. Пика антиамериканские настроения достигли в связи с бомбардировками Югославии весной 1999 г. Однако к началу 2000-х гг. накал антиамериканизма в РФ снизился и восприятие Соединенных Штатов среди населения вернулось к более умеренному уровню, несмотря на проявления кризисных моментов в политической повестке Москвы и Вашингтона. Так, в 2001 г. в образе США в российском общественном сознании сочетались противоречивые характеристики. С одной стороны, жители страны воспринимали Соединенные Штаты как ведущую державу мира с высоким уровнем жизни американских граждан. С другой стороны, россияне не одобряли гегемонизм Вашингтона на мировой арене. Свидетельством стали результаты опросов различных социологических служб. Так, согласно данным Левада-Центра, позитивные черты Америки в российском общественном мнении преобладали: 61% опрошенных считали США богатой страной, а 51% – сильной военной державой. Представление о Соединенных Штатах как о демократической стране разделяло около 18% респондентов. При этом негативные составляющие образа США также были весомыми: 51% россиян считали, что американцы бесцеремонно вмешиваются в дела других государств, а

¹ Курилла И. Смысл и корни российского американизма // Ведомости. 2018. 15 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/07/16/775545-rossiiskogo-antiamerikanizma> (дата обращения: 06.12.2022).

40% считали, что они стремятся контролировать мировые богатства¹.

По оценкам Фонда «Общественное мнение», в феврале 2001 г. 53% респондентов считали Соединенные Штаты враждебным России государством, и только 32% были убеждены в том, что Америка – дружественное государство [Мир глазами... 2003: 129]. Весной 2001 г. 48% россиян считали, что Соединенные Штаты «играют скорее отрицательную роль» в мире, и только 27% – оценивали их роль как «скорее положительную». Но при этом респонденты вдвое чаще заявляли о положительном, чем об отрицательном отношении к Америке [Америка... 2001: 247]. Добрые слова об этой стране, а чаще – о ее жителях, звучали из уст граждан России чаще, чем слова осуждения [Америка... 2001: 278]. В мае 2001 г. 32% россиян хорошо относились к Америке, а 17% – плохо [Америка... 2001: 31]. Тем самым многие россияне разграничивали свое отношение к США как к стране и ее населению и поведению американского истеблишмента.

В конце сентября 2001 г., т.е. уже после терактов 11 сентября, почти половина респондентов (46%) считали США «недружественным по отношению к России государством». Как видим, по сравнению с февралем данный показатель снизился всего лишь на семь пунктов [Америка... 2001: 146]. Во многом, антиамериканские настроения основывались на обманутых надеждах общественности, считавшей Америку примером «идеального общества». При этом суждения россиян об Америке напрямую зависели от их политических взглядов и электоральных предпочтений: например, сторонники В. Путина в два раза чаще высказывались в адрес США и российско-американских отношений положительно, чем сторонники Г. Зюганова [Америка... 2001: 150].

Теракты 11 сентября 2001 г. вызвали среди большинства россиян ужас, шок, тревогу и сочувствие американцам.

Подавляющее большинство населения России (81%) посчитали произошедшее в Нью-Йорке и Вашингтоне не внутренним делом Соединенных Штатов, а угрозой для всего мира [Левада 2002: 15]. Тех, кто позлорадствовал, увидев в происшедшем наказание Америки, было в российском обществе относительно немного. Только 6% признались, что порадовались террористическим атакам в США, еще 15% подтвердили, что испытали нечто подобное в слабой форме, наряду с другими чувствами [Америка... 2001: 22]. Наибольшая доля «удовлетворенных» сентябрьскими событиями оказалась среди электората Г. Зюганова [Америка... 2001: 204]. При этом 34% сторонников КПРФ считали, что после случившегося позиции США в мире ослабнут [Америка... 2001: 191]. Но, примечательно, что даже электорат Г. Зюганова не был категорически настроен против американцев: 62% желали сближения с Соединенными Штатами. 22% россиян хорошо относились к ней, 30% были равнодушны, а 20% – плохо [Мир глазами... 2003: 131–132].

После сентябрьских событий в Америке в российском общественном мнении стало нарастать предчувствие новой роли России в мире. Как полагали россияне, РФ может стать равноправным партнером США на мировой арене, тогда как до пережитой американцами трагедии сближение с ними было чревато превращением страны в американского сателлита [Америка... 2001: 61]. При этом в отличие от рядовых обывателей представители экспертного сообщества высказывали сомнения в том, что Вашингтон с очень уж большим желанием пойдет навстречу интересам Москвы, если последняя не будет иметь достаточно ресурсов самостоятельно их отстаивать [Америка... 2001: 86].

В данном контексте интересно отношение общественности к реакции Вашингтона на сентябрьские теракты. Так, военную акцию США в Афганистане рядовые граждане РФ восприняли довольно скептически. Многие из них были склонны подозревать Вашингтон в преследовании гегемонистских целей под прикрытием борьбы с талибами и аль-Кайедой

¹ Волков Д. Почему мы не любим Америку // Ведомости. 24.04.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/04/25/638889-pochemu-mi-ne-lyubim-ameriku> (дата обращения: 06.12.2022).

[Америка... 2001: 105]. Тем более что боевые действия в Афганистане вызывали обеспокоенность жителей России тем, что эти акции представляли опасность для страны (64%). Только 23% респондентов были уверены в том, что ситуация в Афганистане никак не угрожала РФ. Поэтому большинство участников социологических опросов положительно отнеслись к созданию более тесного российско-американского союза в борьбе с международным терроризмом, но при этом посчитали, что война в Афганистане – это не война России [Америка... 2001: 131, 133].

Как известно, официальная Москва поддержала Вашингтон в намерении бороться с международным терроризмом. Данное решение привело к временному улучшению двусторонних отношений. Общественность поддержала позицию руководства страны. На протяжении 2002 г. российско-американское сотрудничество воспринималось населением как признак возрождения внешнеполитической роли РФ в мире, а «совместная борьба с международным терроризмом» считалась 51% опрошенных главным, что сближало обе державы. В качестве главных причин, отдаляющих США и Россию друг от друга, россияне назвали: «высокомерное отношение американцев к другим народам» (38%), «стремление американских властей к расширению своего могущества» (36%) и их «нежелание считаться с интересами других стран» (32%)¹. Именно данные действия Вашингтона привели к нарастанию антиамериканских отношений в России. Так, довольно негативно россиянами была воспринята «доктрина Буша», провозгласившая Ирак, Иран и КНДР «осью зла», пособниками террористов и врагами Соединенных Штатов. Многие граждане РФ посчитали заявление Дж. Буша-мл. посягательством Вашингтона на российские позиции на мировой арене, на российские интересы в странах, включенных в «ось зла». Поэтому большинство населения

России увидели за намерением США бороться с международным терроризмом иные цели, направленные на достижение их политических и экономических интересов в мире [Поршакова 2009: 714].

Последовавшее в марте 2003 г. вторжение США в Ирак, организация американцами цветных революций на постсоветском пространстве, вторая волна расширения НАТО привели к усилению российского антиамериканизма. Неудивительно, что с середины 2000-х гг. США и НАТО заняли лидирующие позиции в числе потенциальных «врагов России», а Соединенные Штаты – в числе «наиболее недружественных по отношению к России» государств². Тем самым из-за своего поведения США снова стали восприниматься большинством россиян в качестве главной угрозы внутренней стабильности и внешнеполитическим интересам страны. Усиление российского антиамериканизма имело благоприятствующие этому факторы. Известно, что в общественном мнении России сохранялся антиамериканский комплекс, игравший роль отдушины для выплеска эмоций, связанных со снижением геополитической роли страны на мировой арене и ее способности противостоять внешнему давлению. Коллективное сознание россиян находило доказательства недружественного поведения Америки в отношении РФ [Мир глазами... 2003: 257]. Поэтому действия США в мире прямо пропорционально влияли на рост российского антиамериканизма.

Учитывая факт того, что конфронтация с США позитивно влияет на рост популярности, российское руководство к середине 2000-х гг. стало активнее использовать нарастающие антиамериканские настроения общественности в качестве инструмента официальной пропаганды. На телевизионном информационном поле доминирующие позиции заняли четыре федеральных канала: «Первый», «Россия 1», НТВ и «Россия 24». Государственный контроль над ведущими СМИ обеспечил

¹ Волков Д. История российского антиамериканизма: почему в России стали считать США врагом // Московский центр Карнеги. 8.06.2015. URL: <https://carnegie.ru/commentary/60220> (дата обращения: 06.12.2022).

² Там же.

эффективное создание у населения страны необходимых представлений о США. На государственных телеканалах увеличилось количество провластных экспертов с жесткой критикой в адрес Вашингтона. В какой-то мере негативный образ США стал удобным в целях оправдания в глазах населения неудач и просчетов властей в реализации внутренней и внешней политики¹. Поэтому представители руководства РФ начали активнее использовать антиамериканскую риторику.

Активизация Вашингтона на постсоветском пространстве привела к усилению российского антиамериканизма. Реакцией на поведение Соединенных Штатов стала обличительная речь В. Путина в феврале 2007 г. в Мюнхене. Например, в марте 2007 г. 44% россиян считали, что позиции России в странах «ближнего зарубежья» ослабевают из-за активной политики США и Запада; 47% россиян отмечали усиление американского влияния на постсоветском пространстве. Почти треть россиян были уверены, что Москва должна стремиться к доминированию в этом регионе. С учетом нарастания российско-американских противоречий бытовавшие в общественном мнении РФ представления о США как партнере сменились на восприятие этой страны как соперника на мировой арене [Немирова 2021: 417].

К серьезному кризису в российско-американских отношениях и дальнейшему нарастанию антиамериканизма привела Пятидневная война между Россией и Грузией, которую дипломатически поддерживали американцы. Согласно социологическим опросам в сентябре 2008 г., 67% россиян негативно относились к США [Немирова 2021: 417]. По словам Л. Гарусовой, нараставший антиамериканизм питал в российском обществе настроения ксенофобии и изоляционизма, а также отрицательно воздействовал на двусторонние отношения между РФ и США [Гарусова 2010: 85].

В целом, в 2001–2008 гг. россияне оценивали российско-американские отношения примерно одинаково. Если в 2001 г. 42% респондентов характеризовали как спокойные, то в 2007 г. – не намного больше, всего лишь 36%, в 2001 г. 7% – как дружественные, в 2007 г. – 8%. Соответственно процент тех, кто считал их напряженными, увеличился за этот период с 8 до 14, а враждебными – с 1 до 3% [Гудков 2015: 25].

Ухудшение российско-американских отношений совпало с президентскими выборами в США. На фоне резкого недовольства администрацией Буша-мл. многие связывали надежды на улучшение двустороннего взаимодействия с новым хозяином Белого дома. Так, в ноябре 2008 г. 39% респондентов полагали, что избранный президентом Б. Обамой более дружественно настроен в отношении РФ, нежели уходивший Дж. Буш-мл., и связывали с ним надежды на улучшение российско-американских отношений. Тем самым феномен «обамамании» в определенной степени затронул и Россию, смягчив антиамериканские настроения. При этом 57% россиян разделяли мнение о необходимости установления партнерских отношений с Соединенными Штатами [Поршакова 2009: 718].

После прихода к власти Б. Обамы у части россиян сохранились завышенные ожидания от Вашингтона по изменению внешнеполитического поведения США на мировой арене. Их стало несколько меньше беспокоить усиление военно-политического влияния Америки в мире, развертывание Вашингтоном системы ПРО в Восточной Европе, а также ухудшение российско-американских отношений. На США стали смотреть не столько со страхом, сколько вновь с надеждой, особенно с учетом необходимости совместных усилий по выходу из глобального кризиса [Петухов 2010: 6].

Начало «перезагрузки» в российско-американских отношениях содействовало значительному улучшению отношения россиян к Америке. В 2010 г. 46% граждан России считали отношения между двумя державами нормальными и спокойными,

¹ Волков Д. Почему мы не любим Америку // Ведомости. 24.04.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/04/25/638889-pochemu-mi-ne-lyubim-ameriku> (дата обращения: 06.12.2022).

16% оценивали их в качестве добрососедских, 7% считали их дружественными. Негативную оценку российско-американским отношениям давали только 23% россиян: 17% называли их прохладными, 5% – напряженными, 1% – враждебными [Андреев 2011: 105].

Таким образом, после поступательного нарастания антиамериканских настроений в России в годы первых двух президентских сроков В. Путина по причине неконструктивного поведения Вашингтона на мировой арене в годы президентства Д. Медведева наступило улучшение отношения россиян к США, что объяснялось «перезагрузкой» российско-американских отношений.

Позиция российской общественности относительно США в условиях обострения российско-американских отношений (середина 2010-х – начало 2020-х гг.). Возвращение В. Путина в Кремль и ужесточение политики Москвы по отстаиванию национальных интересов страны на мировой арене привело к новому обострению в российско-американских отношениях, поскольку Вашингтон усмотрел в действиях руководства РФ «неподобающее поведение». Ухудшение атмосферы взаимодействия между двумя державами вызвало новую волну антиамериканизма. Рост неприязненного восприятия США среди россиян был связан с агрессией НАТО против Ливии, поддержкой несистемной оппозиции в РФ, расхождениями относительно Сирии, делом Сноудена и другими событиями международной и двусторонней повестки дня. Поэтому к середине 2010-х гг. у населения страны сформировалось устойчивое убеждение в том, что Вашингтон по-прежнему стремится к глобальному доминированию в мире и навязыванию своих правил поведения для других государств.

Неприятие населением миропорядка по-американски и антиамериканизм начали работать на российские власти. Они стали «национальной скрепой», объединившей весьма разные настроения в российской провинции, бизнесе и даже в государственной бюрократии. Рост

антиамериканизма стал оборотной стороной роста самоуважения россиян. С июля 2012 г. по август 2014 г. показатели уважения к себе выросли в стране в среднем в 1,7 раза. Сомнения многих россиян в том, что Россия способна вернуть себе статус «великой державы», рассеялись [Гудков 2015: 40]. Присоединение РФ Крыма и последующий провал антироссийских санкций впервые после распада СССР подарили населению страны ощущение, что Россия вновь становится «великой державой». Например, для многих респондентов (около 70%) были характерны следующие реплики: «нас снова замечают», «мы показали им зубы», «им придется принимать нас в расчет». Это свидетельствует об удовлетворении населения политикой властей. Россияне считают, что сегодня РФ берет своеобразный реванш за проигранную Холодную войну. По словам одного из участников опросов, «если раньше Путин только говорил о величии России, теперь он доказал это на деле», при чем не только россиянам, но и США¹.

Москва посчитала нужным больше не соглашаться с требованиями Вашингтона. По сути, в середине 2010-х гг. в РФ произошел не просто всплеск патриотических настроений, но и рост антизападных взглядов и сформировалась открытая готовность населения на противостояние Западу [Немирова 2021: 412]. Федеральные каналы транслировали официальную внешнеполитическую риторику, следуя за которой «значительная часть населения России верно идентифицирует “противника”, даже когда между Россией и другими странами открытого военного конфликта еще нет» [Волков 2016: 148]. Бывший долгое годы главным фактором притягательности Америки для граждан РФ утверждение о том, что США – «богатая страна» и «сильная военная держава», перестало играть прежнюю роль. Под влиянием официальной пропаганды в глазах многих

¹ Волков Д. История российского антиамериканизма: почему в России стали считать США врагом // Московский центр Карнеги. 8.06.2015. URL: <https://carnegie.ru/commentary/60220> (дата обращения: 06.12.2022).

жителей страны снизились все позитивные значения Соединенных Штатов: «демократическая страна», «лидер мирового научного и технического прогресса» и даже «союзник России в борьбе с угрозой мирового терроризма» [Гудков 2015: 26]. Отныне «любовь к Америке» продолжили демонстрировать только радикальные либералы. Поэтому россияне поддержали руководство страны в намерении бросить вызов американским правилам поведения на международной арене. Так, по данным Левада-Центра, в январе 2015 г. положительно относились к Америке 13% россиян, а 81% – плохо. Всего по 1% опрошенных оценивали российско-американские отношения как дружественные и хорошие, добрососедские, 2% – нормальные, спокойные. Соответственно 13% считали их прохладными, 37% – напряженными, 42% – враждебными [Попов 2015: 58]. В октябре 2014 г. 70% опрошенных считали, что события на Донбассе рассматривались как «конфликт, навязанный России США и другими странами Запада». Не согласных с подобной точкой зрения, считавших, что «этот конфликт – результат присоединения Крыма и нынешних действий России в Восточной Украине», было всего 22% [Гудков 2015: 42]. Респонденты опроса ВЦИОМ, проведенного в ноябре 2014 г., также дали негативную характеристику двусторонним отношениям. Только 5% назвали их дружественными, по 1% – хорошими, добрососедскими и нормальными, спокойными, тогда, как 21% оценили их как прохладные, 49% – напряженные, 20% – враждебные [Попов 2015: 59]. В феврале 2015 г. 77% опрошенных россиян полагали, что США представляют собой угрозу для безопасности других стран, 94% в той или иной степени были уверены, что Соединенные Штаты вмешиваются во внутренние дела РФ [Гудков 2015: 42]. Осенью 2015 г. дружественными российско-американские отношения считал менее 1% россиян, добрососедскими – 1%, спокойными – 4%, но зато прохладными их назвали 18%, напряженными – 45%, враждебными – 29% [Гудков 2015: 25]. При

этом российские граждане четко отличали США как главного геополитического противника РФ от их ближайших союзников. Например, к Великобритании и ФРГ положительно относились 34% россиян. Воспринимаемые населением как менее подчиняющиеся Вашингтону (и, соответственно, менее «виноватые» перед Россией) страны Запада вроде Израиля (41%) или Франции (43%) вообще у многих респондентов попали в разряд «хороших» стран [Латов 2017: 117]. Согласно совместному исследованию, проведенному в 2016 г. Левада-Центром и Chicago Council on Global Affairs, 68% опрошенных граждан были уверены, что нужно стремиться ограничить американское влияние на мировой арене, поскольку в качестве одной из главных угроз (56% ответов) они называли стремление Вашингтона установить контроль над миром [Немирова 2021: 420–421]. По мере нарастания противоречий между РФ и США мысль о «вредоносности» Америки для человечества лишь увеличивалась. По данным американской компании Gallup, с 2014 г. население России демонстрировало самый высокий уровень недовольства политикой Соединенных Штатов в мире: в 2014 г. – 82%, в 2015 г. – 73%, в 2017 г. – 58%, в 2018 г. – 60%, в 2019 г. – 56% [Немирова 2021: 420].

С приходом к власти Д. Трампа в оценках россиянами произошли незначительные изменения. Его избрание на пост президента вызвало у части общественности и политической элиты РФ краткосрочные ожидания возможного улучшения российско-американских отношений. Известно, что осенью 2016 г. в ходе предвыборной гонки симпатии россиян были полностью на стороне Д. Трампа. 44% респондентов считали, что его победа на президентских выборах соответствует национальным интересам России [Немирова 2021: 421]. Однако поведение Вашингтона не оправдали данные надежды. Так, по словам гендиректора ВЦИОМ В. Федорова: «Ракетный удар США по Сирии стал “холодным душем” для значительной части россиян, еще недавно рассчитывавших на улучшение российско-американских

отношений благодаря смене президента в Вашингтоне. Агрессивное поведение Дональда Трампа воскресило недоверие и недоброжелательность по отношению к Америке, характерное для российского общества в последние два десятилетия»¹. Тем не менее окончательного разочарования американским президентом у россиян не произошло.

Очередным примером завышенных ожиданий стали надежды 38% россиян во время саммита В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки 16 июля 2018 г. на улучшение двусторонних отношений. Однако позитивных изменений не произошло. В связи с этим, к концу его пребывания в Белом доме 43% жителей РФ относились к нему с безразличием. В условиях рутинизации российско-американских отношений на фоне затухания украинского конфликта и перевода его в состояние затяжного противостояния Соединенные Штаты по-прежнему идентифицировались россиянами как враг, но уровень враждебности несколько снизился [Немирова 2021: 421].

Победа на президентских выборах 2020 г. и приход в январе 2021 г. к власти Дж. Байдена со стороны российской общественности не вызвал какого-либо оптимизма в развитии российско-американских отношений. Более половины россиян были уверены, что с приходом в Белый дом Дж. Байдена отношения РФ с США не изменятся [Немирова 2021: 422]. А некоторые и вовсе посчитали, что они ухудшатся. Дальнейшее развитие событий подтвердило их правоту. К сожалению, состоявшиеся в июне 2021 г. переговоры В. Путина и Дж. Байдена не привели к нормализации российско-американских отношений. Агрессивное поведение коллективного Запада стало причиной дальнейшей эскалации напряженности между Москвой и Вашингтоном. В условиях подготовки агрессии против России предложения российского руководства в

декабре 2021 г. о гарантиях безопасности были отвергнуты США и НАТО. В итоге Москва была вынуждена перейти к превентивным мерам, начав 24 февраля 2022 г. Специальную военную операцию на Украине. Большинство населения страны поддержало действия своего руководства, справедливо увидев в украинских властях инструмент прокси-войны Запада против РФ. По данным опросов Левада-Центра, в феврале 2022 г. плохое отношение к США наблюдалось у 73% россиян, хорошее отношение было характерно для 14%. При этом 58% участников опроса назвали очень опасным для РФ рост военной силы Соединенных Штатов, 24% – как опасный, а 14% не увидели в этом большой опасности для страны². Как справедливо объяснил подобные настроения россиян директор ИМЭМО РАН Ф. Войтоловский: «США все в большей степени воспринимаются как страна, вытесняющая Россию из зоны ее интересов, ограничивающая ее возможности на внешних рынках. Стремление американского руководства сделать санкции инструментом «наказания» всех россиян укрепляет антиамериканизм в российском обществе»³.

На протяжении второго десятилетия XXI века в общественном мнении России наблюдался рост антиамериканских настроений. Население страны поддержало действия российского руководства по более решительному отстаиванию национальных интересов на мировой арене. Это привело к нарастанию напряженности в российско-американских отношениях и сделало антиамериканизм устойчивым явлением в РФ.

Заключение. Таким образом, США традиционно занимают в массовом сознании россиян позицию «другого». Российское

¹ Америка Трампа: и не друг, и не враг...? // ВЦИОМ. 17.04.2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/amerika-trampa-i-ne-drug-i-ne-vrag> (дата обращения: 10.12.2022).

² Российско-американские отношения // Левада-Центр. 25.05.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/25/rossijsko-amerikanskie-otnosheniya/> (дата обращения: 11.12.2022).

³ (Не)дружба народов: как менялось отношение россиян к США // ВЦИОМ. 20.04.2022. URL: <https://wciom.ru/expertise/nedruzhiba-narodov-kak-menjalos-otnoshenie-rossijan-k-ssha> (дата обращения: 15.12.2022).

общественное мнение в отношении Соединенных Штатов всегда было связано с текущей динамикой развития двусторонних отношений, а также с тем, как воспринималась обществом и элитой в России та или иная политика США в различных регионах мира. При этом в процессе выработки внешнеполитического курса страны наблюдается взаимовлияние власти и общества друг на друга. С одной стороны, внешняя политика государства выстраивается с учетом общественного мнения. С другой стороны, власти посредством официальной пропаганды посредством СМИ имеют мощные рычаги влияния на общественность страны.

Восприятие США находится в прямой зависимости от международных позиций России. На протяжении рассматриваемого периода в российском обществе наблюдалось поступательное усиление антиамериканских настроений. Однако до середины 2010-х гг. антиамериканизм в РФ носил ситуативный характер. В моменты открытых конфликтов Москвы и Вашингтона, таких, как Косовский кризис 1999 г., вторжение в Ирак в 2003 г., «Пятидневная война» 2008 г., украинский конфликт, он резко усиливался, а после завершения острой фазы конфликтов общественное мнение становилось вновь более лояльным к Соединенным Штатам. Начиная со второй половины 2010-х гг. из-за целого ряда недружественных шагов Вашингтона в отношении Москвы высокий уровень антиамериканских настроений принял устойчивое положение.

В целом, устойчивость российского антиамериканизма можно объяснить рядом

причин. Во-первых, самой спецификой российско-американских отношений, зигзагообразностью их развития в постсоветский период, исходя из высокомерного отношения Вашингтона к России как к побежденному врагу в Холодной войне. Именно действия Вашингтона стимулируют проявление антиамериканских настроений в РФ. Во-вторых, чувством уязвленной национальной гордости многих россиян в связи с гибелью СССР, являвшегося сверхдержавой. В-третьих, проявлением в демократической России «комплекса неполноценности» в сложных социально-экономических и политических условиях ее развития на фоне благополучного Запада. В-четвертых, советским идеологическим наследием с глубоко укорененным негативным образом США. В-пятых, нереализованными великодержавными амбициями России в западном миропорядке.

Тем не менее, в рассматриваемый период при всех антиамериканских настроениях российское массовое сознание по-прежнему тяготело к Западу как необходимому условию повышения международного статуса страны и поступательного финансово-экономического и научно-технологического развития. Во втором десятилетии XXI века образ Запада как союзника и партнера значительно «потускнел», однако ориентация на западную модель развития сохранилась у значительной части российского общества, особенно высокообразованной, проживающей в крупных городах, и российской элиты, в первую очередь, бизнес-кругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. 318 с.
- Андреев Р.В. Антиамериканизм в современной России: общие тенденции и специфические черты // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2011. № 3 (15). С. 99–106.
- Волков Д. Динамика антиамериканских настроений в постсоветской России и основные характеристики антиамериканизма на сегодняшний день // Вестник общественного мнения. 2016. № 3–4 (122). С. 141–159.
- Гарусова Л.Н. Имиджи России и США как фактор международных отношений // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2012. № 3. С. 147–160.
- Гарусова Л.Н. Российско-американские отношения и феномен антиамериканизма в постсоветской России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 78–87.

- Гудков Л.* Структура и функции российского антиамериканизма: фаза мобилизации 2012–2015 годов // Вестник общественного мнения. 2015. Июль – декабрь. № 3–4. С. 15–44.
- Латов Ю.В.* Антизападничество во внешнеполитическом менталитете современных россиян (по данным социологических опросов) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 4 (20). С. 108–123.
- Левада Ю.* Отложенный Армагеддон? Год после 11 сентября 2001 года в общественном мнении России и мира // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 5. С. 7–18.
- Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В.А. Колосова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с.
- Немирова Н.В.* Российско-американские отношения в общественном мнении России и США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 4. С. 409–431. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.403>
- Петухов В.В.* Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 4–13.
- Попов Н.П.* Общественное мнение в России и США о российско-американских отношениях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 55–67.
- Поршакова А.А.* США: взгляд из России // Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Кривые зеркала. М.: Вагриус, 2009. С. 667–719.

REFERENCES

- Amerika: vzglyad iz Rossii. Do i posle 11 sentyabrya [America: a view from Russia. Before and after 9/11]. (2001). Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 318 s. (In Russian).
- Andreev R.V.* (2011). Antiamerikanizm v sovremennoi Rossii: obshchie tendentsii i spetsificheskie cherty [Anti-Americanism in Contemporary Russia: General Trends and Specific Features] // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya, 3 (15), pp. 99–106. (In Russian).
- Volkov D.* (2016). Dinamika antiamerikanskikh nastroyenii v postsovetsoi Rossii i osnovnye kharakteristiki antiamerikanizma na segodnyashnii den' [The Dynamic of anti-American Sentiment in Post-Soviet Russia and the Main Characteristics of Current anti-Americanism] // Vestnik obshchestvennogo mneniia, 3–4 (122), pp. 141–159. (In Russian).
- Garusova L.N.* (2012). Imidzhi Rossii i SSHA kak faktor mezhdunarodnykh otnoshenii [Images of Russia and the USA as a Factor in International Relations] // Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik VGUEHS, 3, pp. 147–160. (In Russian).
- Garusova L.N.* (2010). Rossiisko-amerikanskie otnosheniya i fenomen antiamerikanizma v postsovetsoi Rossii [Russian-American Relations and the Phenomenon of Anti-Americanism in Post-soviet Russia] // Rossiia i ATR, 1, pp. 78–86. (In Russian).
- Gudkov L.* (2015). Struktura i funktsii rossiiskogo antiamerikanizma: faza mobilizatsii 2012–2015 godov [The Structure and Functions of Russian Anti-Americanism: The Mobilization Phase of 2012–2015] // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Iyul' – dekabr', 3–4, pp. 15–44. (In Russian).
- Latov YU.V.* (2017). Antizapadnichestvo vo vneshnepoliticheskom mentalitete sovremennykh rossiyan (po dannym sotsiologicheskikh oprosov) [Anti-Westernism In the Foreign Policy Mentality of Modern Russians (According To Opinion Polls)] // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika, 4 (20), pp. 108–123. (In Russian).
- Levada Y.* (2002). Otlozhennyi Armageddon? God posle 11 sentyabrya 2001 goda v obshchestvennom mnenii Rossii i mira [Armageddon Adjourned? A Year after September 11, 2001 in Russian and World Public Opinion] // Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 5, pp. 7–18. (In Russian).
- Kolosov V.A.* (ed.). (2003). Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika [The World Through the Eyes of Russians: Myths and Foreign Policy]. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 304 s. (In Russian).

- Nemirova N.V.* (2021). Rossiisko-amerikanskije otnosheniya v obshchestvennom mnenii Rossii i SSHA [Russian-American relations in the public opinion of Russia and the USA] // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations, 14, 4, pp. 409–431. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.403> (In Russian).
- Petukhov V.V.* (2010). Vneshnepoliticheskie priority massovogo soznaniya rossiyan [Foreign Policy Priorities of the Mass Consciousness of Russians] // Sotsiologicheskie issledovaniya, 11, С. 4–13. (In Russian).
- Popov N.P.* (2015). Obshchestvennoe mnenie v Rossii i SSHA o rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh [Public Opinion on Russian-American Relations in Russia and the USA // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 3, pp. 55–67. (In Russian).
- Porshakova A.A.* (2009). SSHA: vzglyad iz Rossii [USA: a view from Russia] // Davis D.E., Trani E.P. Distorted Mirrors. Moscow: Vagrius, pp. 667–719. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Косов Александр Петрович, к.и.н., доцент, докторант кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь; доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. г. Витебск, Республика Беларусь. (E-mail: alekos1979@mail.ru)

Kosov Alexandr Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; Associate Professor of the Department of History and Cultural Heritage, Vitebsk State University named after P.M. Masherov. Vitebsk, Republic of Belarus. (E-mail: alekos1979@mail.ru)

Сетевой анализ внешних связей у субнациональных акторов России

Ф. Е. Золотарев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8789-0856>, e-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты сетевого анализа внешних связей субнациональных акторов Российской Федерации. Автором предполагается, что субнациональные акторы наряду с государствами, их объединениями и макрорегиональными организациями также участвуют в международных отношениях на уровне, располагающемся ниже национального или государственного уровня. Изучение процессов на этом уровне обладает эпистемической ценностью ввиду возросшей роли, которую стали играть политико-территориальные субъекты государств. Теоретико-методологической основой исследования стал синтез теорий акторности негосударственных акторов в мировой политике, парадипломатии, городской дипломатии. Основным методом исследования стал метод сетевого анализа (Social Network Analysis), который позволяет изучать отношения между субъектами с опорой на теорию сетей и теорию графов. Объектом применения стал авторский набор данных по официальным соглашениям и договорам субъектов Российской Федерации (регионами) и административным центрам этих субъектов (городов) с зарубежными и международными партнёрами. Использование сетевого анализа дало возможность комплексно взглянуть на структуры во внешних связях у субнациональных акторов, выделить паттерны внутри сетей и определить наиболее значимых акторов в них. Дополнительно было установлено, что внешние связи российских регионов характеризуются меньшим страновым и географическим разнообразием, но при этом концентрированно отражают вектор внешней политики в отношении государств на постсоветском пространстве. Анализ сетей городов позволил автору сделать вывод о том, что для них характерна большая децентрализация и они выполняют функцию каналов поддержания связей с обществами зарубежных стран.

Ключевые слова: сетевой анализ, сети, город, регион, субнациональный актор, внешние связи.

Для цитирования: Золотарев Ф. Е. Сетевой анализ внешних связей у субнациональных акторов России // Постсоветские исследования. 2023;4(6):457-471

Social Network Analysis for Subnational Units' External Relations of Russia

Fedor E. Zolotarev

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8789-0856>; e-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Abstract. The article presents results of the social network analysis (SNA) of subnational units' external relations in the Russian Federation. The author assumes that subnational units participate in international relations, alongside with states, their associations, and macro-regional organizations, albeit being below the nation-state level. Research at this level has an epistemic value due to the increased visibility of subnational units since they started to play in world politics. Theoretical and methodological basis of the research rely on synthesis of theories such as the actorhood of non-state actors in world politics, paradiplomacy, and city diplomacy. The author applies the SNA method, which is based on the Network theory and the Graph theory, as a core instrument to study relations among social actors. To reach research goals, the author handles the data from official agreements and treaties of Russian subnational units with foreign and international counter partners that previously were collected and structured into the dataset. The use of SNA makes it possible to deal comprehensively with the network structures, identify patterns of networks and focus on the most significant actors within. Additionally, the author mentions that the external relations of the Russian

regions are less diversified by country and geography, but at the same time they are embedded in the state foreign policy and have close relationships with actors in the post-Soviet space. The analysis of city networks allows the author to conclude that they are more decentralized and functionalized as channels of communication with foreign countries' societies.

Keywords: Social Network Analysis, Networks, City, Region, Subnational Actor, External Relations

Для цитирования: Fedor E. Zolotarev Social Network Analysis for Subnational Units' External Relations of Russia // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;4(6):457-471 (In Russ.)

Введение

Рассмотрение международной деятельности субнациональных акторов представляет собой отдельную исследовательскую область. Обращение к их внешним связям позволяет раскрыть дополнительные сюжеты, имеющие свою ценность для понимания международных процессов. Рассматривая международные отношения как пространство взаимодействия множества разноуровневых акторов и агентов, автор предлагает уделить больше внимания комплексному изучению их отношений между собой.

Акцентирование внимания именно на реляционном аспекте требует особого методологического инструментария. Вследствие этого, данное исследование опирается не только на неклассические теории международных отношений, которые допускают участие негосударственных акторов. В силу своих эпистемологических ограничений они не способны дать такую систему различий, которая позволила бы сместить исследовательский фокус на отношения между агентами и их особенности. В связи с этим автор обращается к синтезу нескольких теорий из социальных наук, а именно теории акторности, парадипломатии и городской дипломатии, и также опирается на инструменты, которыми обладает метод сетевого анализа.

Цель данной статьи - проанализировать внешние связи и рассмотреть сетевые структуры отношений между субнациональными акторами. Работа является продолжением изучения внешних

связей российских регионов и городов [Золотарев 2022], что предопределило выборку изучаемых объектов, собранных в отдельный набор малых данных¹. Выбор именно метода сетевого анализа обусловлен его языком описания субъектов. Применительно к международным отношениям и мировой политике это даёт возможность исследователю анализировать процессы в условиях нарастающей полицентричности и многосторонности, не прибегая к излишнему редуцированию и потере информации.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первой части рассматриваются основные положения теорий, которые позволяют концептуализировать оптику исследователя. Здесь автор обращается к положениям и идеям теорий парадипломатии, городской дипломатии и теории акторности Б. Рассета, Х. Стара и Д. Кинсела. Во-второй части обосновывается использование метода сетевого анализа применительно к изучению отношений субнациональных акторов. Дается критика имеющихся работ, которые прибегали к сетевому анализу как улучшению собственного дизайна исследования. Внутри них выделяются две группы, которые используют отличные друг от друга стратегии по изучению международно-политических феноменов с применением метода сетевого анализа. В-третьей части представлен сам сетевой анализ российских субнациональных акторов на основе авторского набора данных по внешним связям российских городов и регионов. Помимо выделения отдельных

¹ Набор данных доступен на репозитории Harvard Dataverse. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/7WEHSN>.

закономерностей и особенностей в эволюции внешних связей уделяется внимание сравнению между собой сетей городов и регионов, которые по-разному раскрывают эти два типа субнациональных акторов.

Методология и теоретические основы исследования

Наряду с национальными государствами, определяемыми в качестве основных акторов, в глобальных процессах принимают участие множество негосударственных акторов. Внутри их большой группы можно выделить субнациональных акторов, которые в отличие от остальных подгрупп обладают характеристикой территориальности, что роднит их больше остальных с государством, обладающим суверенной территорией. Субнациональные акторы зачастую встроены в политическое пространство государства [Золотарев 2022: 34; Акимов 2021: 34-35], что, однако, не препятствует их возможностям участвовать в глобальных процессах.

Для описания, объяснения функций и форм участия субнациональных акторов используются различные теории. Так, в рамках частных теорий международных отношений и мировой политики возможно выделить теорию акторности Б. Рассета, Х. Старра и Д. Кинселла. Американские исследователи-международники определяют акторность как комплексную характеристику для негосударственного актора. В рамках теории сочетание самоидентификации, собственных интересов, автономности, признания со стороны других акторов и агентов, создание новых транснациональных акторов и влияние на нормативное измерение мировой политики являются её необходимыми компонентами. Наличие акторности позволяет методологически отделить субнационального актора от других международных акторов и агентов, создавая тем самым границы в динамично растущей вовлеченности таких субъектов в международных отношениях и мировой

политике [Russett, Starr, Kinsella 2004: 12-19; Рустамова 2022: 180-181].

При этом, как и любая модель, предлагающая параметрический способ оценки на соответствие или несоответствие, она сталкивается с проблемой применимости к социальным объектам. Какой процент соответствия этим критериям должен быть у негосударственного актора, чтобы можно было установить факт его акторности? Каким образом определяется способность негосударственного актора влиять на международные процессы? Эти вопросы не помогают создать ясную разделительную линию, поскольку требуют ещё большей детализации или необходимых аксиоматических допущений. Именно поэтому использование только теории акторности в полной мере не способно объяснить феномен участия субнациональных акторов в мировой политике.

Вместе с этим категория «субнациональный актор» не является гомогенной. Наличие атрибута территориальности одновременно относится ко многим политико-территориальным образованиям. Применительно к акторам, которые находятся на уровне ниже государства, это затрагивает регионы и города². Они также воспринимаются основными участниками в мировой политике наряду с национальными государствами и их макрорегиональными объединениями. Тем не менее научная традиция изучения регионов отличается от традиции изучения городов, что также требует разграничений и выделения некоторых особенностей.

Для изучения деятельности регионов в международном пространстве зачастую авторы прибегают к теориям и практикам парадипломатии. Усложняющаяся международная среда и интернационализация самих национальных государств способствовали большему вовлечению субъектов государства в область внешней политики государства, что не всегда

² Сам концепт региона обладает множеством значений, что стало результатом конкуренции разных дисциплин и попыток интегрировать его в свой язык описания. В рамках данной работы автор придерживается трактовки региона в рамках традиций

исследований федерализма и международных отношений. То есть понимает под регионом конкретные субъекты государства: области, края, республики, автономии и другие формы.

проходило бесшовно [Kuznetsov 2015: 62]. Через свои регионы государство пытается оптимизировать собственные ресурсы и по возможности делегировать часть своих компетенций для эффективного выполнения целей [Tavares 2016: 8]. При этом международная деятельность региона параллельно государственной внешней политике имеет собственные цели и значимость: будь то вопросы приграничного развития или сохранение своей этноязыковой общности и самости [Акимов 2021; Рустамова 2022: 183-185; Tavares 2016: 38-39].

За счёт этого в академической среде парадипломатия стала «зонтичным термином», через который выражают разные коннотации в адрес региональной активности, необязательно осуществляемой в политической сфере [Kuznetsov 2015: 30-31; Tavares 2016: 117]. Оптика парадипломатии в рамках политических наук и науки о международных отношениях позволяет ликвидировать зазор между областями внутренней и внешней политики [Kuznetsov 2015: 35], что даёт возможность говорить о регионах, как о ещё одном типе транснациональных участников в глобальном пространстве.

Однако при попытках интегрировать в своё дисциплинарное поле международную деятельность городов, эта теория наталкивается на проблему «двойкости» их положения. Наличие у региона субнационального правительства, обеспечивающего и иницирующего его действия на международном уровне, не всегда применимо к городам, поскольку они зачастую не встроены в государственную систему³, как регионы государства [Kuznetsov 2015: 23-25]. Кроме того, теория парадипломатии не даёт необходимой системы различий относительно уже международных связей административных частей города, которые тоже могут заключать международные договоры и протоколы со своими зарубежными партнёрами.

В отличие от регионов, участие которых в мировой политике зачастую трактуется как продолжение внешней политики государства, города обозначаются в качестве ситуативных агентов [Kangas 2017: 533-534]. Как и регионы они участвуют в глобальных процессах, а значимость отдельных из них, например глобальных городов, воздействует на ландшафт в финансовой и экономической областях. Право городов участвовать во внешней политике, если и не полностью ограничено законом или доминированием внешней политикой национального государства, то сдерживается малым количеством областей для участия [Alger 2014: 75]. Это отчасти объясняет наличие множества транснациональных сетевых форм городов. Через такие сети они ретранслируют свои интересы и свой статус соучастника глобальных процессов [Curtis, Acuto 2018: 10-11].

Исторический опыт участия городов в политике наравне с другими пространственно-политическими субъектами, например империями, сравнительно больше, чем у регионов-субъектов государства. Однако в гонке со складывающимися суверенными государствами в силу многих объективных и субъективных причин они уступили. Возврат городов и их вторжение уже в область внешней политики государства по-прежнему остаётся теоретическим спором внутри академической дисциплины [Curtis, Acuto 2018: 8-9; Kangas 2017: 533]. Даже несмотря на то, что к взаимодействию городов на международном уровне с большими поправками возможно применение категорий из классических международных отношений, городская дипломатия вобрала в себя черты и особенности многостороннего сотрудничества [Alger 2014: 37]. Города, как и регионы с государствами, реализуют своё участие и повышают присутствие в международных процессах, что косвенно подтверждается и двусторонними форматами между городами (институт побратимства городов), и присоединением

³ За исключением столичных городов или городов особого значения в федерациях. Такие города сочетают в себе признаки и региона, и города, что с точки зрения оптики парадипломатии и городской

дипломатии позволяет этим субнациональным акторам находиться на «фронтире» двух теоретических языков описания.

городских властей к инициативам и программам международных организаций, например ООН-Хабитат.

Тем не менее, проблемным полем в теории городской дипломатии остаётся тема самостоятельности городов в международных отношениях и мировой политике. Традиционное рассмотрение муниципалитетов и других городских образований как важных локусов государства или глобальной экономики ведёт к тому, что государства и их сети инструментализируются. Города при этом являются не столько субъектами, сколько проводниками изменений на макро-региональном уровне для политических элит, транснациональных компаний и прочих негосударственных акторов. Отсюда многие создаваемые индексы глобальных и мировых городов⁴ фиксируют уровень связности и разветвлённости сетей других акторов, имеющих своё присутствие и действующие через города.

Учитывая возможности и ограничения теории акторности, парадипломатии и городской дипломатии, подобное сочетание помогает не только создать систему различий между субнациональными акторами и негосударственными акторами, но также и типологизировать их подгруппы. Внутригосударственные регионы и города при всей своей схожести в общих вопросах организации системы управления, в возможностях участвовать в международном пространстве, устанавливать внешние связи, не являются тождественными. Тем не менее, формирование у них акторности позволяет говорить не только о потенциале и возможностях, но и о фактических результатах их международной деятельности. Таким результатом выступает именно наличие внешних связей городов и регионов со своими партнёрами из других стран, континентов и юрисдикций. Факт двусторонних отношений прежде всего говорит об устоявшемся канале взаимодействия между субнациональными

акторами. Для последующего анализа этих каналов и выделения их особенностей необходимо воспользоваться инструментарием метода сетевого анализа.

Метод сетевого анализа опирается на два важных компонента: исследование социальных структур в рамках некоторой сети и вовлечение математических способов анализа из теории графов. Многие авторы обращаются к сетевому подходу или сетевой теории как качественно новому инструменту для изучения международных процессов. Во всём многообразии можно выделить две группы работ, в которых преследуются свои цели. Для первой группы работ характерен акцент на систематизации и упорядочении различных подходов в рамках своего исследовательского поля, попытки наметить траектории для дальнейшего изучения частных вопросов дисциплины и внедрения разработок с применением инструментария сетевого анализа [Hafner-Burton, Kahler, Montgomery 2009; Maoz 2012; Саворская 2011; Дегтерев 2015].

Для второй группы исследований рассуждения преодолевают этап концептуализации и доходят уже до практического применения. Здесь авторы работ пытаются интегрировать в свои исследования язык и инструментарий науки о сетях. Как результат, такие исследования сопровождаются построением собственных методологических моделей, описывающих и объясняющих отдельные вопросы в рамках международных отношений и мировой политики [Жданов 2013; Maoz 2010; Maoz, Joyce 2016].

Данное исследование можно отнести ко второй группе, поскольку оно также опирается на базовые категории в рамках метода сетевого анализа, однако ограничивается вопросами внешних связей субнациональных акторов. В качестве данных, на которые опирается автор, выступает таблица из 1912 строк⁵ по соглашениям между российскими и зарубежными городами в период с 1940-х

⁴ Здесь имеется в виду рейтинги глобальных и мировых городов за авторством исследовательских и аналитических коллективов, например Globalization and World Cities (GaWC), Institute for Urban Strategies the Mori Memorial Foundation (GPCI Index) и другие.

⁵ Доступна на репозитории Harvard Dataverse. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/7WEHNS> (дата обращения: 24.12.2022).

годов, российскими и зарубежными регионами с 1980-х годов по 2021 год. Исследование является логическим продолжением работы по анализу внешних связей федеративных субъектов и административных центров этих субъектов в Российской Федерации, где упор был сделан на смешанные методы исследований.

Для проведения расчётов и визуализации результатов автор использовал специальные программы и инструменты. Предобработка данных и формирование сводных таблиц было осуществлено при помощи языка программирования R с подключением пакета «igraph» для сетевого анализа. Дополнительно автор использовал для расчётов возможности программы Gephi, которая также предлагает компьютеризированные возможности изучения и построения сетей. Полученные результаты были сохранены и размещены на портале Гарвардского репозитория⁶.

Относительно данных необходимо также сделать несколько оговорок. Первая оговорка затрагивает саму выборку. По регионам присутствует информация с 1990 по январь 2022 гг., и для административных центров с 1950 по январь 2022 гг. Внешние связи федеральных городов кодировались и как субъекты федерации, и как города: отделялись отношения субнационального актора как региона и как города. Вторая оговорка касается актуальности и свежести собранной информации. Верхняя граница определена по январь 2022 года, что в самих данных отражает состояние до начала специальной военной операции на Украине.

Результаты исследования

Для понимания того, какие особенности включают в себя сети двух отличных типов субнациональных акторов и какие паттерны отношений они содержат, обратимся к их последовательному их сравнению. На рисунке 1 представлено распределение регионов и городов по количеству связей у акторов. И для городов, и для регионов характерно выделение двух неравнозначных групп: акторов с высоким и малым количеством связей. Примечательно, что

этот разрыв более заметен во внешних связях городов, чем у регионов.

Краткое сравнение статистических параметров сетей тоже ограничено отражает различие между сетями (См. Таблица 1). Большое количество узлов не всегда означает наличие большого числа связей между ними. Это видно из соотношения этих двух параметров, где для сети регионов он равен 2, в то время как для городов он равен 1,2. При этом сама сеть может включать внутри себя отдельные подгруппы и компоненты, элементы которых не обязательно связаны с остальными внутри сети. И, как вытекающие из этого следствия, показатель «плотности» сети регионов в три раза больше аналогичного показателя для сети городов, а показатель «диаметра» больше именно в сети городов. Дополнительно стоит отметить, что такой параметр, как «транзитивность», или способность воспроизводить и создавать новые связи между парами акторов [Wasserman, Faust 1994: 19], присутствует только в сети регионов.

Визуализация сетей позволяет не только по-другому отобразить, каким образом выстраиваются отношения между регионами и городами, но пойти дальше и отразить изначально неочевидные функции, которые эти сети играют для самих субнациональных акторов и для Российской Федерации. Иными словами, связи субнациональных акторов могут быть детализированы, а также в них можно выделить дополнительные сюжеты применительно к проводимой внешней политике национального государства. Поэтому справедливо будет вклиниться в структуры внутри сети, проинтерпретировать отношения и их значимость, функциональность. Сделать это последовательно и для сети регионов, и для сети городов.

Сеть регионов

Сети субъектов Российской Федерации представляют собой «слепок» отношений за более чем 30-летний опыт международной межрегиональной политики субнациональных акторов (См. Рисунок 2).

⁶ Zolotarev, Fedor, 2022, "Replication Data for: Social Network Analysis for Subnational Units' External Relations of Russia",

<https://doi.org/10.7910/DVN/MC9MMU>, Harvard Dataverse, V1 (дата обращения: 24.12.2022).

Помимо связей между самими регионами присутствуют связи с национальными правительствами других стран, профильными иностранными ведомствами и министерствами, а также отдельными институтами международных организаций. Подобные внешние связи регионов выходят за рамки классической трактовки парадипломатии, как взаимодействия субъектов федерации с внешними партнёрами и их интернационализации. Они отражают асимметрии в отношениях между акторами: связи устанавливаются не только по формату «регион-регион», но также и «регион-институт» [Joenniemi, Sergunin 2014].

Некоторые правительства иностранных государств оказываются «связаны» с российскими регионами через серии соглашений и меморандумов о сотрудничестве и понимании. Дополнительно установленные связи с профильными министерствами конкретизируют отдельные направления сотрудничества, будь то вопросы экономического, транспортного, промышленного или социального характера. Наибольшую вовлеченность по количеству «соседей» в сети занимает Правительство Белоруссии, оформившее официальные отношения почти с 2/3 субъектами Российской Федерации, что на графе отображает её центральное положение в сети и большой размер круга (См. Рисунок 3).

Долевое соотношение нероссийских субнациональных акторов и государственных акторов в сети выглядит следующим образом. Большая доля связей приходится на отношения с партнёрами из Китая и Украины. За ними следуют связи с акторами из Казахстана, Японии, Монголии, Белоруссии и Узбекистана. Однако долевое соотношение не показывает, какое структурное положение внутри сети занимают иностранные партнёры российских субнациональных акторов. Важным параметром для оценки этого значения выступает параметр «гармоничной центральности по близости» (*harmonic closeness centrality*), который используется для измерения положения субъекта относительно остальных внутри графа,

компоненты которого не связаны между собой, и определяется по формуле [Boldi Vigna 2014: 230]:

$$C(u) = \sum_{v \neq u} \frac{1}{d(v, u)}$$

где этот параметр от некоторого узла ($C(u)$) определяется величиной, обратной расстоянию кратчайшего пути от всех других узлов до определяемого узла. Отсюда следует, что чем большее значение параметра гармоничной центральности по близости у иностранного субнационального актора, тем более значимое положение он занимает с точки зрения включения во внешние связи с российскими регионами.

В представленной таблице в сети регионов большую включенность показывают как регионы, так и государственные акторы. Также стоит отметить, что значимое положение занимают отдельные области Белоруссии, что косвенно подтверждает их ценность и для российских субъектов федерации в качестве надёжных партнёров, и для внешней политики России, для которой страна является важным стратегическим партнёром и участником совместных макрорегиональных проектов.

Международные организации и их институты занимают малую долю в сетях. Тем не менее, для некоторых субнациональных акторов взаимодействие с ними носит особый интерес. Подобные связи по-своему подтверждают стремление региона к выходу на международный уровень. В частности, для Ханты-Мансийского автономного округа отношения с Международным банком реконструкции и развития носят практическую пользу в области улучшения экологической ситуации в регионе, инвестированию проектов по достижению лучших показателей в безопасном и безотходном производстве, в то время как сотрудничество с Северным Форумом интегрирует регион в международную кооперацию в Арктическом регионе с другими иностранными партнёрами в лице некоммерческих организаций и представителей региональной власти. В свою очередь для национальных Республик

Татарстана и Башкортостана сотрудничество с Организацией Объединённых Наций по промышленному развитию и Программой развития Организации Объединённых Наций показывает стремление этих этнических республик к встраиванию в глобальное пространство для поиска дополнительных ресурсов, инвесторов на международном рынке (См. элементы А. и Б. на Рисунке 3).

Примечательны связи российских субнациональных акторов с непризнанными или частично признанными регионами. На их сотрудничество можно посмотреть, как на дополнительный уровень внешней политики, которая выполняет компенсаторную функцию. На деле происходит «связывание» не только по межгосударственной линии, но и по межрегиональной, с опорой на форматы диагонального сотрудничества. Это отчасти позволяет разрешить проблему признания и нахождения государств и регионов в «серой зоне» мировой политике. В частности, это можно отнести к ситуации с Абхазией и Южной Осетией, правительства и отдельные административно-территориальные единицы которых имеют соглашения и сотрудничают с субъектами Российской Федерации. Второй аспект затрагивает сотрудничество с теми де-факто государствами, которые находились или находятся в состоянии войны. Применительно к Донецкой и Луганской народным республикам это может показывать, что установленные связи с этими регионами ещё до событий 2014 года, могут трансформироваться и обрести дополнительные смыслы для субнационального и национального уровней (См. элемент В. на Рисунке 3).

Сеть городов

По сравнению с регионами города менее скованы в выборе своих международных партнёров. В отличие от субъектов Российской Федерации, которые были вынуждены с нуля или по новой выстраивать отношения с иностранными контрагентами после 1990-х годов, города преодолевали этот разрыв через продолжение уже имеющегося опыта сотрудничества по гуманитарной и культурной линии. Истоки таких связей оказались более жизнеспособными и во многом продолжили исполнять функцию связи между сначала

советским, затем российским обществом с одной стороны, и обществами государств Европы и Северной Америки с другой стороны [Золотарев 2022: 38-39]. В сети городов представлено больше компонентов, что косвенно может говорить о большем количестве направлений и вариантов, с кем возможно заключение внешних связей (См. Рисунок 4).

Для внешних связей городов также характерно наличие асимметрий. Первый тип таких асимметрий имеет сходства со случаями в рамках внешних связей регионов. Здесь города или городские администрации, помимо транснационального сотрудничества между собой, устанавливают связи с регионами других государств (См. элемент Б. на Рисунке 5). Единственное, это заметно в отношениях с регионами из стран Европы и требует дополнительных наблюдений и проверок на большем количестве внешних связей. Второй тип асимметрий касается не столько межуровневого взаимодействия, сколько поднимает вопрос о границах субъектности городов в качестве коллективных акторов. Здесь формат сотрудничества по линии «город – город» дополняется форматом «город - объединение городов» (См. элемент А. на Рисунке 5). Так, между администрацией Гатчины и Ассоциацией муниципалитетов Мальты обеими сторонами подписан рамочный договор, охватывающий международное сотрудничество в сфере экономической, научно-технической, культурной и гуманитарной областях. Подобные практики ретранслируют исторически богатый опыт взаимодействия городов и городских объединений: от ad hoc союзов в античное время эллинических полисов до союзов городов эпохи Средневековья, которые в отдельные исторические этапы составляли конкуренцию складывающимся в то время суверенным государствам.

В выборке обозначенных городов можно отметить тенденцию к образованию двух подгрупп по уровню вовлечённости в международное сотрудничество. К первой относятся те городские образования, которые сами тяготеют к количественной и страновой диверсификации связей, что сопровождается высоким показателями числа внешних

связей по сравнению с другими, например, Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Екатеринбург и другие. Отличительной чертой для второй подгруппы является сфокусированность на приграничных и географически близких к таким субнациональным акторам партнёрах. Например, к таким городам можно отнести Благовещенск, Южно-Сахалинск, Нарьян, Орёл и другие. Границы двух подгрупп условны, что осложняет распределение остальных городов между ними. Для достижения этой цели потребуется выделить отдельные параметры и проранжировать города по условной шкале от «глобальности-региональности».

Долевое соотношение нероссийских субнациональных акторов применительно к городам выглядит следующим образом. Большая доля связей приходится на отношения с партнёрами из Китая, США и Германии. За ними следуют связи с акторами из Франции, Польши, Болгарии и Южной Кореи. Как и в случае с нероссийскими регионами, параметр гармоничной центральности по близости позволяет определить, какие зарубежные города сильнее остальных вовлечены в сети внешних связей (См. Таблица 2). По сравнению с регионами в них представлено большее разнообразие стран, что подтверждает даже обычная выборка в 10 акторов. Примечательно, что столицы некоторых стран постсоветского пространства выступают и важными узлами-посредниками для внешних связей российских городов. Это косвенно также может говорить о том, что города, как и регионы, способны выступать связующим элементом во внешней политике страны.

Обсуждение и выводы

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, предложенная теоретико-методологическая рамка для исследования остаётся эклектичной. Рассмотрение неклассических акторов международных отношений, а именно субнациональных акторов, требует дополнительной концептуализации и обращения к средним теориям из политической науки. Поскольку базовые

теории международных отношений ограничены и не способны дать необходимую систему различий.

Во-вторых, обращение к методологии сетевого анализа в рамках исследования позволило системно взглянуть на имеющуюся совокупность связей субнациональных акторов Российской Федерации. Смещение акцента с рассмотрения частных случаев внешних связей регионов и городов на их комплексное изучение, даёт более подробное представление о ключевых партнёрах и их потенциальной значимости. Вместе с этим сетевой анализ позволил вклиниться в структуру и посмотреть на внешние связи субнациональных акторов не через оптику причинно-следственных связей, а как на результаты горизонтального взаимодействия субъектов.

При всех возможностях, которыми располагает инструментарий сетевого анализа, применительно ко внешним связям российских субнациональных акторов с их зарубежными контрагентами, он обладает рядом ограничений. Прежде всего это касается имеющейся информации, качество и актуальность которой подвержены устареванию и неполноте. Также критике может быть подвергнут выбор в качестве единицы анализа именно факт наличия соглашения российского субнационального актора с иностранными контрагентами, так как само наличие связи не обязательно говорит об априорном активном его использовании. Между российским городом или регионом, с одной стороны, и государственным агентом или международным институтом с другой стороны могут быть подписаны десятки соглашений, однако реализовываться из них может часть или даже никакой из них.

Другим ограничением выступает предельная полезность самой методологии сетевого анализа к изучению процессов на субнациональном уровне мировой политики. Применение параметров и категорий из науки о сетях и сетевого анализа требует дополнительной интерпретации и приложения на процессы, которые не тождественны процессам между индивидами. Многие возможности и более

широкий инструментарий для проведения количественного сетевого анализа потребуют корректировки и перестраивания рамки концептуализации. В частности, это может касаться проведения сетевого анализа с применением различных статистических моделей, которые будут нацелены на поиск вероятностных закономерностей в создании и развитии сетей.

Вышеназванные ограничения не обесценивают эпистемологический потенциал методологии сетевого анализа к изучению процессов мировой политики и

международных отношений. Полученные результаты на одной выборке потребуют дополнительных апробаций на более крупной выборке или на всех российских регионах и городских образованиях, чтобы подтвердить или оспорить выводы текущей работы. Это может дать импульс новым подходам к рассмотрению феноменов в международном пространстве. В частности, углубить понимание процессов, которые происходят на уровне ниже взаимодействия государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов, Ю. Г.* Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // Сравнительная политика. 2021. № 3. Т. 12. С. 33–41.
- Дегтерев Д. А.* Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. 2015. №6. С. 119-138.
- Довбыш Е. Г.* Роль глобальных сетей городов в мировой политике // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 18-31.
- Жданов П. А.* «Группа двадцати» в терминах и категориях сетевого подхода // Вестник международных организаций: Образование, наука, новая экономика. 2013. № 3. Т. 8. С. 61-72.
- Золотарев Ф. Е.* Субнациональный уровень внешней политики России: анализ внешних связей субнациональных акторов / Ф. Е. Золотарев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 2(847). С. 33-42. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_33.
- Рустамова Л.Р.* Внешние связи приграничных российских регионов // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15(1). С. 177-206. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206
- Саворская Е.В.* Проблемы и перспективы применения сетевого подхода к исследованиям мировой политики // Вестник МГИМО-Университета. 2011. 3(18). С. 275-279. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-3-18-275-279.
- Alger C. F.* The UN System and Cities in Global Governance. New York : Springer International Publishing, 2014. 175 p.
- Boldi P., Vigna S.* Axioms for centrality // Internet Mathematics, 2014, Vol. 10. Issue 3-4, P. 222-262.
- Curtis S., Acuto M.* The Foreign Policy of Cities // The RUSI Journal. 2018. № 6. Т. 163. P. 8–17.
- Hafner-Burton E. M., Kahler M., Montgomery A. H.* Network Analysis for International Relations // International Organization. 2009. №63(3). P. 559-592.
- Joenniemi P., Sergunin A.* Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy // Problems of Post-Communism. 2014. № 6(61). P. 18–33.
- Kangas A.* Global Cities, International Relations and the Fabrication of the World // Global Society. 2017. vol 31. issue 4. P. 531-550. DOI: 10.1080/13600826.2017.1322939
- Kuznetsov A. S.* Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs. - New York : Routledge, 2015. - 174 p.
- Maaz Z.* How Network Analysis Can Inform the Study of International Relations // Conflict Management and Peace Science. Vol. 29. No. 3. Special Issue: Networked Perspectives of International Relations, July 2012. pp. 247-256.
- Maaz Z.* Networks of Nations. The Evolution, Structure, and Impact of International Networks 1816–2001. - Cambridge: Cambridge University Press, 2010. - 433 p.

- Maoz Z., Joyce A. K. The effects of shocks on international networks: Changes in the attributes of states and the structure of international alliance networks // *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53(3). P. 292–309. DOI: 10.1177/0022343316632854
- Russett B., Starr H., Kinsella D. *World Politics. Menu for Choice*. Belmont: Wadsworth. 2004 - 563 p.
- Tavarez R. *Paradiplomacy: City and States as Global Players*. - Oxford : Oxford University Press, 2016. - 272 p.
- Wasserman S., Faust K. *Social network analysis: Methods and applications*. Cambridge University Press, 1994. - 825 p.

REFERENCES

- Akimov Yu. G. (2021). International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations. *Comparative Politics Russia*, 12(3), 33-41. (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10026>.
- Alger C. F. (2014). *The UN System and Cities in Global Governance*. Springer International Publishing.
- Boldi P. & Vigna S. (2014). Axioms for centrality. *Internet Mathematics*, 10(3-4), 222-262. <https://doi.org/10.1080/15427951.2013.865686>.
- Curtis S. & Acuto M. (2018). The Foreign Policy of Cities. *The RUSI Journal*. 163(6), 8–17. <https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1562014>
- Degterev D. A. (2015). Network Analysis of International Relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 4, 119-138 (In Russ.).
- Dovbysh E. G. (2014). On the Role of Global Networks of Cities in World Politics. *Human. Community. Management*, 1, 18-31 (In Russ.).
- Hafner-Burton E. M., Kahler M. & Montgomery A. H. (2009). Network Analysis for International Relations. *International Organization*, 63(3), 559-592. <https://doi.org/10.1017/S0020818309090195>.
- Joenniemi P. & Sergunin A. (2014). Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy. *Problems of Post-Communism*, 6(61), 18–33.
- Kangas A. (2017). Global Cities, International Relations and the Fabrication of the World. *Global Society*, 31(4), 531-550. <https://doi.org/10.1080/13600826.2017.1322939>.
- Kuznetsov A. S. (2015). *Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs*. Routledge.
- Maoz Z. (2010). *Networks of Nations. The Evolution, Structure, and Impact of International Networks 1816–2001*. Cambridge University Press.
- Maoz Z. (2012). How Network Analysis Can Inform the Study of International Relations. *Conflict Management and Peace Science*, 29(3), 247-256.
- Maoz Z. & Joyce A. K. (2016). The effects of shocks on international networks: Changes in the attributes of states and the structure of international alliance networks. *Journal of Peace Research*, 53(3), 292–309. <https://doi.org/10.1177/0022343316632854>
- Russett B., Starr H. & Kinsella D. (2004). *World Politics. Menu for Choice*. Wadsworth.
- Rustamova, L. R. (2022). External Relations of Russian Border Regions, *MGIMO Review of International Relations*, 15(1), 177-206. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206>.
- Savorskaya E. V. (2011). Perspectives and Pitfalls of Network Approach to the International Relations Studies. *MGIMO Review of International Relations*, 3(18), 275-279. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-3-18-275-279>.
- Tavarez R. (2016). *Paradiplomacy: City and States as Global Players*. Oxford University Press.
- Wasserman, S. & Faust K. (1994). *Social network analysis: Methods and applications*. Cambridge University Press.
- Zhdanov P. A. (2013). "Group of Twenty" in Terms and Categories of Network Approach, *Bulletin of International Organizations. Education, Science, New Economy*, 3, 61-72 (In Russ.).

Zolotarev F. E. (2022). Subnational level of Russian foreign policy: analysis of subnational units' external relations, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(847), 33–42 (In Russ.). https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_2_847_33.

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

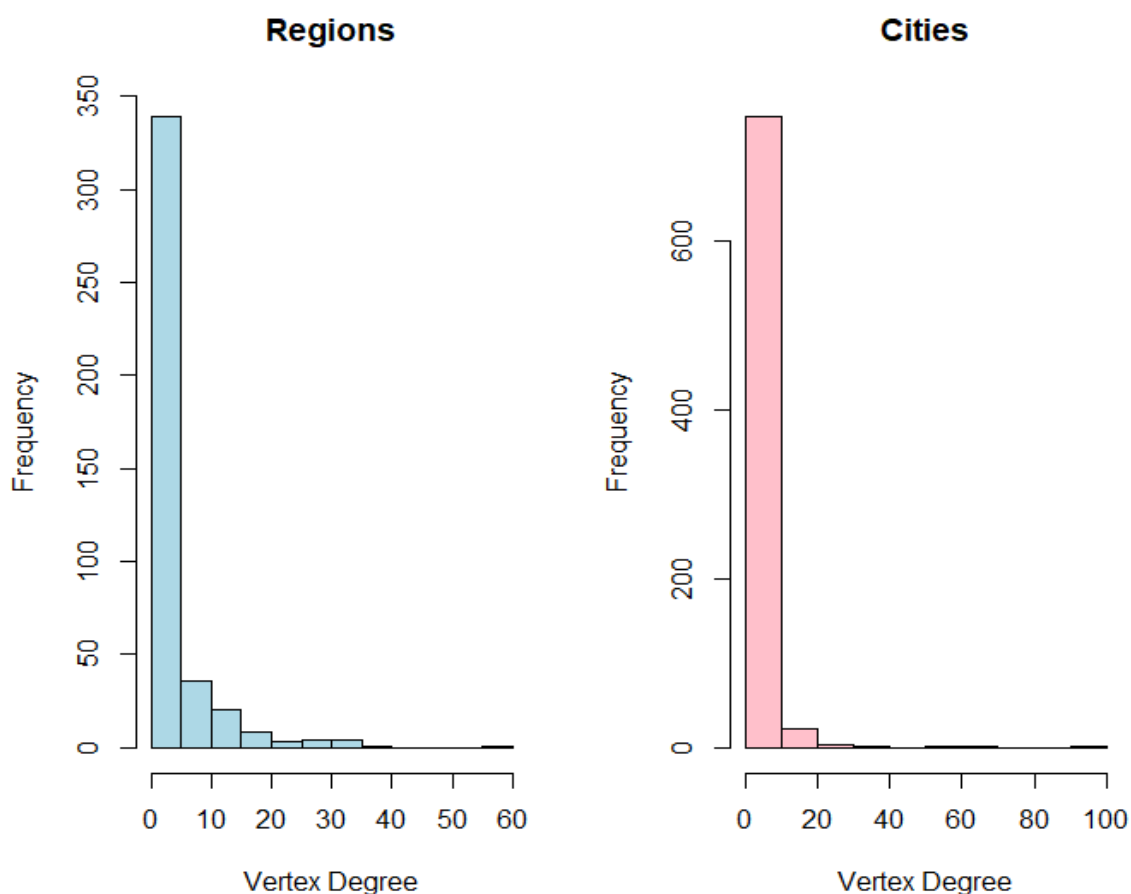

Рисунок 1. График распределений количества акторов (Frequency) по показателю степени узла (Vertex Degree).

Picture 1. Distribution plot based on two parameters: Frequency or number of actors and Vertex Degree of them.

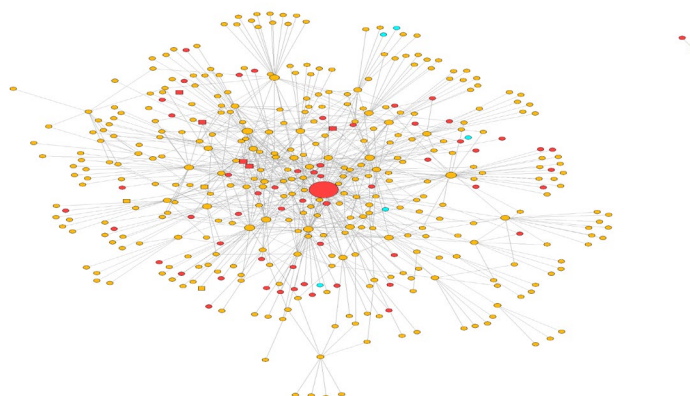
Параметры	Сеть регионов	Сеть городов
Кол-во узлов	416	777
Кол-во связей	832	936
Диаметр	8	12
Плотность	0,009638554	0,003104725
Транзитивность	0,002781383	0
Кол-во компонентов	2	13

**Таблица 1. Сравнительная статистика сетей регионов и городов.
Table 1. Comparative statistics between regions' network and cities' network.**

№	Гармоническая центральность по близости (сеть регионов)		Гармоническая центральность по близости (сеть городов)	
	Актор	Значение	Город	Значение
1	Правительство Белоруссии	0.548628	Минск	0.367186
2	Иссык-кульская область	0.411299	Ереван	0.334295
3	Минск	0.397861	Вильнюс	0.317538
4	Могилевская область	0.390718	Улан-Батор	0.312511
5	Брестская область	0.381638	Баку	0.310808
6	Провинция Хэйлунцзян	0.377684	Гданьск	0.301119
7	Гродненская область	0.373971	Бишкек	0.299561
8	Правительство Кыргызстана	0.3682	Харьков	0.297416
9	Витебская область	0.366465	Гомель	0.294015
10	Правительство Азербайджана	0.36134	Гамбург	0.291747

Таблица 2. Значение параметра гармоничной центральности по близости у первых 10 нероссийских субнациональных акторов в сети регионов и сети городов в самом крупном кластере. Значение параметра выражено на шкале с диапазоном значений от 0 до 1 [0;1].

Table 2. Index of the top-10 non-Russian actors in networks according to the harmonic closeness centrality. Represented by range from 0 to 1 [0;1].

**Рисунок 2. Граф сети регионов⁷.
Picture 2. Graph of regions' network.**

⁷ Размеру круга соответствует его положение внутри сети: чем выше степень посредничества актора, тем больше его круг. Отличными цветами представлены разные группы акторов: красный цвет присвоен государственным акторам и агентам (например, национальным правительствам или министерствам); жёлтый цвет присвоен субнациональным акторам; бирюзовый цвет закреплен за международными агентствами и институтами. Форма узла отображает статус принадлежности к признанному (круг), ограничено признанному государству или территории (квадрат).

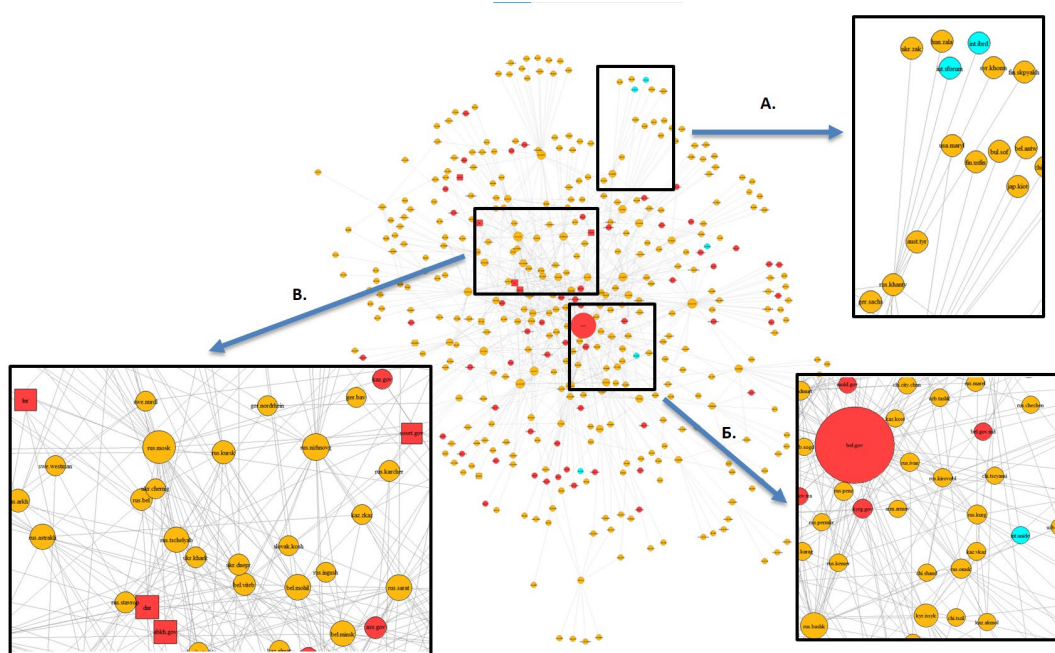

Рисунок 3. Детализированный граф сети регионов с закодированными наименованиями акторов.

Picture 3. Detailed graph of regions' network with encoded actors.

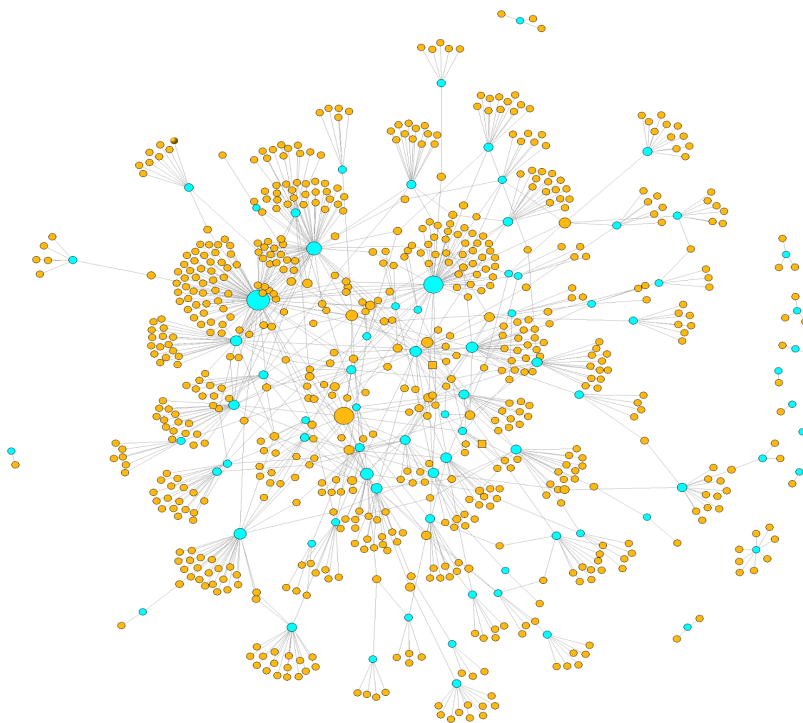

Рисунок 4. Граф сети городов⁸.

Picture 4. Graph of cities' network.

⁸ Размеру круга соответствует его положение внутри сети: чем выше степень посредничества актора, тем больше его круг. Различение цветом призвано отделить российских субнациональных акторов (бирюзовый цвет) от их партнёров из других стран (жёлтый цвет). Форма узла отображает статус принадлежности к городу или городскому образованию (круг), к региону или более крупной, чем город, административной единице (квадрат). Отдельно зафиксировано коллективная форма объединения субнациональных акторов (сфера).

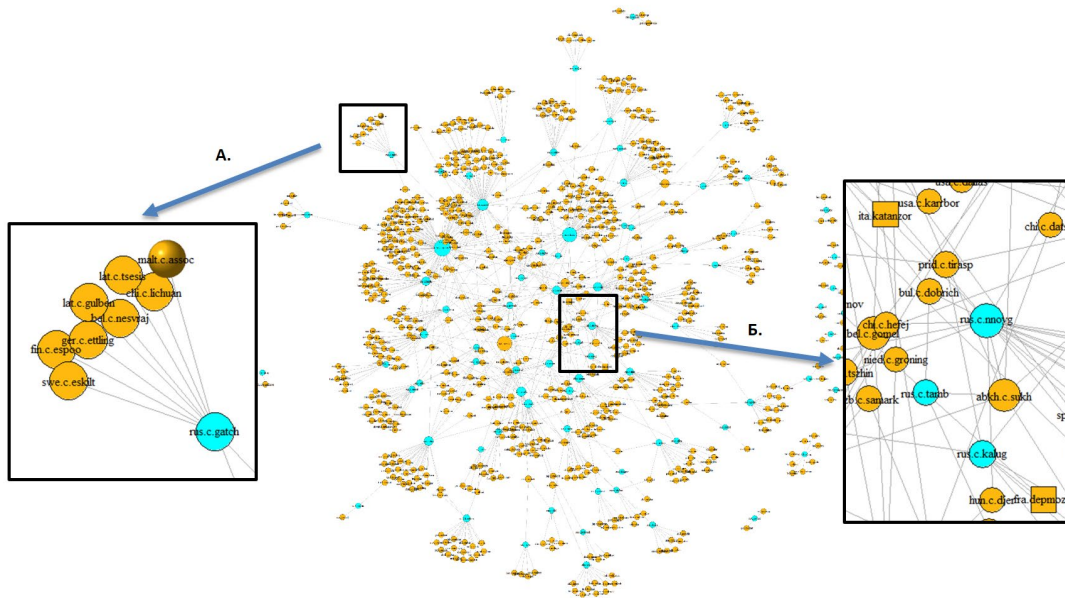

Рисунок 5. Детализированный граф сети городов с закодированными наименованиями акторов.

Picture 5. Detailed graph of cities' network with encoded actors.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Золотарев Федор Евгеньевич,
аспирант Санкт-Петербургского
государственного университета, член
комитета №23 по исследованию
международного межрегионального
сотрудничества Российской ассоциации
политической науки, Санкт-Петербург,
Россия. (E-mail:
fedor.zolotarev.ekb@gmail.com)

Fedor E. Zolotarev, PhD Student of the
Saint Petersburg University, member of the
Research Committee №23 International and
Interregional Cooperation of the Russian
Political Science Association, Saint Petersburg,
Russia. (E-mail:
fedor.zolotarev.ekb@gmail.com)

ПРОБА ПЕРА / FIRST STEPS

Научная статья / Research article

Мотивации государственной языковой политики в сфере русского языка в России

Дин Синь

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, КНР

E-mail: 1132215508@rudn.ru

Аннотация. Языковая политика является одним из важнейших компонентов государственной политики. Причины перехода от плюралистической языковой политики к языковой политике по приоритетному развитию русского языка в РФ в 1991-2022 гг. многообразны. В процессе анализа мотивации государственной языковой политики в сфере русского языка РФ необходимо рассмотреть два вопроса. Во-первых, почему в 1991-1999 гг. РФ приняла плюралистическую языковую политику, которая не только установила и закрепила статус русского языка как государственного, но и уважала и поддерживала развитие других этнических языков. Во-вторых, почему в 2000-2022 гг. РФ переориентировала свою языковую политику и сделала продвижение и развитие русского языка приоритетом государственной языковой политики. Используя структуру анализа факторов, влияющих на языковую политику, предложенную Б. Спольски в качестве теоретического ориентира, в данной работе анализируются мотивации государственной языковой политики в сфере русского языка РФ с четырёх точек зрения: языковая ситуация в обществе, государственная языковая идеология, языковые права и распространение английского языка в контексте глобализации. Исследование показывает, что формулирование, реализация и корректировка государственной языковой политики в сфере русского языка РФ преследуют в основном две цели. С одной стороны, это корректировка частей правовых документов, которые несовместимы с текущей ситуацией развития языка и не способны удовлетворить потребность развития государства в новый период; с другой стороны, это использование русского языка в качестве основы для единой идеологии и построение единой национальной идентичности через языковую идентичность.

Ключевые слова: мотивация, языковая политика, русский язык, Российская Федерация.

Для цитирования: Дин Синь. Мотивации государственной языковой политики в сфере русского языка в РФ // Постсоветские исследования. 2023;4(6):472-483.

Motivations of the Russian language policy in the Russian Federation

Ding Xinyi

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

E-mail: 1132215508@rudn.ru

Abstract: Language policy is one of the most important components of national Policy. The reasons for the transition from a pluralistic language policy to a language policy for the priority development of the Russian language in the Russian Federation during 1991-2022 are manifold. When analyzing the motivation behind the Russian language policy in the Russian Federation, it is necessary to consider two questions. First, why in 1991-1999 the Russian Federation adopted a pluralistic language policy that not only established and consolidated the status of the Russian language as the national language, but also respected and supported the development of other ethnic languages. Second, why in 2000-2022 the Russian Federation refocused its language policy and made the promotion and development of the Russian language a priority of national language policy. Using B. Spolsky's structure of analysis of factors influencing language policy as a theoretical reference

point, this paper analyzes the motivations for national language policy in the Russian Federation from four perspectives: the language situation in society, national language ideology, language rights, and the spread of English in the context of globalization. The study shows that the formulation, implementation, and adjustment of the national language policy of the Russian Federation has mainly two goals. On the one hand, it is the adjustment of parts of the legal documents that are incompatible with the current situation of language development and unable to meet the needs of the development of the state in the new period; on the other hand, it is the use of the Russian language as the basis for a unified ideology and the construction of a unified national identity through a linguistic identity.

Key words: motivation, language policy, Russian language, Russian Federation.

For citation: Ding Xinyi. Motivations of the Russian language policy in the Russian Federation // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):472-483. (In Russ.).

На формулирование языковой политики влияют многие факторы. В процессе анализа языковой политики на примере Исландии и Франции, Б. Спольски предположил, что на языковую политику влияют четыре основных фактора: языковая ситуация в обществе, государственная языковая идеология, языковые права и распространение английского языка в контексте глобализации. [Спольски 2011: 87]

Языковая ситуация в обществе включает в себя количество и разнообразие языков, на которых говорят в стране, размер и состав населения, говорящего на каждом языке, а также коммуникативную ценность каждого языка в языковом сообществе и за его пределами. [Спольски 2011: 246] Таким образом, языковая ситуация в обществе является фундаментальным фактором, влияющим на языковую политику. Государственная языковая идеология относится к отношению людей к самому языку и его использованию. Государственная языковая идеология определяет выбор и использование одного или даже нескольких языков. На формирование государственной языковой идеологии влияют различные исторические, политические, этнические, религиозные и культурные факторы, среди которых политическая условия страны и формирование национальной идентичности оказывают наиболее глубокое влияние на государственную языковую идеологию.

Выбор языка является важной частью прав человека и гражданских прав. Международные конвенции и наднациональные организации способствуют развитию языкового плюрализма и признанию индивидуальных и

коллективных прав. Всё большее число стран прямо предусматривают языковые права в правовых документах, касающихся языковой политики. Языковая ситуация в Российской Федерации всё ещё находится под влиянием истории и политики СССР. Вопрос о соотношении прав между русским и другими национальными языками также в определенной степени влияет на развитие языковой политики РФ. Поэтому в данной работе утверждается, что вопрос языковых прав нельзя игнорировать при анализе государственной языковой политики в сфере русского языка РФ.

В условиях глобализации, быстрое развитие стран, использующих английский язык, таких как Великобритания и США, повысило международный статус английского языка, а лингвистическая гегемония, которую английский язык установил во всем мире, усилила влияние стран, использующих его. Английский язык имеет особый лингвистический статус на международном уровне. Объективно говоря, английский уже является глобальным языком, и он стал объектом управления языком во многих странах. Большинство стран, затронутых глобализацией, стремятся улучшить использование английского языка своим населением, чтобы ускорить свою интеграцию в тенденцию глобализации и как можно быстрее извлечь экономическую выгоду из своих языковых ресурсов. Однако есть также много стран и народов, которые воспринимают английский язык как агрессивный иностранный язык. Для того чтобы сохранить чистоту своих языков и противостоять влиянию английского языка, многие страны ввели ограничения на

использование английского языка в рамках процесса управления языками. В результате английский язык является одним из факторов, которые страны должны учитывать при разработке своей языковой политики.

В данной работе в качестве теоретической основы взяты четыре основных фактора, влияющих на языковую политику, предложенные Б. Спольски, анализируется численность населения, этнический состав и уровень владения русским языком, чтобы дать точную и полную картину языковой ситуации в обществе РФ; рассматриваются государственная языковая идеология и её изменения, проблемы языковых прав и влияние распространения английского языка на русский язык в РФ, а также анализируется, как эти факторы влияют на разработку, адаптацию и реализацию государственной языковой политики в сфере русского языка РФ.

Языковая ситуация в обществе в РФ

В данном разделе представлен подробный анализ численности населения, этнического состава и владения русским языком в Российской Федерации за период 2002-2022 гг. В десятилетие 1991-2001 гг. в РФ не проводилась всероссийская перепись населения. С начала XXI века в России было проведено три переписи населения - в 2002, 2010 и 2020 гг.¹ На основе данных Всероссийской переписи населения 1939-2020 гг. была составлена таблица 1².

По данным Федеральной службы государственной статистики, в настоящее время в РФ проживает 146,9 млн человек (по состоянию на 1 января 2022 г.)³. В сочетании с данными ВПН с 1939 по 2020 год, население России показало устойчивое снижение в период с 1990 по 2010 год, с небольшим увеличением общей численности

населения в период с 2010 по 2020 год. Население России, составлявшее в 1993 г. 148,6 млн человек, в 2008 г. сократилось примерно до 142,8 млн, то есть почти на 6 миллионов человек. В 2013 г., впервые после обретения независимости, в России наблюдался естественный прирост населения. В 2015 г. общая численность населения России выросла до 146,3 миллиона человек, а в 2017 г. общая численность населения России выросла до 146,88 миллиона человек. [Ли Минь 2021: 62] Однако экономические и социальные факторы, а также влияние COVID-19 вновь усиливают демографическое давление на Россию. За трехлетний период 2018-2020 гг. общая численность населения России сокращается на 0,5% (примерно на 1,228 млн человек), и хотя за тот же период наблюдается приток примерно 517 тысяч иностранных мигрантов, этого недостаточно, чтобы компенсировать естественную убыль населения. [Ли Минь 2021:63] Как видно, снижение численности населения является одной из основных проблем, стоящих перед Россией в социальной сфере в настоящее время и в будущем.

В 2002 г. в России была проведена первая всероссийская перепись населения после распада СССР. На основе данных ВПН 2002 года в данной работе подготовлены рисунок 1⁴ и таблица 2⁵.

По результатам ВПН-2002, численность постоянного населения РФ составила 145,2 млн человек. Россия занимает седьмое место в мире по численности населения после Китая (1285 млн. человек), Индии (1025 млн. человек), США (286 млн. человек), Индонезии (215 млн. человек), Бразилии (173 млн. человек) и Пакистана (146 млн. человек)⁶. Перепись подтвердила, что РФ является одним из самых

¹ Первоначально запланированная на октябрь 2020 года, дата проведения ВПН несколько раз менялась из-за COVID-19 и в итоге была перенесена на октябрь 2021 года.

² Данные, приведенные в таблице, получены из Федеральной службы государственной статистики РФ // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/To_m5_tab1_VPN-2020.xlsx и https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Images/typeicons/pdf.gif (дата обращения: 28.01.2023)

³ Данные из Федеральной службы государственной статистики РФ // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 23.01.2023)

⁴ Данные из Федеральной службы государственной статистики РФ // URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 25.01.2023)

⁵ Там же.

⁶ Там же.

многонациональных государств мира - представители свыше 160 национальностей проживают на территории страны. (В материалах переписи 2002 г. выделялись 182 единицы этнической номенклатуры: 142 отдельных народа, и 40 этнических групп.) Русские являются наиболее многочисленной национальностью, их численность составила 115,9 млн человек. Семь народов, населяющих Россию – Русские (79,83%), Татары (3,83%), Украинцы (2,03%), Башкиры (1,15%), Чуваши (1,13%), Чеченцы (0,94%) и Армяне (0,78%), имеют численность населения, превышающую 1 млн человек.

В 2010 году в России была проведена вторая всероссийская перепись населения после распада СССР. На основе данных ВПН 2010 года получены рисунок 2¹ и таблица 3².

По результатам ВПН-2010, численность постоянного населения РФ - 142,9 млн человек. В РФ насчитывается 193 национальностей. РФ занимает восьмое место в мире по численности населения после Китая (1335 млн. человек), Индии (1210 млн. человек), США (309 млн. человек), Индонезии (238 млн. человек), Бразилии (191 млн. человек), Пакистана (165 млн. человек) и Бангладеш (147 млн. человек).³ По сравнению с переписью населения 2002 г. численность населения уменьшилась на 2,3 млн. человек, в том числе в городских населенных пунктах – на 1,1 млн. человек, в сельской местности – на 1,2 млн. человек. В РФ говорят на 277 языках и диалектах. Семь народов, населяющих Россию – Русские (77,71%), Татары (3,72%), Украинцы (1,35%), Башкиры (1,11%), Чуваши (1,01%), Чеченцы (1,00%) и Армяне (0,83%), имеют численность населения, превышающую 1 млн человек.

В 2020 г. в России была проведена третья всероссийская перепись населения после распада СССР. По ВПН 2020 года получены рисунок 3⁴ и таблица 4⁵.

По результатам ВПН-2020, численность

постоянного населения РФ - 147,2 млн. человек. В РФ проживают представители более 194 национальностей (этнических групп). Шесть народов, населяющих Россию – Русские (71,73%), Татары (3,20%), Чеченцы (1,14%), Башкиры (1,07%), Чуваши (0,73%), Аварцы (0,69%), имеют численность населения, превышающую 1 млн. человек. Семь народов, населяющих Россию – Армяне (0,64%), Украинцы (0,60%), Даргинцы (0,43%), Казахи (0,40%), Кумыки (0,38%), Кабардинцы (0,36%), Ингуши (0,35%), имеют численность населения, с 0,5 млн. человек до 1 млн. человек. Ещё существует также множество национальностей с населением менее 500 000 человек. Например, Лезгины, Осетины, Мордва, Якуты, Азербайджанцы, Буряты, Марийцы, Удмурты, Таджики, Узбеки, Тувинцы, Белорусы, Немцы, Калмыки, Киргизы, Грузины и т.д.

Сравнивая данные рисунка 1, рисунка 2, таблицы 2 и таблицы 3, можно увидеть, что в период 2002-2010 гг. численность этнических русских абсолютно преобладала в общей численности населения РФ. Татары, Украинцы, Башкиры, Чуваши, Чеченцы и Армяне занимают 2-7 место в общей численности населения РФ с населением более одного миллиона человек. Можно сказать, что этническая структура России за период 2002-2010 гг. не существенно изменилась, за исключением небольших изменений в численности населения некоторых этнических групп. Сравнение данных, представленных на рисунке 2, рисунке 3, таблице 3 и таблице 4, показывает, что количество людей с неопределенной этнической принадлежностью в период с 2010 по 2020 год увеличилось с 4% до 11%, что составляет примерно 10965 тысяч человек; количество русских уменьшилось с 78% до 72%, что составляет снижение на 5438 тысяч человек, но по-прежнему занимает первое место в списке. Следует

¹ Данные из Федеральной службы государственной статистики РФ // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.01.2023)

² Там же.

³ Данные приведены по ВПН-2010 // URL:

https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Image_s/typeicons/doc.gif (дата обращения: 25.01.2023)

⁴ Данные из Федеральной службы государственной статистики РФ // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.01.2023)

⁵ Там же.

отметить, что число украинцев упало с 3-го (1928 тысяч человек) на 8-е (884 тысяч человек), а число чеченцев выросло с 6-го на 3-е.

По ВПН-2002, ВПН-2010 и ВПН-2020, получена таблица 5¹.

В 2002 году число людей в РФ, овладевших русским языком, составило 142,57 млн человек, занимало 98,21% от общей численности населения. Число за 2010 год в годовом исчислении составило 137,49 млн человек (96,25%); в 2020 году составило 134,32 млн человек (91,26%). По результатам ВПН-2010, в 2010 году владение русским жестовым языком глухих указали 121 тыс. человек.² Кроме того, среди других языков наиболее распространенными являются английский, татарский, немецкий, чеченский, башкирский, украинский, чувашский. По результатам ВПН-2020, в 2020 году владение русским жестовым языком глухих указали 240 тыс. человек³.

Что касается численности населения, то в период с 1990 по 2010 год наблюдалась постоянная тенденция к снижению общей численности населения РФ, в период с 2010 по 2020 год наблюдался небольшой рост общей численности населения РФ. В настоящее время РФ сталкивается с такими проблемами, как сокращение численности населения и старение населения. С точки зрения этнического состава, численность русских всегда была самой большой в РФ, с абсолютным преимуществом. С точки зрения владения русским языком, сумма численности русских и других национальностей и численности людей, овладевших русским языком в период 2002-2020 годов, примерно одинакова. Это означает, что все национальности, кроме русских, также овладели русским языком. Русский язык является самым распространенным языком среди народов РФ. С одной стороны, это свидетельствует о

широкой базе использования русского языка в РФ и обоснованной правильности использования русского языка в качестве государственного языка РФ для укрепления сплоченности и центристской силы государства; с другой стороны, это доказывает эффективность государственной языковой политики в сфере русского языка РФ в 21 веке.

Государственная языковая идеология в РФ

Не правила языка влияют на судьбу языка, а отношение людей к нему. Языковая идеология отражает отношение людей к самому языку и его использованию и определяет выбор и использование определенного или даже нескольких языков. Языковая идеология может исходить из индивидуального или коллективного источника. Индивидуальное отношение к языку и выбор способа его использования не оказывают решающего влияния на формулирование и реализацию государственной языковой политики, но коллективное отношение - наоборот. Коллектив может быть основан на государстве или нации. Когда единицей является государство, государственная языковая идеология РФ проявляется как отношение федерального правительства и правительства республики к языку.

После распада СССР совокупная сила государства РФ ослабла, международный авторитет снизился, и радикальные перемены вызвали широкое распространение в России различных социальных взглядов. Ельцин выступал за вестернизированный путь развития и искал экономической помощи у западных стран, но программа развития не увенчалась успехом. Нестабильность политической, экономической и культурной среды и приток западной идеологии вызвали значительное снижение чувства идентичности и

¹ Данные, приведенные в таблице, получены из Федеральной службы государственной статистики РФ // URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 26.02.2023)

² Об итогах ВПН 2010 года // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Images/typeicons/doc.gif (дата обращения: 12.02.2023)

³ Владение языками и использование языков населением // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 26.02.2023)

принадлежности к стране, что привело к кризису национальной идентичности.

В статье «Россия на рубеже тысячелетий» В. Путин представлял концепт «Российская идея», и он подчеркнул, что «патриотизм», «державность», «государственничество» и «социальная солидарность» являются традиционными ценностями русских с древних времен.¹ В целях формирования новой национальной идентичности президент В. Путин начал общенациональную кампанию всеобщего образования, направленную на пропаганду исторических традиций России, укрепление патриотизма и чувства национальной силы, в надежде возродить русский дух путём пробуждения давно забытой идеологии и традиционных российских культурных ценностей русского народа. [Хэ Цзюньфан 2012:30]

В развитии человеческих обществ и эволюции форм государства, язык является одновременно маркером идентичности и выполняет коммуникативную функцию. Язык обладает сплочающим и центростремительным эффектом, он не только связывает людей вместе, но и способствует формированию чувства сообщества единой судьбы человечества. Поэтому языковая политика, которая регулирует язык, стала одним из средств формирования национальной идентичности.

Русский язык является важным носителем российской истории и культурных традиций. Являясь государственным, официальным и лингва франка Российской Федерации, русский язык не только является символом страны, но и играет важную роль в укреплении национального согласия и поддержании единства государства. Поэтому русский язык является мощной объединяющей силой для всех народов РФ и важным звеном в строительстве новой российской национальной идентичности. В XXI веке в Российской Федерации принято законодательство, закрепляющее статус русского языка как государственного. Приоритет развития русского языка рассматривается как стратегическое

направление государственной языковой политики. Все это направлено на ускорение формирования единого русского духа, создание и укрепление новой российской национальной идентичности.

Вопросы языковых прав в РФ

Право на выбор использования языка является как человеческим, так и гражданским правом. Развитие языкового плюрализма способствует формированию чувства идентичности между индивидуальными и коллективными правами. Языковые права всех этносов должны быть равными, без превосходства или неполноценности. Однако на деле, в силу различий в численности населения и этнической принадлежности, в многонациональном, многоязычном и многокультурном государстве неизбежно существуют доминирующие этносы и меньшинства, доминирующие языки и языки меньшинств. Этнические группы с более многочисленным населением и языки с большим числом носителей имеют большее преимущество в развитии в реальной языковой жизни.

Под импульсом и влиянием международных конвенций и наднациональных организаций многие страны уделяют внимание защите языков меньшинств и гарантируют их языковые права через языковое законодательство и другие формы. Россия - федеративное государство с самым большим в мире типом и количеством субъектов федерации, со сложным этническим составом, разнообразным языком и культурой. Сложные взаимоотношения между государством и нацией, центром и местностью, русским языком и другими этническими языками всегда влияют на ход развития России. Проблема языковых прав стала фактором, который нельзя игнорировать при разработке и реализации языковой политики РФ.

В первые годы существования Российская Федерация проводила языковую политику плюрализма, уважая и гарантируя языковые права всех национальностей.

¹ В.В. Путин. Россия на рубеже тысячелетий // URL: <https://www.rulit.me/books/rossiya-na-rubezhe-tysyacheletij->

[read-598514-1.html](https://www.rulit.me/books/rossiya-na-rubezhe-tysyacheletij-read-598514-1.html) (дата обращения: 02.03.2023)

Каждая республика могла принимать относительно самостоятельные законы, не противоречащие федеральному законодательству, в целях защиты этнических языков и содействия их развитию. Правительство РФ приняло русский язык в качестве федерального государственного языка, а правительство республики приняло «русский и один основной этнический язык» или «русский и несколько основных этнических языков» в качестве государственного языка республики. С законодательной точки зрения, в 1991-1999 годах происходило утверждение и продвижение русского языка без пренебрежения защитой языковых прав других этнических языков. Вступая в XXI век, Российская Федерация продолжает руководствоваться в своей языковой политике принципом равноправия языков. Однако разработка и реализация российской языковой политики в этот период укрепила статус русского языка как государственного и расширила его социальные функции в сфере образования, СМИ и культурной коммуникации. Активное развитие и повсеместное использование русского языка в определенной степени повлияло на пространство для развития других этнических языков.

Влияние распространения английского языка на русский язык

Б. Спольски отмечает, что английский язык входит в социолингвистический пул почти каждой страны. Тот факт, что в любом языке нет недостатка в иностранных словах, является неизбежным результатом политических, экономических и культурных обменов между народами. В условиях глобализации английский язык, как один из самых распространенных языков общения в современном мире, способен быстро отражать новые понятия и вещи, возникающие во всех областях мира, и эта лингвистическая функция делает неизбежным влияние английского языка на другие языки.

Влияние английского языка на

государственную языковую политику в сфере русского языка РФ в основном отражается влияние английского языка на стандартизированное использование русского языка. В результате стремительного развития западных англоязычных стран, большое количество популярных английских слов вошло в русский языковой пул и широко используется в бизнесе, журналистике, культуре и даже политике. По данным отечественных учреждений культуры в России, за десять с лишним лет после распада СССР в повседневный русский язык вошло более 10 тысяч иностранных слов. [Чжоу Миньцюань 2006:55] Подобно кампании по очистке французского языка во Франции, кампания по очистке русского языка ведется с 2001 года.

Президент В. Путин, начиная с апреля 2001 года, неоднократно по разным поводам подчеркивал важность законодательства для защиты государственного языка и обеспечения интересов государства и национального единства. В. Путин утверждал, что языковое смешение, происходящее в русском языке, не только влияет на моральные нормы и социальные нравы российского общества, но и препятствует эффективному продвижению и здоровому развитию государственного языка, не способствует сохранению его серьезности и чистоты. [Чжоу Миньцюань 2006:53] В. Путин также подчеркнул, что кампания по очищению русского языка и продвижение законодательства по защите его чистоты направлена не только на обеспечение статуса русского языка как важнейшего государственного языка. Это также является частью усилий, направленных на то, чтобы остановить отделение сотен этнических меньшинств в РФ¹.

Для того, чтобы очистить русский язык, Государственная Дума в 2001 г. планировала подготовить соответствующие законопроекты. Эти законы будут предусматривать, что в государственном языке не должно быть иностранных слов и все сотрудники государственных ведомств и

¹ 普京发起净化俄语运动 // 人民网 (Путин запускал кампанию по очистке русского языка // People's Daily)

URL:
<http://www.tangwai.com/sitehtml/news/gj/2001/8061.htm>
 (дата обращения: 03.02.2023)

журналисты должны будут сдавать строгий экзамен по русскому языку¹. Ограничения на использование иностранной лексики упоминаются в «Законе о государственном языке РФ», изданном в 2005 г. Кроме того, в 2014 г. президент России В. Путин подписал закон о запрете использования мата в средствах массовой информации. Этот закон запрещает использование нецензурной предосудительной лексики в литературных и художественных произведениях, средствах массовой информации, концертах, спектаклях и фильмах, а нарушители наказываются штрафом. Например, за нецензурную брань в СМИ юридические лица могут быть оштрафованы на сумму от 20 до 200 тысяч рублей, должностные лица - от 5 до 20 тысяч, физические лица - от 2 до 3 тысяч рублей².

25 января 2023 г. В. Путин включил в задачи государственной культурной политики противодействие «излишнему использованию иностранной лексики».³ 28 февраля 2023 г. В. Путин подписал закон о госязыке, регулирующий употребление иностранных слов. Этот закон подчеркивает, при использовании русского языка как государственного не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих современным литературным нормам, в том числе нецензурной брани.⁴ Это свидетельствует о том, что отношение правительства РФ к содействию очищению русского языка является решительным.

Некоторые лингвисты в России высказывают различные мнения по поводу движения за очищение русского языка. Например, известный российский лингвист

В. Костомаров заявил, что реформа языка и письменности необходима, при условии, что изменения основаны на уважении культурных, религиозных и географических особенностей страны и следуют внутренним правилам языка. Он считал, что русский язык выдержал несколько атак иностранных языков: в 18 веке это был французский, в 19 веке - немецкий, сейчас - английский, это явление происходит во всех странах.⁵ Кроме того, некоторые лингвисты сказали, что вторжение иностранных слов не обязательно уменьшает влияние национального языка и письменности, потому что суть языка и письменности страны выдержит испытание временем, а тому, что должно быть устранено, следует дать возможность сделать это естественным путем⁶.

На самом деле, европейская и американская культура оказывает сильное влияние на активное, молодое и образованное поколение в России. 23 августа 2022 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты опроса россиян о влиянии Запада на отечественную культуру. В ходе опроса было отмечено, молодежь входит в число тех, кто остается лояльным Западу, среди 18-34-летних доминируют установки на то, что Запад необходим России или может дать много хорошего (55-50%).⁷ Западные страны используют интернет-платформу для экспорта своей культуры и идеологии в области образования, средств массовой информации и повседневного общения, используя язык как средство передачи информации и через такие контенты, как литература, кино - телепродукция, музыка и онлайн-игры.

¹ 俄罗斯将立法保护本国语言 // 央视国际网络 (Россия законодательно защитит свой язык // Международная сеть CCTV) URL: <https://www.cctv.com/news/world/20010628/442.html> (дата обращения: 03.02.2023)

² Путин подписал закон о запрете мата в СМИ // URL: https://trunov.com/press-centr/news_smi/8900/ (дата обращения: 05.02.2023)

³ В задачи госполитики включили борьбу с использованием иностранных слов // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20230125/gospolitika-1847373747.html> (дата обращения: 05.03.2023)

⁴ Путин подписал закон о госязыке, регулирующий

употребление иностранных слов // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20230228/gosyazyk-1854958842.html> (дата обращения: 05.03.2023)

⁵ 俄罗斯将立法保护本国语言 // 央视国际网络 (Россия законодательно защитит свой язык // Международная сеть CCTV) URL: <https://www.cctv.com/news/world/20010628/442.html> (дата обращения: 03.02.2023)

⁶ Там же.

⁷ Влияние Запада и российская культура // ВЦИОМ НОВОСТИ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura> (дата обращения: 05.03.2023)

Молодежное поколение очень восприимчиво к новой иностранной лексике. Широкое использование иностранных слов на английском языке в повседневной жизни также более распространено в языковых привычках российских подростков. Поэтому очищение русского языка является также одним из способов защиты российского подросткового поколения от чрезмерного влияния западной культуры и идеологии. В целом, онтологическое планирование русского языка, ограничение чрезмерного использования иностранной лексики, борьба с нежелательными выражениями в иностранной лексике, продвижение кампании по очищению русского языка, а также содействие стандартизации и нормированию использования языка способствуют повышению престижа русского языка и его здоровому развитию.

Государственная языковая идеология является важнейшим фактором, влияющим на государственную языковую политику в сфере русского языка РФ. Создание, реализация и корректировка государственной языковой политики в сфере русского языка РФ преследуют в основном две цели. С одной стороны, чтобы адаптировать те части правовых текстов, которые не соответствуют современному общественному развитию, для удовлетворения потребностей развития государства в новый период; с другой стороны, это использование русского языка в качестве основы для единой идеологии и построение единой национальной идентичности через языковую идентичность. Кроме того, социально-языковая ситуация в РФ отражает тот факт, что русский язык широко используется в РФ и что все этнические группы имеют высокий уровень владения русским языком. Хотя языковая политика РФ в области русского языка имеет разные приоритеты развития в разные периоды, юридически она придерживается принципа сохранения равных языковых прав всех этнических групп. Распространение английского языка оказывает большое влияние на чистоту русского языка. РФ поставила цель защитить чистоту русского языка и ограничила чрезмерное

использование иностранной лексики, что сыграло ключевую роль в создании положительного имиджа русского языка и защиты его развития.

Языковая политика имеет не только важное культурное, но и политическое значение. В разные периоды были разные причины изменений тенденции государственной языковой политики в сфере русского языка РФ, однако все они преследовали одну и ту же цель. Корректировки и изменения статуса языка и языковых отношений направлены на формирование единой национальной идентичности, укрепление государственной власти, поддержание социального порядка, а также удовлетворение потребностей стратегического развития государства в разные периоды.

Разработка, реализация и адаптация государственной языковой политики в сфере русского языка РФ предлагает опыт для развития языковой политики в Китае. Китай – страна с огромной территорией, сложной национальной культурой и разнообразием диалектов, поэтому очень важно использовать китайский язык в качестве моста для укрепления языковых и культурных связей между различными регионами. Необходимо в полной мере использовать функцию маркера идентичности китайского языка, используя языковую идентичность как основу для формирования национальной идентичности, а также расширить коммуникативную функцию китайского языка как лингва франка, чтобы создать языковую гарантию для поддержания социальной стабильности, безопасности и единства государства. Меры, принятые в РФ для защиты чистоты русского языка, также приносят определенные размышления для защиты китайского языка. Во-первых, использование таких плохих слов, как бранные и вульгарные, в китайском языке должно быть ограничено в официальных ситуациях; во-вторых, существуют также нарушения в использовании иностранных слов в китайском языке, которые должны быть дополнительно регламентированы для повышения жизнеспособности китайского

языка и обеспечения его здорового развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 博纳德·斯波斯基.张治国译.语言政策——社会语言学中的重要论题[M].北京:商务印书馆, 2011. P. 87, 246. [B. Spolsky. Перевод Чжан Чжигуо. Языковая политика - ключевая тема в социолингвистике [M]. Пекин: Коммерческая пресса, 2011. С. 87, 246.]
- 何俊芳.公民社会构建与俄罗斯联邦民族政策走向[J].中南民族大学学报(人文社会科学版),2012,32(05). P. 30. [Хэ Цзюньфан. Строительство гражданского общества и направление этнической политики в РФ [J]. Журнал Центрально-Южного университета национальностей (издание гуманитарных и социальных наук), 2012, 32(05). С. 30.]
- 李旻.过去 30 年与过去三年俄罗斯的人口变化[N].世界知识,2021(19). P. 62, 63. [Ли Минь. Демографические изменения в России за последние 30 лет и последние три года [N]. Знание мира, 2021(19). С. 62, 63.]
- 周民权.俄罗斯语言改革进程中的净化新篇:回顾与反思[J].中国俄语教学,2006(03). P. 53, 55. [Чжоу Миньцюань. Новая глава очищения в процессе языковой реформы в России: обзор и размышления [J]. Китайское преподавание русского языка, 2006(03). С. 53, 55.]

REFERENCES

- 博纳德·斯波斯基.张治国译.语言政策——社会语言学中的重要论题[M].北京:商务印书馆, 2011. P. 87, 246. [B. Spolsky. Translated by Zhang Zhiguo. Language policy: a key topic in sociolinguistics [M]. Beijing: The Commercial Press, 2011. p. 87, 246.]
- 何俊芳.公民社会构建与俄罗斯联邦民族政策走向[J].中南民族大学学报(人文社会科学版),2012,32(05). P. 30. [He Junfang. The construction of civil society and the direction of ethnic policy in the Russian Federation [J]. Journal of Central South University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition), 2012, 32(05). p. 30.]
- 李旻.过去 30 年与过去三年俄罗斯的人口变化[N].世界知识,2021(19). P. 62, 63. [Li Min. Demographic changes in Russia in the last 30 years and the last three years [N]. World Knowledge, 2021(19). p. 62, 63.]
- 周民权.俄罗斯语言改革进程中的净化新篇:回顾与反思[J].中国俄语教学,2006(03). P. 53, 55. [Zhou Minquan. A new chapter of purification in the process of Russian language reform: a review and reflection[J]. Russian Language Teaching in China, 2006(03). p. 53, 55.]

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

Таблица 1

Изменение численности населения России (1939-2020)

Го ды	Городское и сельское население (тысяч человек)	В том числе		Доля в общей численности населения (%)	
		городско е населени е	сельское населени е	городск ое населен ие	сельское населени е
1939	108377	36296	72081	33.5	66.5
1959	117240	61143	56097	52.2	47.8
1970	129941	80631	49310	62.1	37.9
1979	137410	94942	42468	69.1	30.9
198	147022	107959	39063	73.4	26.6

9					
2002	145167	106429	38738	73.3	26.7
2010	142857	105314	37543	73.7	26.3
2020	147182	110075	37106	74.8	25.2
Примечание: 1939 - наличное население, 1959-2020 - постоянное население.					

Таблица 2

Национальности (более 1 млн. человек) по ВПН-2002

Имя национальности	Численность (тысяч человек)	Доля в общей численности национальности (%)
Русские	115889.1	79.83
Татары	5554.6	3.83
Украинцы	2943.0	2.03
Башкиры	1673.4	1.15
Чуваши	1637.1	1.13
Чеченцы	1360.2	0.94
Армяне	1130.5	0.78

Таблица 3

Национальности (более 1 млн. человек) по ВПН-2010

Имя национальности	Численность (тысяч человек)	Доля в общей численности национальности (%)
Русские	111016.896	77.71
Татары	5310.6	3.72
Украинцы	1928.0	1.35
Башкиры	1584.6	1.11
Чуваши	1435.9	1.01
Чеченцы	1431.3	1.00
Армяне	1182.4	0.83

Таблица 4

Национальности (более 0.5 млн. человек) по ВПН-2020

Имя национальности	Численность (тысяч человек)	Доля в общей численности национальности (%)
Русские	105579.179	71.73
Татары	4713.669	3.20
Чеченцы	1674.854	1.14
Башкиры	1571.879	1.07
Чуваши	1067.139	0.73
Аварцы	1012.074	0.69
Армяне	946.172	0.64
Украинцы	884.007	0.60
Даргинцы	626.601	0.43
Казахи	591.970	0.40
Кумыки	565.830	0.38

Кабардинцы	523.404	0.36
Ингуши	517.186	0.35

Таблица 5

Ситуация владения русским языком в РФ

Годы	Общая численность населения (тысяч человек)	Численность лиц, владеющих русским языком (тысяч человек)	Доля в общей численности населения (%)
2002	145167	142573.285	98.21
2010	142857	137494.893	96.25
2020	147182	134319.233	91.26

Рис. 1: Национальный состав РФ по ВПН-2002 (тысяч человек)

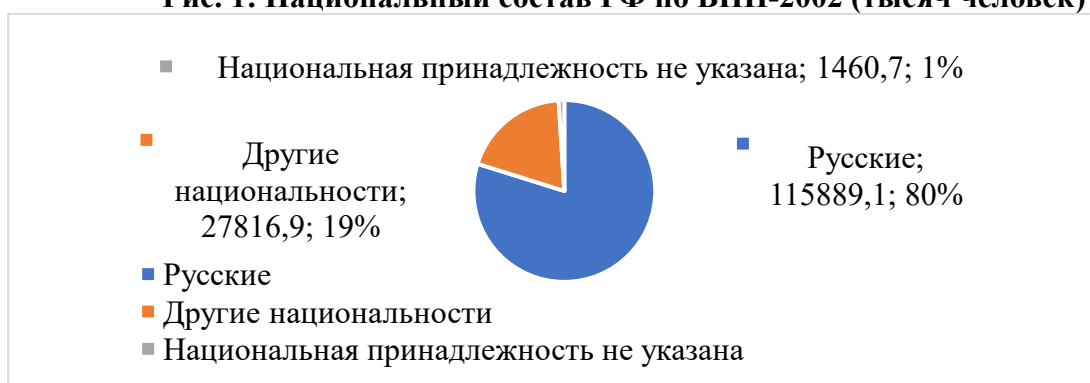

Рис. 2: Национальный состав РФ по ВПН-2010 (тысяч человек)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дин Синьи, магистр в области «Международных отношений», ДУИЯ, 116044, Далянь, Люйшунь Нанлу Сидуань, КНР. (E-mail: evangelinevans@qq.com)

Ding Xinyi, master in International Relations, DUFL, Dalian, China. Ding Xinyi, MA DUIA, 116044, Dalian, Liushun Nanlu Xiduan, PRC. (E-mail: evangelinevans@qq.com)

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

Рецензия / Review

Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 5: Кыргызстановедение / Под науч. ред. Пивовора Е.И. Москва: Издательство РГГУ, 2022. 305 с.

А. Ю. Наумова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: anaoumova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание сборника научных трудов, посвященного истории и современному развитию Кыргызской Республики в контексте хозяйственно-экономического и культурного взаимодействия постсоветских государств.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, постсоветское пространство, Центральная Азия, Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, евразийская интеграция.

Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies. Issue 5: Kyrgyzstanology / Under scientific. Ed. by Pivovara E.I. Moscow: Publishing House of the Russian State University, 2022. 305 S.

Anastasia Yu. Naumova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: anaoumova@yandex.ru

Abstract. The article examines the content of a collection of scientific papers devoted to the history and modern development of the Kyrgyz Republic in the context of economic, economic and cultural interaction of post-Soviet states.

Keywords: Kyrgyz Republic, post-Soviet space, Central Asia, Commonwealth of Independent States, Eurasian Economic Union, Eurasian integration.

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 г. ее приоритетными направлениями являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками Содружества Независимых Государств и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием. Также Москва считает ключевой задачу углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза, участницей которого является и Кыргызская Республика¹. О значимости

постсоветского пространства для России не раз говорили и высшие лица нашего государства. «Одним из важнейших приоритетов во внешних делах для России являются отношения с нашими ближайшими соседями, с республиками бывшего Советского Союза»², – отметил В.В. Путин в ходе встречи с членами Совета Безопасности России 1 июня 2021 г.

Приходится, однако, констатировать, что в отечественной науке труды, посвященные комплексному анализу проблем развития целого ряда некогда входивших в СССР республик, все еще присутствуют в недостаточном объеме.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_document/s/1538901.

² Путин назвал отношения с республиками бывшего СССР одним из приоритетов РФ // Известия. 1 июня 2021. URL: <https://iz.ru/turbopages.org/iz.ru/s/1172300/2021-06-01/putin-nazval-otnosheniia-s-respublikami-byvshego-sssr-odnim-iz-prioritetov-rf>.

Особенно это касается Кыргызстана – центральноазиатского государства, активно участвующего в процессах интеграции на постсоветском и евразийском пространствах, имеющего стратегическое значение для обеспечения безопасности России на южном направлении.

В этой связи важность и актуальность выхода пятого выпуска ежегодного издания «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований: Кыргызстановедение» Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ трудно переоценить. Представленный сборник является актуальным ответом на вызовы времени – времени, когда изучение наиболее животрепещущих вопросов из всех сфер жизни нашего соседа становится не только научной задачей, но и насущной практической необходимостью.

Надо отметить, что созданный академиком РАН Е.И. Пивоваром Институт постсоветских и межрегиональных исследований является ведущим центром изучения стран постсоветского зарубежья в целом и Кыргызстана в частности. В последние годы Институт предпринял ряд важных шагов по укреплению и развитию научных и образовательных связей с киргизскими вузами, что помогло наладить активный диалог с исследовательским сообществом Республики Кыргызстан и стимулировать изучение всех аспектов внешней и внутренней политики, истории и культуры страны.

В сборнике «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований: Кыргызстановедение» коллектив авторов под редакцией Е.И. Пивовара рассматривает релевантные исторические сюжеты и различные проблемы современного политического, экономического, социального и культурного развития независимого Кыргызстана. В данное научное исследование вошло двенадцать статей, а также обзор Международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и

возможности», состоявшейся в июле 2021 г. в Ташкенте.

Открывает сборник статья Е.Я. Виттенберга и Е.И. Пивовара «Сотрудничество российского и кыргызского бизнеса. История и современность» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С. 11–82]. В работе авторы представили не только глубокий анализ российско-киргизского сотрудничества в XXI в., но и выделили несколько этапов истории взаимоотношений российских и кыргызских предпринимателей, начиная с конца XVIII в. и заканчивая процессом вхождения Республики Кыргызстан в ЕАЭС. Исследователи констатируют, что в начале 1990-х гг. в Бишкеке, как и в других столицах бывших республик СССР, было немало иллюзий, связанных с взаимодействием с западным бизнесом. Именно «под воздействием этих иллюзий в ряде постсоветских государств стали относиться к сотрудничеству между собой как к чему-то вторичному и малозначимому, но практика показала, что многие постсоветские государства для развитых стран не представляют особого интереса» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.20]. И лишь в нулевые годы XXI века, как отмечают авторы, произошел перелом отношений между предпринимателями России и Киргизии в сторону их резкой интенсификации и сближения, что во многом привело к решению Кыргызстана вступить в ЕАЭС. Е.Я. Виттенберг и Е.И. Пивовар также уделяют особое внимание проблеме взаимных инвестиций российского и киргизского бизнеса, отмечая, что это «является весьма сложным делом» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.20]. Рассматривая динамику и объем инвестиций, авторы опираются на большой массив статистических данных, что позволяет им успешно исследовать наиболее значимые случаи сотрудничества государственных структур и крупнейших

компаний двух стран, таких как ПАО «Газпром» и ОАО «Кыргызнефтегаз».

Большое внимание в статье уделено и такому значительному для выстраивания дальнейшего торгово-экономического взаимодействия двух стран фактору, как функционирование институтов, содействующих сотрудничеству предпринимателей России и Кыргызстана. Акцентируя внимание на важности институциональной основы межгосударственного диалога, авторы рассматривают деятельность Межправительственной кыргызско-российской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству, взаимодействие профильных министерств и участников банковского сектора, уделяют внимание региональному измерению деятельности предпринимателей Российской Федерации и Республики Кыргызстан. В заключение Е.Я. Витенберг и Е.И. Пивовар приходят к выводу, что «исторический тренд развития отношений между предпринимателями двух стран был, безусловно, позитивным, хотя и характеризовался как серьезными подъемами, так и заметными спадами, вызванными объективными и субъективными обстоятельствами» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.69–70]. Для дальнейшего устойчивого роста взаимодействия бизнеса двух стран, по мнению авторов, важным является фактор соблюдения достигнутых договоренностей и заключенных договоров [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.70].

В сборнике рассматриваются и различные исторические сюжеты, проблемы формирования институтов гражданского общества в Кыргызстане, некоторые аспекты научно-культурного сотрудничества на Евразийском пространстве. Так, в статье М.Ю. Мухина «Победа – одна на всех. Киргизия в годы Великой Отечественной войны» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.199–212] поднимаются вопросы

совместного прошлого России и Киргизии, не теряющие своей актуальности и сегодня, среди которых особенно стоит выделить роль Киргизской ССР в победе над гитлеровской Германией и историю эвакуации населения из западных областей СССР в Киргизию. Обращаясь к изучению вклада этой центральноазиатской республики в общую победу, автор на основе документальных источников анализирует динамику изменения промышленного производства, социального и возрастного состава жителей Киргизии в период проведения эвакуации и непосредственного участия в боевых действиях. В итоге исследователь приходит к закономерному выводу, что победа над гитлеровским Рейхом и его союзниками является, безусловно, и победой советской Киргизии [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С. 210].

История формирования, особенности развития и современное состояние институтов гражданского общества Кыргызстана анализируется в работе А.К. Бектановой и А.Х. Бугазова [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.140–162]. Авторы исследуют исторические и этнокультурные истоки возникновения кыргызстанского гражданского общества, национальные особенности данного процесса, дают его краткий обзор и приходят к выводу, что на сегодняшний день гражданское общество в Киргизии «является не только предметом философского дискурса, но и постепенно становится реальной формой социального бытия, по крайней мере, в его институциональном измерении» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.161].

В исследовании М.В. Катагощиной и И.Е. Хановой «Кыргызская Республика в международном диалоге культур на пространстве Евразии» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.83–123] скрупулезно рассматриваются роль и место Киргизии в процессе развития культурного диалога

стран и народов Евразии в 1990–2010-е гг. Большое внимание авторы уделяют изучению взаимодействия Кыргызстана с институтами культурного сотрудничества в рамках СНГ и реализации культурных программ ЮНЕСКО, значению диаспор как акторов культурного диалога России и Кыргызстана. Справедливо подчеркивается, что «потенциал в межкультурном диалоге на пространстве Евразии раскрыт далеко не полностью» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.114].

Несомненным достоинством сборника является большой исследовательский интерес творческого коллектива к широкому спектру отдельных аспектов жизни кыргызского общества. В рамках данного дискурса анализируются основные этапы конституционно-правового развития государства [Борубашов, Нурматов, Турсунбаева, Чогулдуров 2022: 124-147]; вопросы правового регулирования в традиционном кыргызском обществе [Эшмурадова 2017: 220-238]; проблемы сохранения исторической памяти и изучения исторического наследия [Исмаилов: 213-219.]; процесс развития гуманитарного сотрудничества Кыргызстана и Казахстана [Калашникова 2020: 171-180]; деятельность Кыргызско-Российского Славянского университета [Джакишев: 163-170]; история традиционной культуры и повседневной жизни киргизов [Скреминская: 181-198; Стасевич, Прищепова: 239-260]. Завершает сборник статья И.Е. Хановой и К.А. Кудаярова «Республика Кыргызстан:

очерк истории и культуры» [Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований 2022: С.261–292], в которой последовательно рассматриваются основополагающие этапы истории Кыргызской Республики и ее современное положение в мире.

В заключение хотелось бы отметить, что выход серийного издания «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований: Кыргызстановедение» является важной вехой в изучении истории и современности Кыргызской Республики. Статьи сборника отличаются научной новизной и актуальностью, вносят вклад в разработку важной с научной точки зрения проблемы, представляют безусловную ценность для популяризации знаний в области кыргызстановедения. Нельзя не согласиться с Е.И. Пивоваром, отмечающим в предисловии, что рассматриваемые сюжеты «актуальны сегодня и для понимания нынешнего состояния и перспектив дальнейшего развития Кыргызстана, и для анализа настоящего и будущего всех стран постсоветского пространства» (С.10). Эти вопросы действительно имеют не только важное научное, но и общественно-политическое значение. В современных условиях глобального кризиса лучшее понимание стратегического партнера России, ее союзника по ОДКБ, члена ЕАЭС и ШОС может и должно способствовать оптимизации внешнеполитической стратегии нашей страны на одном из ключевых для нее направлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борубашов Б.И., Нурматов Т.А., Турсунбаева Н.С., Чогулдуров С.Б.* Конституционно-правовое развития Кыргызской республики // 2022. Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 5. С. 124-147.
- Джакишев А.У.* Кыргызско-Российский Славянский университет – научный форпост России в Кыргызстане // С. 163-170.
- Исмаилов Ш.А.* Рукописи не горят... // С. 213-219.
- Калашникова Н.П.* Международный проект АНК «Беседы на Шелковом пути»: новые возможности международного сотрудничества в сохранении общей исторической памяти Н.П. Калашникова // С. 171-180.
- Наумова А. Ю.* Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып.5: Кыргызстановедение / Под науч. ред Пивовора Е.И. Москва: Издательство РГГУ, 2022. 305 с.

- Скреминская Л.Р.* Исторические страницы повседневной жизни кыргызского народа в произведениях Ч. Айтматова // С. 181-198
- Стасевич И.В., Прищепова В.А.* Фотоколлекция К.К. Юдахина по традиционной культуре киргизов в собрании Петербургской Кунсткамеры // С. 239-260.
- Эшмурадова Н.Д.* Право в традиционном кыргызском обществе // 2017. С. 220-238.

REFERENCES

- Borubashov B.I., Nurmatov T.A., Tursunbaeva N.S., Choguldurov S.B.* Constitutional and Legal Development of the Kyrgyz Republic. In: Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Inter-regional Studies. Vol. 5. P. 124-147.
- Dzhakishev A.U.* Kyrgyz-Russian Slavic University - scientific outpost of Russia in Kyrgyzstan // P. 163-170.
- Ismailov Sh. A.* Manuscripts don't burn... // P. 213-219.
- Kalashnikova N.P.* The international project of ANK "Conversations on the Silk Way": new possibilities of the international collaboration in preservation of the general historical memory of N.P. Kalashnikov // P. 171-180.
- Naumova A. Y.* Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Inter-regional Studies. V. 5: Kyrgyzstani Studies / Ed. by Pivovor E.I. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2022. 305 p.
- Skreminskaya L.R.* Historical pages of everyday life of Kyrgyz people in the works of Aitmatov // P. 181-198
- Stasevich I.V., Prischepova V.A.* Photographic collection of K.K. Yudakhin on traditional culture of Kyrgyz people in the collection of the Kunstkamera in St-Petersburg // P. 239-260.
- Eshmuradova N.D.* Law in the traditional Kyrgyz society // 2017. P. 220-238.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наумова Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет. Старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований, Москва, Россия. (E-mail: anaoumova@yandex.ru)

Anastasia Yu. Naumova, PhD in History, Russian State University for the Humanities. Senior Research Fellow, Institute for Post-Soviet and Interregional Studies, Moscow, Russia. (E-mail: anaoumova@yandex.ru)